

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

кельты

ВЛАСТИТЕЛИ БИТВ

СТИВЕН АЛЛЕН

кельты

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

СТИВЕН АЛЛЕН

КЕПЬТЫ

ВЛАСТИТЕЛИ БИТВ

ЭКСМО
МОСКВА
2010

УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4
А 50

Печатается по изданию:

Stephen Allen
Lords of Battle
The World of the Celtic Warrior

Перевод с английского А. Колина

Аллен С.
А 50 Кельты. Властители битв / Стивен Аллен ; [пер. с англ. А. Колина]. — М. : Эксмо, 2010. — 224 с. : ил. — (Военная история человечества).

ISBN 978-5-699-38415-0

Книга «Кельты. Властители битв» известного британского автора Стивена Аллена рассказывает нам о таинственном мире древних кельтов, не исчезнувших бесследно, но оставшихся в памяти современников и потомков яростными и бесстрашными бойцами, искусными ремесленниками и почитателями прекрасного. Они сражались и побеждали, но в итоге пали перед более сильным соседом — Великим Римом. Мир кельтов ушел, но не погиб, они стали предками многих современных народов Западной Европы. Нет никакого сомнения, что предлагаемая вниманию читателя книга станет долгожданным подарком как тем, кто начинает свой путь в изучении истории, так и искушенным специалистам.

УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4

Научно-популярное издание

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аллен Стивен

КЕЛЬТЫ. ВЛАСТИТЕЛИ БИТВ

Ответственный редактор *А. Ефремов*. Научный редактор *С. Липатов*
Дизайн переплета *М. Горбатов*. Художественный редактор *Б. Волков*
Технический редактор *О. Кистерская*. Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Подписано в печать 04.12.2009. Формат 84×108 1/16.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 3 000 экз. Заказ 3119.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-38415-0

9 785699 384150 >

ISBN 978-5-699-38415-0

© First published in Great Britain in 2007, by Osprey Publishing Ltd, Midland House, West Way, Botley, Oxford, OX2 0PH.
All rights reserved.
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Кем же были кельты?	6
Хронология	14
Часть I. Сквозь мглу веков	16
Глава 1. Подъем кельтского мира	18
Глава 2. Переселенцы и наемники	35
Часть II. Воин и его мир	58
Глава 3. Узы общества	60
Глава 4. Тени — обманчивые образы кельтских богов	84
Глава 5. Путь воина	109
Часть III. Орел и ворон	142
Глава 6. Кельтиберы — испанская язва на теле Рима	144
Глава 7. Битва за Галлию	157
Глава 8. «За океан»	172
Часть IV. Сумерки	194
Глава 9. Угроза с севера	196
Глава 10. Закат кельтского мира	200
Глава 11. Романтика и действительность	205
Глоссарий	213
Библиография	215
Алфавитный указатель	217
Примечания переводчика	223

ВВЕДЕНИЕ

КЕМ ЖЕ БЫЛИ КЕЛЬТЫ?

Все, кто роду и племени их... грезят войной; они отважны и быстро решаются на битву... Исполнившись намерения сражаться, готовы рискнуть жизнями, не рассчитывая ни на что, кроме как на мощь и удаль (Страбон. «География»).

Такими словами греческий историк и географ Страбон описывал кельтские народы в Западной Европе в I веке до н.э. Делая это, он в точности отражал распространенное мнение обитателей средиземноморского мира в отношении диких и чуждых их культуре соседей. Для классических цивилизаций Греции и Рима кельтский воин представлял собой архетип варвара: крупный, чрезвычайно сильный и кровожадный сверх всякой меры. Бросающийся обнаженным в битву, не боящийся ран и размахивающий огромным мечом, чтобы срубать им головы врагам, такой человек являлся настоящей антитезой вымуштрованным и дисциплинированным солдатам, будь то греческие гоплиты в составе фаланги или римские легионеры. Такое представление сохранилось, законсервировалось, благополучно пережило более двух тысячелетий и бытует по сей день. Стереотип настолько силен, что порой не позволяет рассмотреть за собой истинную природу кельтского воина как важнейшую составляющую структуры и залог самого существования древнего кельтского общества — того неукротимого, сложного и многообразного общества, в котором этот воин жил. Оно просуществовало свыше 500 лет на значительных территориях Европы и оставило по себе богатое наследие в плане искусства, языка и преданий.

Вопрос идентификации кельтов как народа остается предметом жарких споров и основой острых противоречий как между специалистами, так и между «простыми смертными» — для многих он самая что ни на есть животрепещущая тема. Термин «кельты» — «*кельтой*» по-гречески или *celtae* по-латыни — почти 2600 лет тому назад впервые употребил греческий географ Гекатей Милетский, когда описывал варварское племя, жившее поблизости от греческой колонии Массалия — современного города Марсель на средиземноморском побережье Франции. Он также сообщал, что Нарбон (теперешняя Нарбонна), расположенный далее на запад по тому же берегу, являлся городом кельтов, как и другой — Ниракс, — который теперь считают древней Норейей (или Нореей — сегодня Ноймаркт. — *Прим. пер.*) в Австрии.

В V веке до н.э. греческий историк Геродот писал о том, что кельты живут вблизи истоков Дуная, но также и за Геркулесовыми столбами (проливом Гибралтар).

Столетие спустя греческий автор Эфор называл кельтов одним из четырех крупных варварских народов наряду со скифами, персами и ливийцами, живущими за пределами классического средиземноморского мира. В ту же пору в хрониках упоминаются острова Альбион и Иерне (Британия и Ирландия). Исследователь и первопроходец Питей из Массалии, совершивший в IV веке до н.э. знаменитый вояж вдоль Атлантического побережья Западной Европы, называл их — Альбион и Иерне — «Претанийскими островами», кои лежат к северу от земель кельтов.

Происхождение термина «кельтой» неизвестно, хотя оно, надо полагать, само по себе кельтское, ибо проявляется в названиях племен — таких как *celtiberi* (кельтиберы) — и в именах людей — *Celtillus* (Кельтил). В I веке до н.э. Юлий Цезарь во вступлении к «Запискам о Галльской войне» упоминал о том, что какие-то племена в Галлии называют себя собирательно кельтами, «хотя мы [римляне] называем их галлами».

Писавший через два столетия греческий автор Павсаний говорил, что термин «кельтой» более древний, чем *galli*. Обычно предлагается несколько

Фрагмент с Гундеструпского котла с изображением головы и рук божества с двумя фигурами людей по бокам. Обратите внимание на торквес, или торк (см. глоссарий. — *Прим. пер.*) и всадника справа, который в какой-то степени композиционно связан с более крупной фигурой (архив Вернера Формана / Государственный музей [Копенгаген]).

Кованый бронзовый диск из Ирландии. I век н.э. В основе художественной композиции несколько окружностей, отличающихся друг от друга и толщиной, и силуэтом. Основная деталь смещена в сторону от центра. Пониже, похоже, прослеживается признак изображения торка, иначе торквеса, или шейной гривны (архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

объяснений. Слово «кельт» можно вывести из индоевропейского корня «благородный» и «высокопоставленный», а «галл» — из «сильный» и «могущественный». Термин *galli* употреблялся римлянами с начала IV века до н.э. для обозначения вторгавшихся в Италию кельтов, а позднее и для тех, кто жил за Альпами в сегодняшней Франции. У греков было в ходу еще обозначение «галатой», или галаты, которое относилось к говорящим на кельтских наречиях народам Центральной Европы, вторгавшимся в Грецию, а затем поселившимся в Малой Азии (современная Турция) в III веке до н.э. Слово «кельтибер» подразумевает говорящее по-кельтски население Иберийского полуострова (Испании и Португалии), на культуру которых оказывали сильнейшее влияние соседи — иберы, или иберийцы. Сейчас их называют также испано-кельтами. Согласно Питею, жители Британии считали себя *pretani*.

Античные греки полагали, что «кельтой» живут на территории, которую мы сегодня называем Иберийским полуостровом, Францией и верховьями Дуная на юге Германии. Учитывая размах ареала обитания кельтов, невозможно вести речь о каком-то едином кельтском народе или племени. Они могли, конечно, иметь много общего в том, что касается материальной культуры, общественного устройства и религиозных верований, однако идея некоего панъевропейского кельтского сообщества и разделяемой всеми единой системы верований, некогда существовавших у них, считается ныне неточной и чрезмерно упрощенной. Археологические находки указывают на сильные региональные особенности и наличие, если можно так сказать, мозаичного характера у весьма разнообразных кельтских сообществ в разных уголках Европы. Одной из общих особенностей следует, однако, считать их язык. Именно он на сегодняшний день — как наиболее широко разделяемое и наиболее приемлемое мерило — служит для определения принадлежности или непринадлежности того или иного народа к кельтам. Исходя из этого, мы имеем право утверждать, что кельты — это те народы, которые жили в Центральной и Западной Европе во второй половине I тысячелетия до н.э. и общались между собой на диалектах группы языков, называемой кельтской.

КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Кельтские языки входят в индоевропейскую семью языков — одну из самых широких и включающих в себя практически все современные европейские языки, за исключением баскского, эстонского, финского и венгерского. В эту семью входит также ряд языков, используемых народами Среднего Востока и Индии, — в их числе персидский, хинди и урду. По этому признаку языки древних кельтов можно разделить на две большие подгруппы: континентальную и островную. Как вытекает из названия, в первом случае имеются в виду говоры материковых районов Европы, тогда как к последним относятся те диалекты, на которых говорили, да и говорят теперь на Британских островах, а также в Бретани. Тогда как континентальные кельтские языки постепенно отмерли, островные уцелели и — хотя очень и очень видоизмененные — служат нам одним из главных источников информации о древних кельтских обществах.

Благодаря наличию сведений о названиях мест и именах людей, сохранившихся на монетах и надписях, представляется возможным вычленить несколько различных континентальных кельтских диалектов. В Иберии кельтиберский использовался в центральной, северной и западной частях полуострова. На западном побережье и на юго-западе выделялся особый диалект, называемый лузитанским.

На галльском говорили на довольно обширной территории, где ныне находятся Франция и Бельгия, а также по другую сторону долины Рейна. Живший и писавший в I веке до н.э. Цезарь разделял Галлию на три части, называя их

Кельтская надпись на основе греческого алфавита из Вэзон-ля-Ромен во Франции (Художественный архив / Музей каменных скульптур в Авиньоне / Дальи Орти).

обитателей бельгами, кельтами и аквитанами. Римляне продолжали считать их вместе галлами, однако уцелевшие надписи на галльском говорят о правильности мысли в отношении существования отличных друг от друга диалектов в Галлии. Письменные памятники на галльском обнаруживаются также и на севере Италии. Однако в районе к северо-западу от долины По и вокруг итальянских озер прослеживаются более ранние формы кельтского, называемого иногда лепонтийским. Письменные памятники оттуда указывают на факт проживания в долине реки По кельтов еще в IV веке до н.э., как и дают достаточно сведений для выявления различий между лепонтийским и галльским диалектами, принесенными с собой пришельцами позднее. Наличие в Центральной Европе массы географических названий, отличающихся от западных кельтских диалектов, а также историческое присутствие кельтоговорящих народов в регионе среднего течения Дуная позволяют выделить еще один кельтский диалект. Язык, на котором общались кельтские переселенцы, обосновавшиеся в Малой Азии в III веке до н.э., вероятнее всего, был схож с восточным кельтским диалектом.

Так называемые островные кельтские языки разделяются на две ветви: британский, на котором говорили на территории сегодняшней Англии и Уэльса (где язык не умер, но продолжает жить) и который пустил корни в Британии после падения Римской империи, а также гойдельский, употреблявшийся в Ирландии и распространившийся на Шотландию и остров Мэн после ухода римлян. Язык древних жителей северной части Британии, позднее называвшихся пиктами, остается чем-то больше из области догадок. О нем известно мало, а те немногие сохранившиеся примеры его проявления ограничены географическими названиями и именами людей, а также горсткой письменных памятников, не поддающихся расшифровке. Существовали и существуют предположения, что пиктский есть некий пракельтский язык, не входивший в индоевропейскую семью, хотя те слова, которые все же удалось опознать, по всей видимости, родственны британскому диалекту.

Древние кельтские языки иногда также делятся на две другие подгруппы, обычно известные как «Р-кельтский» и «Q-кельтский». Наиболее очевидное различие в замене звука, выражаемого в ранний период «q», на более поздний «r». Например, в валлийском — британском, или Р-кельтском, — языке слову «сын» эквивалентно *tar*; тогда как в ирландском или шотландском гэльском — каковые оба гойдельские, или Q-кельтские, языки, оно звучит как *tas*. Британский, галльский и лепонтийский принадлежат к Р-кельтской группе, так же как галатийский и, предположительно, восточно-кельтский диалект. Гойдельский, кельтиберийский и лузитанский относятся к Q-кельтской подгруппе. На протяжении многих лет данного рода различие считалось очевидным указанием на «приход кельтов» в разное время и в разные места Европы, особенно на Британские острова. Подвижки в археологии и генетике в изрядной мере дискредитировали этот постулат. Причиной эволюции древних европейских сообществ в настоящее время принято считать обмен идеями и культурную

ассимиляцию, а не сменявшие одна другую волны завоевателей. Полагают, что кельтские языки не распространились с какого-то небольшого региона быстро, а расширяли ареал своего применения по Европе постепенно.

Источники данных

Наши знания о древних кельтах и мире, в котором они жили, проистекают из различных источников. К сожалению, они обычно носят фрагментарный характер, к тому же нередко двусмысленны и порой даже противоречивы. Словом, нет ни одного без недостатков.

Рассказы греческих и римских писателей — таких как Геродот, Полибий, Ливий и Цезарь — служат богатейшими кладями информации в отношении обычаев и истории древних кельтов. У них есть преимущество приближенности к объекту изучения, хотя они современны событиям лишь в редких случаях. Некоторые авторы просто заимствуют сведения у других — обычно у предшественников. Относиться к ним надо с осторожностью, ибо они обычно страдают от неизбежных предубежденности, искажений и недопонимания и, как следствие, неверных трактовок.

Греческие и римские авторы либо находились в плену стереотипов представлений о варварах, либо просто писали так, как того ожидала цивилизованная публика в странах Средиземного моря, намеренно упирая на различия и пропуская сходства между ними и северными обществами. Следовательно, кельты изображались темными и всегда готовыми к драке

Озеро Гальштат — место многочисленных находок периода раннего железного века (akg-images / Эрих Лессинг).

Фигура гальштатского
воина из Гиршланденского
захоронения в Вюртемберге.
VI век до н.э. (akg-images /
Эрих Лессинг).

воинственными и агрессивными дикарями. Тем не менее римляне особенно уважительно отзывались о них как об отважных и мужественных противниках в сражениях, чтобы подчеркнуть величие собственных побед над кельтами или найти, по возможности, более подходящую причину для объяснения поражений. На классических писателей оказывало большое влияние прошлое — воспоминания о жестоких вторжениях кельтов в пределы средиземноморского мира, особенно в Италию и Грецию. Такие работы походят на серии зарисовок, запечатлевших кельтов как нечто незыблемое, и демонстрируют тенденцию показывать кельтские общества статичными и неизменными, что, конечно же, не соответствовало действительности. Несмотря на все вышеперечисленное, без хроник древних писателей наши попытки понять кельтов были бы куда менее продуктивными. Более материальными источниками информации служат изучение и анализ данных современных археологических раскопок.

Хотя сама по себе археология освещает предмет лишь отчасти, ее наиболее сильное преимущество заключается в том, что она не подвержена предвзвешенным классических комментаторов или их средневековых толкователей и переписчиков (хотя она не всегда в безопасности от концепций самих археологов). Ряд археологов выдвигает соображения того рода, что, поскольку неизвестно, идентифицировали ли сами народы Европы железного века — особенно те, что жили в Британии и в Ирландии, — себя как кельтов, будет неверным определять их как таковых. Хотя и верно, что не все те народы, которых мы теперь называем кельтами, считали себя ими, некоторые народы Европы железного века действительно, говоря о себе, использовали именно такой термин. Зато известно точно, что ни в античные, ни в наши времена не существовало и не существует, так сказать, кельтской «национальной» или «расовой» принадлежности. Последние исследования в области генетики показывают, что население Европы во временной отрезок от окончания последнего ледникового периода — примерно около 10 000 лет назад — и до Великого переселения народов к моменту разрушения Римской империи в IV и в V веках н. э. оставалось практически неизменным.

Традиционно считалось, что кельты представляли собой полностью неграмотное сообщество, однако в последние годы обнаруживается все больше письменных памятников на кельтских языках, хотя и не все эти надписи удалось успешно перевести. В зависимости от времени и места извлечения они бывают написанными с использованием алфавитов, позаимствованных от этрусков, греков, иберов или римлян. Другие лингвистические источники представлены географическими названиями и именами людей, кельтскими словами, упоминающимися в классических текстах, и характерными особенностями строения современных кельтских языков. Ко всему этому можно прибавить народные сказания кельтских обществ, уцелевших в постримскую эпоху. Однако как и классические рассказы, так и более поздние народные сказания требуют осторожного подхода.

Великолепно украшенный, инкрустированный кораллами диск начала IV века до н.э. (akg-images / Пьетро Багуцци).

Последние впервые были записаны через добрую тысячу лет после того, как кельтов завоевала и поглотила Римская империя. Работу эту проделывали христианские монахи в эпоху раннего Средневековья, и надо помнить, что — не считая уже естественного риска тенденциозности подхода — фиксировали они единственно мифы и легенды Уэльса и Ирландии, тогда как страны эти в доримский и римский периоды лежали на самой окраине кельтского мира. Исходя из этого, мы не должны и не можем брать их за образец в наших попытках разобраться в устройстве кельтских обществ в других частях Европы. Хотя лингвистические свидетельства в поддержку существования кельтов сложны для идентификации и неполны, все же они способны четко указать на вполне определенную группу народов Европы железного века, которых греки и римляне считали кельтами.

Разнообразные источники, которыми мы располагаем, позволяют выявить крупную группу народов в Европе железного века, говоривших на родственных языках и разделявших более или менее общие для всех подгрупп признаки: верования, общественные структуры, изобразительные средства и особенно любовь к войне. Таких характеристик вполне достаточно для того, чтобы логически обоснованно и с полным основанием называть народы эти одним и тем же общим именем. Хотя каждый из источников сам по себе способен предоставить лишь ограниченный угол обзора, взятые же вместе, они позволяют нам создать вполне четкую, хотя и довольно обобщенную картину мира, в котором жили кельты.

ХРОНОЛОГИЯ

ДО НАШЕЙ ЭРЫ

С VIII по VI века	На западе и в центре Европы раннего железного века процветает гальштатская культура.
Около 450 года	Упадок гальштатских княжеств и распространение латенской культуры железного века.
Около 400 года	«Кельтой» впервые упоминаются греками. Начало «кельтских миграций». Боии (также бои. — <i>Прим. пер.</i>), ценоманы, лингоны и сеноны обосновываются в долине реки По и на адриатическом побережье. Прочие кельтоговорящие племена продвигаются на юго-восток по долине Дуная. Закат эпохи могущества этрусков в Северной Италии.
387 год	Разграбление Рима кельтами. (1)
335 и 323 годы	Александр Великий принимает кельтские делегации на Балканах и в Вавилоне.
281 год	Кельты вторгаются в Македонию, одерживают победу над греками у Фермопил. Кельты продвигаются дальше и предаются разграблению святилище в Дельфах, но терпят поражение в битве (279 год). Уцелевшие возвращаются в долину Дуная.
278 год	Кельтские племена — тектосаги, трокмии и толистобоги — проникают в Малую Азию.
275 год	Кельты-галаты разгромлены Антиохом Селевкидом (Антиох I Сотер. — <i>Прим. пер.</i>).
240 год	Галаты разбиты Атталом Пергамским.
225 год	Римляне громят кельтов под Теламоном. Упадок власти и могущества кельтов в северной части Италии ведет к созданию римлянами провинции Цизальпийская Галлия.
218–202 годы	Вторая Пуническая война. Кельтиберские и галльские наемники играют важную роль в победах карфагенян над Римом.
197–179 и 154–133 годы	Рим пытается подчинить племена кельтиберов в Иберии.
133 год	Осада Нуманции становится переломным моментом в истории сопротивления кельтиберов.
125 год	Рим выступает на стороне Массалии (Марсея) против галльского племени салювиев. Начало военных интервенций римлян в Галлию.

124–121 годы	Рим наносит поражение салювиям, аллоброгам и арвернам. Основание римской военной базы в Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс).
118 год	Учреждение римской провинции Трансальпийская Галлия.
112–101 годы	Миграция кимвров и тевтонов — смешанных кельтских и германских народов — с севера Европы. После нескольких побед над римлянами они в итоге разгромлены Марием у Акв Секстиевых в 102-м и у Верцелл в 101 году.
88–66 годы	Галаты выступают как союзники Рима в войне с Митридатом IV Понтийским.
64 год	Галатия становится государством-клиентом Рима. Вождь толистобогов Дейотар превращается в самого заметного лидера галатов под патронажем Помпея.
60 год	Кельты бойи и скордиски разгромлены дакскими племенами с нижнего течения Дуная.
58–51 годы	Кампании Цезаря в Галлии приводят к полному подчинению галлов Риму.
55 и 54 годы	Цезарь проводит разведку боем в юго-восточных пределах Британии.
52 год	Осада Алесии. Капитуляция Верцингеторига.

НАША ЭРА

43 год	Вторжение римлян в южные районы Британии. Британское сопротивление возглавляет Каратак до 52 года, до тех пор, пока не становится жертвой предательства со стороны Картимандуа — царицы бригантов.
60 год	Восстание Боудики (также Боудикка, Бодикка и Боадицея. — <i>Прим. пер.</i>).
70-е годы	Подчинение северных районов Британии.
84 год	Агрикола громит каледонов в сражении у Граупийских гор.
86–87 годы	Отвод римских войск из южных районов Каледонии.
122 год	Адриан посещает Британию.
122–138 годы	Сооружение стены, или вала Адриана, и сопутствующих фортов.

Часть I
Сквозь малые веки

ГЛАВА I

ПОДЪЕМ КЕЛЬТСКОГО МИРА

Ведь река Истр (Дунай) начинается в стране кельтов у города Пирены и течет, пересекая Европу посередине. Кельты же обитают за Геракловыми Столпами (Геркулесовыми столбами) по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы (Геродот. «Истории» [цитируется по переводу Г.А. Стратановского; в круглых скобках в цитатах здесь и далее примечания переводчика.]).

К моменту появления упоминаний о них в исторических хрониках в VI столетии до н.э. народы железного века, называемые древними греками кельтами, широко рассеялись по Центральной и Западной Европе, заселив земли от среднего течения Дуная, южных районов Германии, а также территории Австрии, Швейцарии, Франции и Северной Италии далее до Иберийского полуострова, где занимали большую его часть. Как они попали туда и откуда пришли, остается предметом непрекращающихся научных споров. Ни греческие авторы, впервые упоминавшие о кельтах, ни сами кельты ни словом не обмолвились в отношении этого интересного вопроса. Полную индифферентность первых объяснил римский историк Тацит, когда выразился в том духе, что-де никому нет дела до изучения происхождения варваров. Последнее — поскольку они так и не создали культуры с распространенной письменностью — просто не могли записывать свои мифы и легенды, которые посему и не дошли до нас. Археологические свидетельства тем не менее показывают, что кельтам была свойственна весьма совершенная материальная культура; это характеризуется довольно искусно выполненными работами по металлу, украшениями и разного рода поделками.

ПРЕДЫДУЩИЙ РАЗВОРОТ

Бод-да-Лоц, что на севере от перевала Юлиера в Швейцарии, представлял собой в гальштатский период укрепленное селение на одной из торговых дорог от Средиземного моря на север (akg-images / Эрих Лессинг).

ЭПОХА БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА

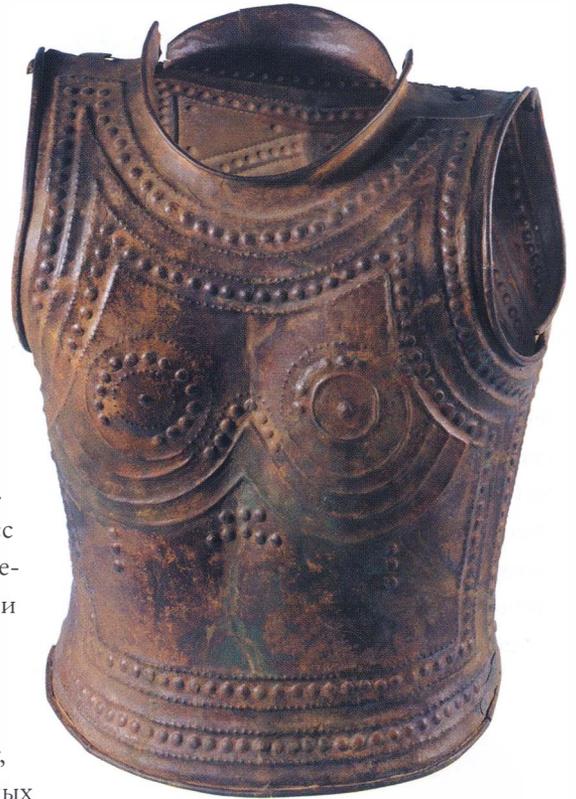
Процесс формирования кельтского мира представляется возможным проследить от завершающей стадии бронзового века. В Европе бронзовый век продолжался приблизительно от 2500 до 800 года до н.э. Именно в этот период получило широкое распространение производство и применение металлических инструментов и, конечно, оружия. Хотя изготовление изделий из металла было знакомо древним и раньше — золото и медь использовались при создании предметов культа и украшений для людей, — только изобретение куда

более прочного сплава — бронзы, которую получали путем добавок некоторого количества олова к меди в процессе выплавки, — позволило заменить до того повсеместно использовавшиеся кремни и прочие камни.

Между тем как олово, так и медь — довольно редко встречающиеся в Европе ископаемые, к тому же залегающие в весьма немногочисленных коях, по крайней мере в сравнении с кремнем. В итоге распространение технологий производства бронзы привнесло в жизнь древних интерес к расширению торговли и дальним поездкам по территории континента в поисках возможности приобретения нужных металлов, тогда как прежде племена оставались как бы самодостаточными в плане обеспечения себя всем необходимым. Расширение и укрепление торговых связей облегчали процесс обмена идеями и художественными приемами, что, в свою очередь, подталкивало к взаимному проникновению культур и вело к большей их универсализации.

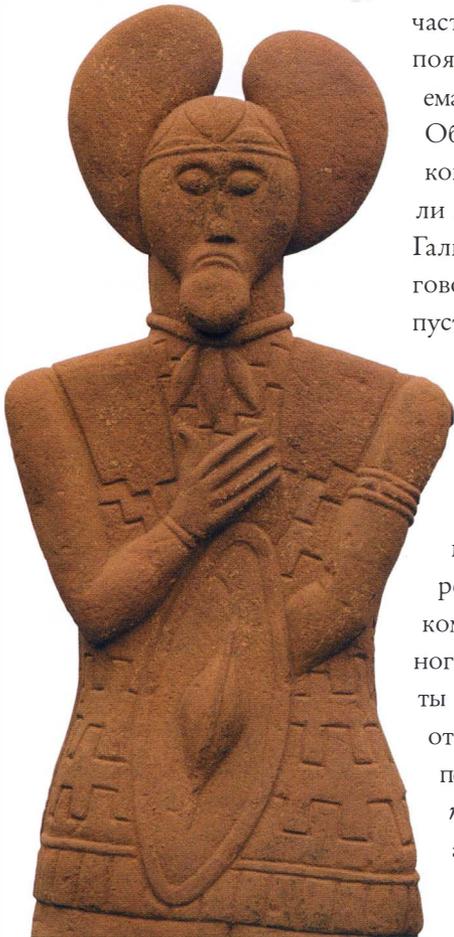
Ближе к окончанию бронзового века — в период между 1300 и 800 годами до н.э. — в Европе приобрела важное значение культура погребальных урн. Называется она так потому, что для нее характерна практика захоронения кремированных останков умерших в керамических урнах, преданных земле на гигантских кладбищах. Культура погребальных урн распространилась по Европе от Венгерской равнины до Восточной Франции и от Польши до Северной Италии после упадка микенской и минойской цивилизаций в регионе Эгейского моря, что послужило толчком для радикальных общественных и экономических перемен в Центральной Европе. В зоне процветания культуры погребальных урн основные торговые маршруты с востока на запад, связывавшие Черное море с Атлантическим океаном, пересекались с теми, что шли с севера на юг от Балтики к Средиземноморью. Контроль над торговлей и производством бронзовой утвари привел к появлению общественной элиты в культуре погребальных урн позднего бронзового века, каковая социальная верхушка быстро и уверенно выработала иерархию — такую, которая могла послужить основой для аристократического общества, характерного для кельтов в железном веке. В какое-то время считалось, что распространение культуры погребальных урн служило указанием на миграцию кельтов из их гипотетической родины в Центральной Европе. Тем не менее, ввиду неспособности обнаружить какие-то археологические свидетельства для поддержки теории заметного переселения народов в вышеозначенный период, гипотезу эту пришлось оставить.

С начала I тысячелетия до н.э. бронзу как предпочтительный металл при производстве инструментов и оружия стало вытеснять железо. Железная руда встречалась в Европе куда чаще, чем сырье для выплавки бронзы, кова-

Бронзовая кираса раннего гальштатского периода из Мармесса, север Франции, датированная VIII веком до н.э. По стилю своему она напоминает раннюю греческую кирасу (Государственный музей древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ [Франция] / Художественная библиотека Бриджмена).

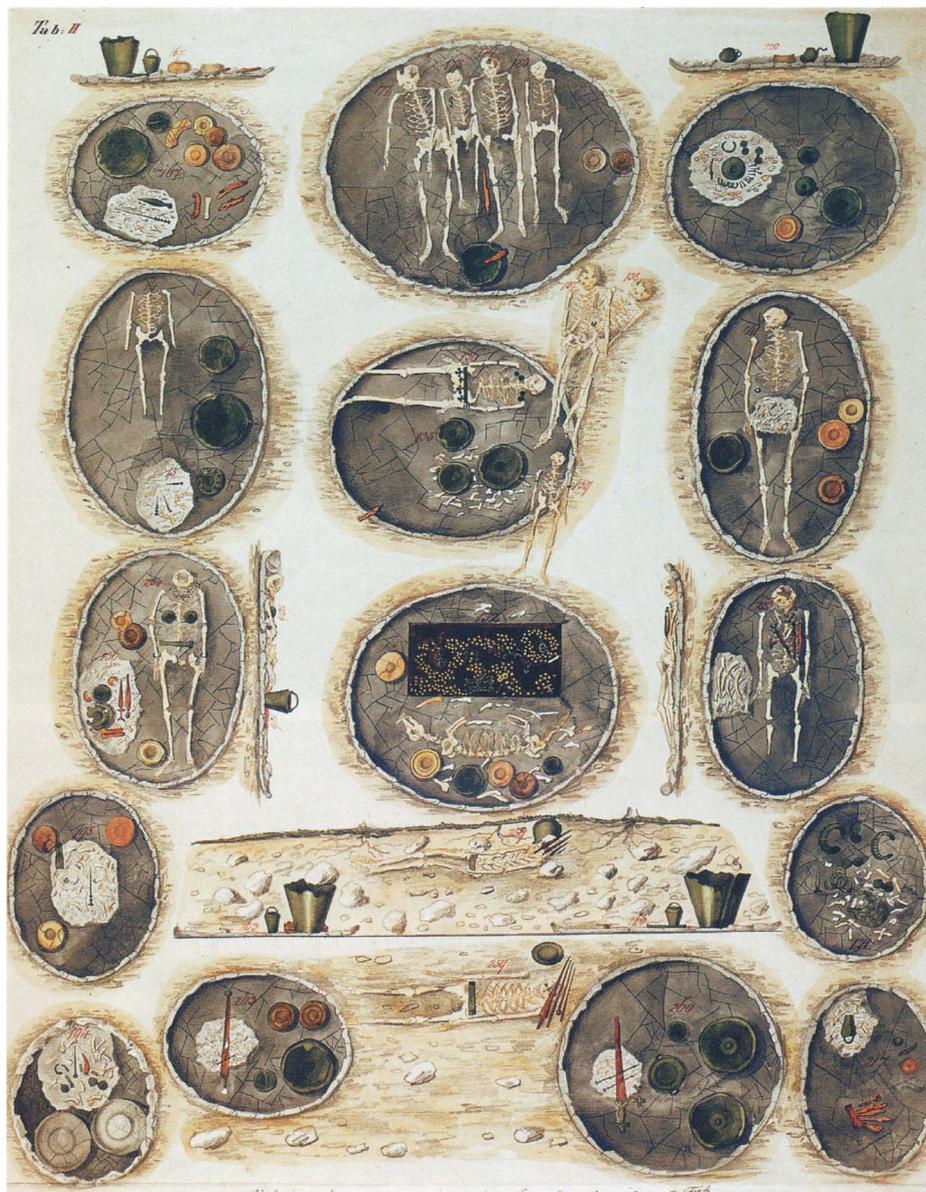
Фрагмент фигуры гальштатского воина из Глаубургского захоронения (Гессе). V век до н.э. По стилю своему доспехи напоминают греческие или этрусские (*akg-images*).

ные же изделия оказывались прочнее, а режущие кромки — скажем, лезвия мечей — обладали большей износостойкостью. Впервые в Грецию технологии обработки железа попали из Малой Азии примерно в 1200 году до н.э., распространяясь в западном направлении через страны Средиземноморского бассейна и вдоль долины Дуная. К 800 году до н.э. в Центральной и Южной Европе окончательно завершился переход от бронзы к железу, хотя понадобилось еще целых два столетия, чтобы технологии достигли Британии, Иберии и Скандинавии.

Железный век в Европе традиционно разделяется на две фазы, каждая из которых ассоциируется с определенным местом археологических раскопок, где в находках впервые обнаружили определенные характерные особенности. Первая из двух — так называемый гальштатский период — признанно считается самой ранней материальной культурой, имеющей отношение к кельтам. Впервые признаки ее проявились в зоне культуры погребальных урн в Южной Германии, в Австрии и в Богемии, однако собственный отличный характер выработался во время перехода от бронзового века к железу, когда культура распространилась на большую часть Западной Европы, включая Францию, Швейцарию, Нидерланды, а также на юго-восток Британии и на часть Иберийского полуострова. Как и в случае культуры погребальных урн, появление гальштатской культуры — пусть она и отчетливо идентифицируема как кельтская — не может расцениваться как этакий «приход кельтов». Обстоятельства ее укоренения есть результат торговых и общественных контактов между народами, которые разделяли общие ценности и говорили на схожих языках. Но даже и принимая во внимание все вышесказанное, Гальштат и кельты не есть нечто строго синонимичное. В некоторых кельтоговорящих регионах — в особенности в Иберии — гальштатская культура пустила корни лишь отчасти, тогда как в других — скажем, в Ирландии — и вовсе не прижилась.

Гальштатская культура получила название от определенного места раскопок в Австрийских Альпах, где в середине XIX века были обнаружены крупные захоронения такого рода. Расположенное вблизи от основного торгового пути между Центральной Европой и Средиземноморьем, сообщество постоянно богатело, в основном от доходов с поваренной соли — важнейшего товара во времена, когда соль являлась главным компонентом при заготовке продуктов питания для обеспечения их длительного хранения. Многие из захоронений содержат богатые votivные предметы [votivные предметы, votivные дары (лат. *votivus* — посвященный богам, от *votum* — обет, желание) — различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания. — Прим. пер.], которые позволяют сделать вывод о наличии в обществе правящей аристократической элиты; в том числе там были найдены длинные железные мечи, считающиеся сходными с теми, что описаны у античных греческих авторов в их рассказах о «кельтой».

Цветная литография на основе заметок Иоганна Георга Рамзауэра о некоторых из раскопанных им в Гальштате могил. 1846–1863 годы. Учитывая стандарты того времени, записи по результатам раскопок отличаются чрезвычайной подробностью (akg-images / Эрих Лессинг).

Крупные перемены, последовавшие в результате введения технологий обработки железа, интенсифицировали тенденции, проявившиеся на исходе бронзового века. В центральных районах гальштатской зоны заметно увеличилось количество фортов, или крепостей на возвышенностях — крупных укреплений на вершинах холмов, обнесенных земляными валами и окруженных рвами.

Переход от практики кремационных захоронений, типичных для культуры погребальных урн, к погребению тел умерших говорит о смене системы верований. Богатые votivные предметы свидетельствуют об укреплении общественной иерархии и постоянном росте влияния господствующей элиты. Есть по крайней мере один артефакт, обнаруженный во многих гальштатских

Фрагмент гальштатских ножен с изображением воинов, вооруженных копьями и щитами. VI век до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

захоронениях, который недвусмысленно указывает на существование элитной общественной группы, это — конская упряжь.

Начиная с VIII века до н.э., для могил гальштатской аристократии становятся привычными четырехколесные повозки вместе с удилами и прочими предметами конской упряжи, а также длинные рубящие мечи — необходимый атрибут знатного воина. Конская сбруя и четырехколесные телеги обычны для захоронений в Восточной Европе и далее в евразийских степях. Рост важности лошади и церемониальных повозок как символов положения гальштатских вождей, что предполагает боевое применение конницы, указывает на влияние индоиранских народов, называемых классическими греческими авторами киммерийцами, или скифами. Орды передвигавшихся верхом кочевников стремились на запад из Понтийских степей к северу от Черного моря, чтобы осесть на Венгерской равнине. Контакты между ними и гальштатскими сообществами в Австрии, в Богемии и в Южной Германии привнесли в жизнь тамошней правящей элиты новые обычаи, задействованные ею для укрепления своего статуса.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА

Для лучшего понимания перемен, происходивших в Европе в то время, нам следует осмотреться и приглядеться к процессам, происходившим в Средиземноморье, поскольку двум мирам предстояло все прочнее и прочнее переплетаться между собой. VIII век до н.э. особенно важен для средиземноморского

мира. Именно тогда создали первые свои колонии греки и получила развитие торговая сеть финикийцев. Греческие искатели приключений принялись разведывать и эксплуатировать богатые минеральные ресурсы по западному побережью Италии и на островах Эльба, Корсика и Сардиния. Позднее греческие поселения на Сицилии и в Южной Италии набрали такую силу, что сам регион стал называться Magna Graecia — «Великая Греция».

Знакомство с экзотическими верованиями и распространение новых идей пришельцев из восточных районов Средиземноморья, искавших для себя источников получения металлов и прочего сырья, послужили толчком для развития местных культур региона, а в особенности этрусков. Долгое время считавшиеся «таинственным» народом древней европейской истории, этруски брали свое начало от культуры Вилланова Италии позднего бронзового века. Большую часть того, что нам о них известно, мы узнаем из римских источников. В период своей ранней истории Рим находился под господством этрусков, а следовательно, точка зрения римлян враждебна и искажена определенного рода предрассудками. Язык этрусков не принадлежал к индоевропейской семье и до сих пор не поддается расшифровке. Поэтому мы не имеем возможности, так сказать, взглянуть на них их же глазами — получить

Фрагмент бронзового сосуда, известного как Ситула Бенвенути, с изображенными на нем этрусской колесницей и воином. VII век до н.э. (Художественный архив / Государственный музей Агостино Эсте / Дали Орти).

Бронзовая статуэтка
воина из Лихтенштейна,
датированная V столетием
до н.э. Обратите внимание
на кирасу в греческом или
этрусском стиле.

их собственную версию событий. Тайна, окружающая происхождение этрусков — прибывших в Италию, вероятно, из Малой Азии или еще откуда-то из восточных территорий Средиземноморья в так и не установленный точно момент в Античности, — может истолковываться и объясняться влиянием на местные культуры бронзового века внешних факторов — торговой экспансией греков и финикийцев в Западном Средиземноморье.

Знакомство местных с так называемыми престижными товарами способствовало быстрому развитию общества этрусков, при этом контроль над потоками торговых активов осуществляла аристократическая элита. Не прошло и ста лет, как города этрусков на побережье выработали собственные торговые интересы и принялись отправляться в экспедиции вдоль берегов Галлии и Иберии.

В параллель с греческой экспансией на итальянском полуострове и на территориях далее за ним финикийцы из двух крупных городов на побережье современного Ливана — Тира и Сидона — тоже создавали торговые анклавы по североафриканскому побережью и далее к Атлантическому океану. Порт Гадир (современный Кадис) считается основанным в 1100 году до н.э., тогда как появление величайшего из финикийских городов в Западном Средиземноморье, Карфагена, традиционно относится к 814 году до н.э. Как и конкурентов-греков, финикийцев гнало все дальше и дальше стремление к приобретению металлов и прочего сырья. И вот на юге Иберии первопроходцы нашли большие запасы серебра и меди, тогда как почти мифическое царство Тартесс (библейский «Таршиш») обязано своей славой богатым залежам полезных ископаемых в районах Рио-Тинто и Сьерра-Морена. Количество вывозимого через Гадир серебра вошло в легенду, известную по всему древнему Средиземноморью. Используя порт как базу, финикийские торговцы, подгоняемые перспективой обнаружения источников еще больших минеральных ресурсов, принялись исследовать побережье Атлантики к северу и западу и, как считается, добрались до Корнуолла, откуда получали олово. Карфаген превратился в центр сосредоточения финикийского могущества в Западном Средиземноморье, распространившегося путем создания прочих поселений и торговых анклавов на западе Сицилии, на Сардинии и на Балеарских островах. В середине VI столетия до н.э. греческие города на побережье Малой Азии столкнулись с угрозой со стороны все возраставшей мощи Персидской империи. В 600 году до н.э. греки из Фокиды основали колонию Массалия (современный Марсель), после чего создали поселения в Эмпорионе (современный Ампуриас) в испанской Коста-Брава, а также в Алалии на Корсике. Перед лицом персидской угрозы они решились оставить родную Фокиду и в массовом порядке перебраться в Алалию. Этрусские города заключили союз с Карфагеном против слишком уж своевольных греческих торговцев. В 537 г. до н.э. вблизи Алалии разыгралась величайшая морская битва,

Миниатюрная бронзовая
культовая повозка
гальштатского периода.
VII век до н.э.

закончившаяся победой греков, которые тем не менее решили перебраться в более безопасные районы далее от побережья в Южной Италии.

Сражение при Алалии послужило крупным поворотным пунктом в истории Западного Средиземноморья. После поражения прибрежные города этрусков в значительной степени утратили былое могущество.

Этрусские города-государства, удаленные от берега, принялись прокладывать новые торговые пути через Апеннины к долине По и адриатическому побережью. Далее на север за Альпами открылись новые рынки, затронувшие кельтговорящих представителей культуры Голасекка. Тогда как Карфаген продолжал господствовать в южном регионе Иберии и на атлантических морских маршрутах, после победы при Алалии греки из Массалии получили главенство на торговых магистралях, ведущих в северном направлении через долину рек Рона и Сона в самое сердце Западной Европы. Так впервые жившие там сообщества железного века вступили в прямой контакт со средиземноморским миром.

ГАЛЬШТАТСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Изменение властного баланса в Западном Средиземноморье, последовавшее за победой греков в битве при Алалии, оказало серьезное влияние на гальштатские сообщества Заальпийской Европы. В VI веке до н.э. отмечалась значительная интенсификация уровня контактов и культурного взаимопроникновения между средиземноморским миром, Заальпийской Европой и жителями атлантического побережья далее на северо-запад. Главной причиной тому служили полезные ископаемые Европы, особенно олово, просто необходимое при производстве бронзы, которой все еще отдавали предпочтение ремесленники, несмотря на постоянный рост применения железа.

Интенсификация возглавляемого греками процесса торговой экспансии через Массалию подтолкнула к соответствующим переменам и во властных приоритетах среди гальштатских вождей. Их регион простирался теперь от Бургундии во Франции до Южной Германии, а также уходил на север и северо-восток от коридора, образуемого реками Рона и Соной. Среди наиболее выдающихся центров власти назовем Мон-Лассуа, что вблизи истоков Сены во Франции, и Гейнебург, в верховьях Дуная на юго-западе Германии. Археологические данные свидетельствуют о быстрых общественных переменам, особенно в тех районах, через которые продвигался поток товаров и, следовательно, контролировался. Наблюдалось сосредоточение и консолидация власти: крепости на возвышенностях становятся более редкими, однако более крупными. Численность элитных захоронений также сокращается, зато те, которые удалось обнаружить целыми, чрезвычайно богаты. Термин «Гальштатские княжества» был придуман как собирательное обозначение по-

Модель повозки
из захоронения жрицы
в Виксе (Художественный
архив / Музей Шатийона-сюр-
Сен / Дальи Орти).

добных сообществ, элита которых имела возможность заправлять процессом поступления на север экзотических товаров из Средиземноморья, в то время как обладание ими становилось столь отчаянно необходимым для поддержания своего статуса знатью. «Гальштатские князья» сравниваются с легендарными королями Ирландии. Обычаи, которым соплеменники точно следовали при захоронениях вождей, находят параллели в аналогичных традициях этрусков — с ними кельты постоянно и все больше общались через Альпы.

Одной из важнейших особенностей таких «княжеских» захоронений являются четырехколесные повозки, на которых тело умершего перевозилось и устанавливалось в кургане. Согласно Геродоту, захоронения царей у скифов во многом схожи с кельтскими. Бронзовые сосуды для питьевых жидкостей из Средиземноморья есть еще один знаковый признак представителей элиты.

Великое множество греческих и этрусских предметов роскоши, импортируемых в Заальпийскую Европу в те времена, так или иначе связано с пе-

Данный бронзовый сосуд из Вика, предназначенный для смешивания в нем вина, самый крупный предмет из когда-либо найденных своих собратьев: он достигает 1,64 м в высоту и способен вместить более 1000 л жидкости (akg-images / Архивы CDA / Гильо).

КЕЛЬТЫ

Фрагмент торквеса из
Викса — одно из сокровищ
раннего кельтского искусства
(akg-images / Эрих Лессинг).

ревозкой, приготовлением и потреблением вина. Более поздние источники сообщают нам о том, как высоко ценилось вино среди кельтской знати. Выращивание винограда и производство вина еще не перешагнуло Альпы. Обычай же, связанные с симпозионом — ритуальным винопитием у греков, — быстро привились в среде гальштатских князей и способствовали выработке собственной традиции церемониального потребления алкоголя, похожей на те, которые описываются в ирландских текстах. Два крупнейших и поразительных примера богатства и высокого положения, присущих гальштатской элите, это могильники, обнаруженные у Вика (поблизости от крепости Мон-Лассуа в Бургундии) и Хохдорфа (Баден-Вюртемберг).

Жрица из Вика

Раскопки кладбища эпохи раннего железного века в Вике в 1953 г. позволили обнаружить захоронение женщины в возрасте приблизительно 35 лет, датируемое концом VI века до н.э. Совершенно ясно свидетельствующий о высоком статусе персоны, принадлежащей к гальштатской элите, могильник «жрицы из Вика» (2), как стала называться женщина, вполне заслуженно считается одним из сокровищ раннего кельтского периода. Тело ее покоится на шасси великолепно сработанной четырехколесной повозки, выполняющей функцию похоронных дрог. На шее жрицы золотой торквес, или охватывающее горло ожерелье — шейная гривна, — весом около 0,5 кг; прочие изделия из золота лежат рядом с телом. Камера захоронения содержит большой бронзовый сосуд для вина этрусского происхождения и греческие кубки. Самым доминирующим предметом в могильнике является огромный бронзовый «кратер», или сосуд для смешивания вина (см. с. 27). Поразительно высокий — 1,64 м, — он рассчитан на 1100 л. Сосуд украшен изображениями греческих воинов и колесниц и увенчан крышкой со статуэткой в виде молодой женщины. В соответствии с художественным стилем местом изготовления «кратера» считается Спарта или, что тоже вполне вероятно, один из греческих городов в Южной Италии. При весе в 200 кг логично предполагать, что перевозилось изделие по частям, чтобы быть собранным в месте назначения.

Обнаружено еще несколько «княжеских» женских захоронений, датируемых концом VI и началом V века до н.э., но ни одно из них не сравнится с могилой «жрицы из Вика». Хотя явления эти не следует считать широко распространенными, такие захоронения дают нам понятие о том, какое высокое положение занимали некоторые женщины в раннем кельтском обществе.

Отделка с обуви из могильника хохдорфского князя (Музей земли Баден-Вюртемберг [Штутгарт]; П. Франкенштейн, Г. Цвиташ).

ХОХДОРФСКИЙ КНЯЗЬ

В 1977 году археолог-любитель обнаружил следы захоронений в Хохдорфе, что на юго-западе Германии. Раскопки позволили найти деревянную погребальную камеру в углублении глубиной 2,4 м, окруженную внешней камерой, построенной из массивных балок и крупных камней. Изначально сооружение покрывал огромный земляной курган шириной 60 м в поперечнике и высотой 6 м. Считается, что оно, как и захоронение жрицы из Вика, относится к тем же временам — к концу VI столетия до н.э. В могильнике находилось тело крепкого сложения 40-летнего мужчины ростом 1,87 м. Оно возлежало на превосходного качества бронзовом одре длиной 3 м, украшенном фигурами и повозками, изображенными при помощи точечной чеканки по бронзовому листу. Следы материи говорят о том, что некогда изделие покрывала обивка. На руке у гальштатского князя находился золотой браслет, на шее — торквес, а на талии — пояс, оба также золотые. Доходившую до лодыжек обувь покрывали очень тонкие золотые пластинки такой формы, которая дает возможность представить наличие у сапог слегка загнутых носов. Стиль известен нам из настенной живописи этрусков, а также по резьбе ножен раннего латенского меча. Рядом с телом на одре стояла четырехколесная повозка, изначально заключенная в тонкие пластинки из бронзы и железа. Девять бронзовых блюд, девять рогов для питья и объемистый бронзовый котел из Италии навевают мысли о сходстве привычных для данной культуры ритуалов с греческим симпозионом, для которого девять участников считалось как раз самым идеальным количеством. В могильнике находились также рыболовно-охотничьи снасти в виде крючков для удочек и наконечников стрел, а кроме того, конская сбруя, железный топор и копье. Хотя, учитывая богатые предметы и тщание, с которым приготавливалась могила, не возникает никаких сомнений в принадлежности хохдорфского князя к могущественным членам гальштатской аристократии, воином он, судя по всему, не являлся.

Хохдорфский
котел (Музей земли
Вюртемберг [Штутгарт];
П. Франкенштейн,
Г. Цвиташ).

Расположенная неподалеку от Хохдорфа Гейнебургская крепость господствовала над торговым маршрутом через находящиеся поблизости верховья Дуная. Будучи одним из главных центров гальштатской культуры, место это было обитаемым в период с VII по конец V столетия до н.э., до тех пор пока не погибло от пожара. Гейнебург представляет собой уникальный образчик крепостей железного века в Заальпийской Европе. В VI веке до н.э. укрепления его подверглись частичной перестройке с применением кирпичей из высушенной на солнце глины, отчего они поразительно напоминают греческие укрепления того времени с башнями. Данный пример — одно из ранних свидетельств влияния средиземноморских культур на гальштатский мир. Тем не менее данная конкретная постройка просуществовала в таком виде очень

недолго. Кто бы ни занимался строительством, он не принял в расчет одного важного обстоятельства — климата Центральной Европы: сырцовый кирпич не устоял под воздействием дождей. Вскоре гейнебургские укрепления поправили путем использования традиционных кельтских приемов — при помощи деревянных балок и камней. Как и в случае с прочими фортами на возвышенностях в те времена, рядом с Гейнебургом располагались могилы представителей элиты. Как ни печально, но многие из них давным-давно пали жертвами охотников за сокровищами. Одну, правда, удалось найти целой, в ней покоилась женщина высокого общественного положения, а также отмечаются ранние признаки применения шелка в Европе.

Ввозные предметы роскоши были практически неизвестны за пределами гальштатских фортов на возвышенностях и самых богатых из захоронений представителей элиты. Сосредоточение власти, послужившее толчком для возникновения в VI веке до н.э. крупных укрепленных центров вроде Мон-Лассуа и Гейнебурга, позволяет понять, что торговля престижными товарами греческого и этрусского происхождения и их распределение в гальштатском обществе находились в руках очень узкого круга лиц — гальштатских князей и их приближенных.

Бронзовое ложе из могилы хоходорфского князя (Музей земли Баден-Вюртемберг [Штутгарт]; Р. Франкенштейн, Н. Цвиташ).

ПОЯВЛЕНИЕ КЕЛЬТОВ В ИСТОРИИ И РОЖДЕНИЕ ЛАТЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Гальштатские княжества рухнули в первой половине V столетия до н.э., что привело к оставлению властных центров вроде Мон-Лассуа и Гейнебурга, последний из которых, по всей вероятности, пал жертвой яростной атаки противника. Причина внезапного упадка не ясна. Для объяснения ее выдвигается ряд предположений: внутриобщественное давление, связанное с трансформацией структуры торговли, климатические изменения, но в особенности подъем военизированных сообществ далее к северу.

Вскоре после 500 года до н.э. торговля между Массалией и гальштатскими властными центрами, судя по всему, полностью или почти полностью замирает. После этого контакты между Заальпийской Европой и средиземномор-

ским миром осуществляются через Альпы по территории кельтов культуры Голасекка и новых поселений этрусков в долине По, а также через торговые греческие порты в Адриатике. Средиземноморские предметы роскоши начинают попадаться за пределами гальштатской зоны — в могилах элиты в районе слияния рек Рейн и Мозель на западе Германии и на Марне в Шампани, что в северо-восточной Франции. Такие же богатые захоронения обнаруживаются и восточнее — в Австрии и в Богемии. Принципиальная разница между ними и кладбищами гальштатских князей заключается, если можно так сказать, в военном аспекте. Покойники не расстаются с личным оружием: копьем, дротиками и в большинстве случаев со щитом, а также иногда и с мечом. Там же находятся остатки двухколесных колесниц, заменивших собой четырехколесные повозки из захоронений гальштатской элиты. Престижные предметы, импортированные из стран Средиземноморья, по-прежнему по большей части ассоциировались с винопитием, однако оказали значительное влияние на эволюцию материальной культуры сообществ Европы позднего железного века. Украшения на этруских изделиях из бронзы, отражавшие экзотические восточные мотивы, подталкивали ремесленников и художников к тому, чтобы перенимать подобные подходы, выходя за пределы узких рамок геометрического стиля гальштатского периода. Эта новая материальная культура и художественная манера называются в наши времена латенскими и характерны для кельтов, упоминания о которых начинают тогда же появляться в исторических записях.

Латенской данная культура именуется по названию места — Ла-Тэн — у Невшательского озера в Швейцарии. Раскопки во второй половине XIX столетия позволили обнаружить на дне озера ряд древних деревянных столбов, которые теперь считаются остатками двух мостов через реку Тилле.

Дальнейшие поиски позволили найти человеческие останки, несколько сотен мечей и наконечников копий, а также и иные предметы, в числе кото-

Железный кинжал с отделанной золотом рукояткой и ножами из одного гальштатского могильника. Середина V века до н.э. Обратите внимание на символы солнца на Т-образной рукояти (акг- images / Эрих Лессинг).

рых бронзовые броши и котлы, железные инструменты и отливки. Благодаря заболоченности местности сохранились не только бревенчатые опоры моста, но и прочие деревянные артефакты, в том числе хомуты и щиты, которые в противном случае сгнили бы полностью. Данное обстоятельство помогло даже установить возраст одного из мостов, построенного, как видно, в середине III века до н.э. Однако характер латенских находок все еще служит темой для споров. Совершенно не подлежит сомнению тот факт, что место служило для религиозных обрядов — принесений даров богам: то есть оружие попало туда не случайно, а его специально бросали в воду. Однако нельзя исключать и того обстоятельства, что данное место являлось торговым пунктом, связанным с селением, которое было оставлено жителями ввиду постоянных затоплений.

Культура позднего железного века, известная как латенская, отличается особым криволинейным художественным стилем, обязанным своим появлением синтезу традиционных геометрических форм Гальштата с греческими и этрусскими, заимствованными местными художниками — скопированными с импортных сосудов для питья. Лучше всего данный стиль проявляется в украшении оружия и прочих предметов роскоши из металла. Источники вдохновения для мастеров при изготовлении многих предметов раннего этапа латенской культуры обнаруживаются в Италии. Изделия из керамики и ювелирные украшения позволяют угадать в них итальянский стиль — образцом для подражания служили этрусские оригиналы. Даже двухколесные колесницы, пришедшие на смену четырехколесным ритуальным повозкам гальштатской культуры, так характерным для ее захоронений, считающиеся типичными атрибутами военного дела у кельтов, как теперь полагают, навеяны знакомством с этрусскими изделиями. В то же время появился и кельтский меч — оружие, которое будет нераздельно ассоциироваться с кельтским воином на протяжении будущих столетий, наводя ужас на обитателей средиземноморского мира. На протяжении V века до н.э. лишь сравнительно небольшое количество воинов пользовалось мечами. Они обнаруживаются только в 20 процентах могил представителей элиты в регионе Марны в Шампани и еще реже восточнее — в Рейнской области. Копье или дротик продолжали оставаться наиболее распространенным оружием воина.

Как в случае культуры гальштатских кельтов до того, основные составляющие новой латенской культуры развивались среди знати кельтских народов Европы. Со второй половины V века до н.э. культура эта стала расширяться, чтобы стать господствующей в Заальпийской Европе от атлантического побережья Франции до Карпатских гор. Влияние ее прослеживается в Испании и на севере Италии, а к I столетию до н.э. достигает и Британских островов. Однако было бы неверным предполагать, что одни лишь экономические связи со средиземноморским миром послужили первопричиной перемен в Заальпийской Европе. Формирование кельтской Европы — процесс, начавшийся задолго до того, как в VI столетии до н.э. историки занесли сведения о кельтах в свои за-

Золотая шварценбахская чаша из захоронения представителя элиты в современной Германии. V век до н.э. (brk / Собрание древностей Государственных музеев в Берлине, фото Ингрид Геске).

писи. Он затрагивал кельтоговорящие культуры, возникшие на позднем этапе бронзового века и в начале железного. Многие из характерных признаков кельтских обществ железного века имели уже прецеденты в бронзовом — в особенности тенденция к сосредоточению власти в руках узкого круга лиц.

Ввоз экзотических предметов роскоши обострял акценты в уже существовавших тенденциях к возрастанию имущественного расслоения среди кельтоговорящих сообществ, ускоряя образование централизованных властных структур и формирование класса элиты, который контролировал и монополизировал процессы притока импортных товаров. В некоторых частях раннего кельтского мира — так, например, в Богемии — свидетельств поступления средиземноморских престижных товаров довольно мало. И все же строительство в VI веке до н.э. крупного укрепленного поселения в Зависте (около Праги) говорит о том, что и там — в результате внутреннего давления — складывалось более сложное общество.

Какие бы причины ни служили залогом упадка Гальштатских княжеств и подъема латенских воинских обществ в середине V столетия до н.э., ясно одно: период этот стал временем значительных потрясений в определенных районах Заальпийской Европы. На протяжении каких-то одного, двух или трех поколений крупные массы людей начали покидать обжитые места и мигрировать в южном направлении — в Италию. Кельтам вот-вот предстояло выйти из мглы веков и почувствовать ласковое тепло солнца Средиземноморья. Для греков и этрусков кельты перестанут быть малознакомыми, далекими варварами, готовыми отдать чуть ли не все за хорошее вино. С того момента кельты превратятся в действительность, причем в действительность опасно близкую.

ГЛАВА 2

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И НАЕМНИКИ

Им свойственно менять пристанища свои по любой самой пустяковой причине, кочуя всегда готовыми к сражению ордами или — будучи теснимы сильнейшим врагом — снимаясь с места со всеми домочадцами (Страбон, «География»).

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные указывают на то, что крупномасштабные передвижения кельтговорящих народов случались на более позднем этапе железного века по целому ряду причин. На протяжении последних лет достижения археологии и генетики позволили пролить новый свет на характер этих миграций, что вызвало очередной прилив споров в отношении размаха и значения этих процессов, особенно применительно к Британским островам. Переселение служило одним из наиболее действенных способов ослабления внутреннего напряжения и снижения трений, вызываемых ростом населения, что происходило в некоторых районах Центральной и Западной Европы ближе к концу гальштатского периода. Аналогичные проблемы, вызываемые перенаселением и неизбежно следующим за этим истощением природных ресурсов, переживали и греческие города-государства в Эгейском регионе что-то лет за 200 до того — в VII веке до н.э. Выход нашли путем отправления групп переселенцев на поиски мест для создания колоний на средиземноморском и черноморском побережьях. Одной из наиболее важных являлась Массалия, оказавшая неоценимое влияние на ранние кельтские Гальштатские княжества.

«ВРАГ У ВОРОТ» — КЕЛЬТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В ИТАЛИЮ

Заводя рассказ о миграции кельтских племен в Италию, римский историк Ливий сообщал, что господствующим в Галлии было могущественное кельтское племя битуригов. «Королем», или «царем», их в то время являлся некий Амбигат, в правление которого Галлия стала столь богатой и густонаселенной, что было уже трудно управлять ею. Стареющий царь решил послать племянников — Белловеса и Сеговеса — на поиски нового дома, «каковые боги соблаговолят предназначить для них». Читая между строк, мы можем усмотреть в данном поступке галльского царя попытку удалить от двора особенно

агрессивные и беспокойные элементы и помешать им нарушить его планы в отношении порядка наследования престола, ибо одной из главных особенностей кельтского общества была постоянная борьба за власть и положение среди представителей правящей элиты. Сеговесу отводилось Герцинское нагорье: Богемия и горы Гарц. Белловес воспользовался «куда более приятным путем»: он направился в Италию, сопровождаемый не только «свободными атомами» среди собственно битуригов, но также и «лишними людьми» из различных подчиненных племен: арвернов, сенонов, эдуев, амбарров, карнутов и аулерков. Белловес выступил в путь с многочисленным войском из пехоты и конницы.

Прибытие большого числа кельтов из Заальпийской Европы в Италию на исходе V и в начале IV столетия до н.э. есть первый точный хронологический момент, который известен нам в кельтской истории. Рассказ Ливия подразумевает, что главной причиной миграции являлось перенаселение, каковое мнение разделяют Плутарх и Помпей Трог; последний из них и сам был кельтом. Быстрый упадок Гальштатских княжеств и подъем латенских военизированных сообществ привели к значительной общественной и экономической нестабильности. Миграция, безусловно, являлась верным практическим решением в поисках выхода из кризиса, вызванного избытком населения и внутренними противоречиями. Откуда точно пришли кельтские переселенцы, остается непроясненным. Возможно, изначально они проживали в регионе Марна — Мозель на севере Франции, где широко развивалась латенская культура. Тем не менее упомянутое Ливием племя, как известно, обитало далее на юг по линии рек Сена и Луара. Тесные торговые связи, которые выработались между Заальпийской Европой и Италией в V веке до н.э., послужили важнейшим фактором в кельтских миграционных процессах, протекавших столетие спустя. Те районы, где торговля наиболее процветала, стали и местами, в которых отмечалось наибольшее движение населения: три четверти ареалов захоронений в густонаселенном регионе Марны, судя по всему, были покинуты за очень короткое время. Аналогичный феномен отмечался также и в Богемии. Исходя из этого, представляется резонным полагать, что наибольшее количество переселенцев вышло из двух этих довольно широких регионов. Дальнейшими ключами к установлению географического происхождения мигрантов служат названия наиболее крупных племен, принявших участие в переселении. Присутствие сенонов и ценоманов отмечается как во Франции, так и на севере Италии; бойи явились из Богемии — по имени их регион, собственно, и получил название. Тем не менее движение кельтских народов в то время носило такой широко распространенный характер, что не исключена возможность того, что миграция охватила бóльшую часть Латенского региона.

Классические рассказы о кельтской миграции в Италию подтверждаются данными археологии. Раскопки показывают внезапный прилив латенских артефактов в Италию через долину По — с Альп в Апеннины — за ис-

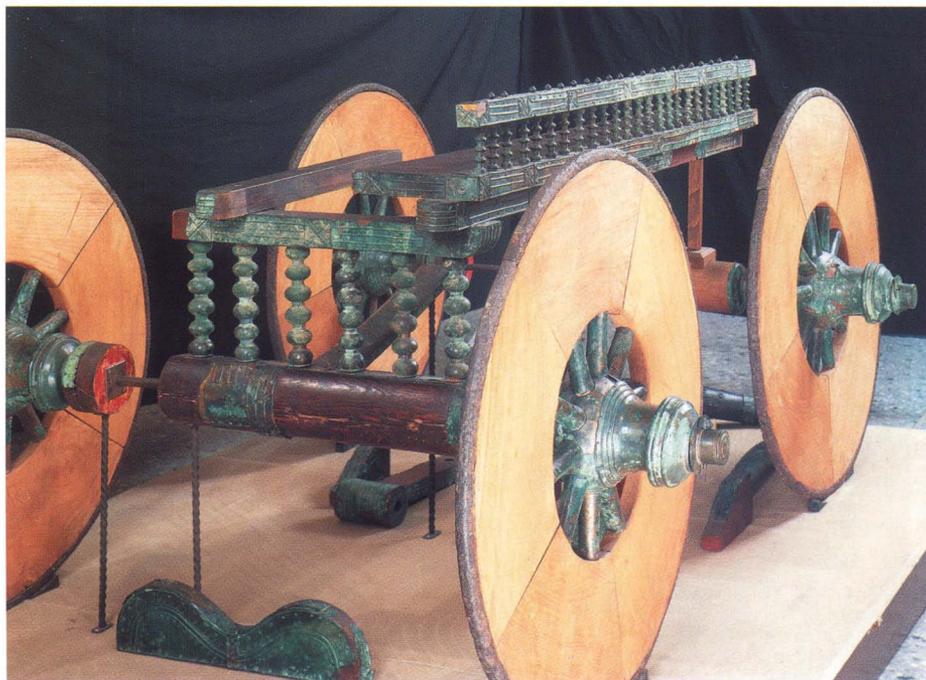
Фрагмент этрусской урны, на котором запечатлен момент боя между этрусками и галлами (akg-images / Рабатти — Доминжи).

ключением территории местных кельтов культуры Голасекка. Воздействие данного процесса особенно очевидно в распространении латенских мечей. В то время как экземпляры V века до н.э. попадаются в предгорьях Альп крайне редко, характерной формы клинки, датируемые IV и III столетиями до н.э., обнаруживаются в этом ареале повсюду, как и в соседствующих с ним регионах, особенно в Этрурии и дальше на юг. Вполне вероятно, причина в присутствии там кельтских наемников. Другой важный индикатор миграции — ювелирные изделия, принадлежавшие кельтским женщинам высокого общественного статуса. Драгоценности, извлекаемые из захоронений женщин итальянских сенонов, очень похожи на те, которые были в ходу в Шампани в V веке до н.э., но сильно отличаются от прочих находимых в Италии. Похоронные ритуалы сами по себе служат источником ценной информации. Бои, например, являлись единственными кельтскими переселенцами в Италии, продолжавшими практиковать кремацию, как делали они это прежде в Богемии.

Однако переселенцы из Галлии и Богемии не были первыми кельтоговорящими народами в Италии. Письменные памятники, датированные VI столетием до н.э., — самые старые надписи на каком бы то ни было кельтском языке — показывают, что определенная форма кельтского, иногда называемого лепонтийским (см. с. 10), уже употреблялась жителями района итальянских озер и в предгорьях Альп. Ареал этот совпадает с распространением культуры Голасекка, которая появилась, как считается, около 1000 года до н.э.

и связывается в сегодняшнем представлении с инсубрами — одним из главных кельтских народов в долине По в ту эпоху.

Кельтские миграционные процессы в Италию протекали вовсе не спонтанно, а, судя по всему, тщательно планировались и организовывались племенной элитой, причем почти наверняка во взаимодействии, с одной стороны, с кельтами культуры Голасекка, а с другой — с греками из могущественного города-государства Сиракузы на Сицилии. Одним из мотивов для первых служило, как можно предполагать, стремление противопоставить некую силу растущему влиянию этрусков, которые усиливали свои позиции в долине По, в то время как последние стремились к установлению собственного контроля над адриатическим побережьем. Рассказывая о намерениях гельветов — кельтского племени, проживавшего на территории современной Швейцарии в I веке до н.э., — сняться с мест, Юлий Цезарь писал, что на протяжении двух лет перед миграцией они занимались заготовкой провизии, приготовлением повозок и вьючных животных, а также ведением переговоров с прочими племенами, территории которых им предстояло пересечь ради достижения дальних областей Галлии. Тогда как инсубры оставались на традиционно занимаемых ими землях в предгорьях Альп и в Пьемонте, сосредотачиваясь главным образом вокруг их столицы, Медиоланума (Милана), три главные группы кельтских переселенцев двинулись далее на юг и юго-восток, вступая на итальянский полуостров. Ценоманы расселились вокруг теперешних Брешии и Вероны, между инсубрами и не принадлежащими к кельтам венетами, вынуждая бойев в поисках пристанища переходить По. Вторжение на этрусские и умбрийские территории между По и Апеннинскими горами встре-

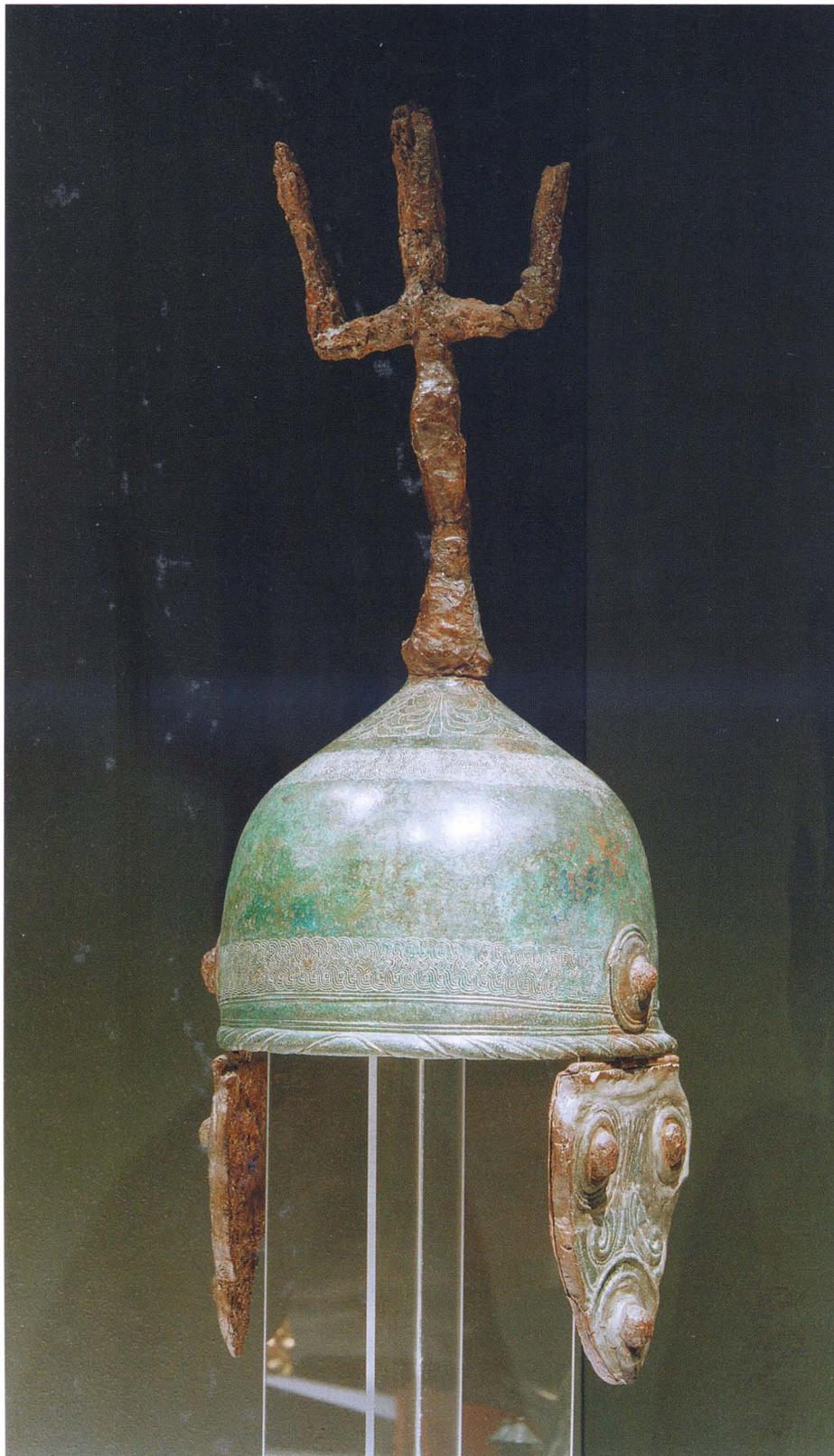
Ранняя латенская повозка, выполненная из бронзы и дерева. Обнаружена в могиле представителя элиты в Ломбардии (Северная Италия) (akg-images / Пьетро Багуцци).

тило довольно упорное противодействие. Поблизости от этрусского города Фельсина (Болонья) на многих этрусских стелах с захоронений, датированных концом V столетия до н.э., можно обнаружить сцены битв с кельтскими воинами. Сеноны осели далее на юг по адриатическому побережью от Ариминума до реки Асо, причем в таком количестве, что регион получил название *ager gallicus* — «страна галлов». Находясь там, они имели возможность стать господствующей силой в долине Тибра, служившей ключом к Центральной Италии, и угрожать греческим городам в Апулии и в Кампании. Расселившись в долине По и сразу за ее пределами кельты были столь многочисленны, что римляне дали ей имя Цизальпийской Галлии — то есть «Галлии по эту сторону Альп».

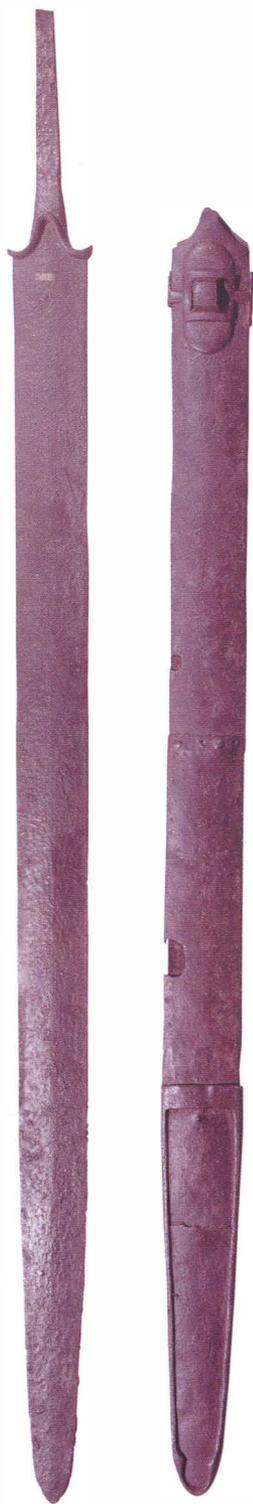
РАЗГРАБЛЕНИЕ РИМА — 387 ГОД ДО Н.Э.

В то время, когда Дионисий Сиракузский осаждал Регий [391 год до н.э.], кельты, жившие в землях за Альпами, устремились через перевалы в силе великой и захватили территорию, что лежала между Апеннинскими горами и Альпами, изгнав оттуда живших там этрусков (Диодор Сицилийский. «Исторические сборники»).

К 400 году до н.э. огромные массы кельтов пересекли Альпы и вторглись в Италию, чтобы расселиться в долине реки По и вдоль северного побережья Адриатического моря. Жители этрусских городов, территории которых подверглись нашествию, призвали на помощь соседей. В 387 году до н.э. сеноны, возглавляемые вождем по имени Бренн (Ворон), приступили к осаде этрусского города Клузий. По просьбе этрусков из Рима прислали посольство, чтобы оно послужило делу мирного разрешения противоречий между сторонами. Однако в нарушение обычаев римская делегация приняла сторону этрусков и с оружием в руках выступила против кельтов, которые пришли в ярость из-за несоблюдения международного закона того времени. Оставив часть войск для продолжения осады Клузия, Бренн немедленно выступил на Рим, нанес сокрушительное поражение римскому войску на реке Аллия, что в 15 км к северу от города. Дата сражения — 18 июля — навечно стала черным днем для Рима. Уцелевшие после битвы легионеры бросились спасаться в ближайший город Вейи, а кельты продвинулись к Риму и разграбили его. Согласно легенде, устоял один лишь Капитолий, который спасло от верной гибели во время ночного штурма врага гоготанье гусей. В конце концов от галлов — как называли захватчиков римляне — пришлось откупаться после того, как те провели в Риме семь месяцев: по договору римляне обязались заплатить тысячу фунтов золота, к чему добавился вес меча Бренна, который будто бы бросил его на чашу весов и презрительно воскликнул: «*Vae Uictis!*» («Горе побежденным!») в ответ на жалобы римлян, что кельты пытаются словить и выжать больше золота, чем полагалось им по договору (3).

Бронзовый итало-кельтский шлем со сложной конструкции держателем для гребня из перьев. Середина IV века до н.э. (akg-images).

Новости о падении Рима распространились быстро и широко. Тогдашние греческие авторы отмечали, что войско гиперборейцев (варваров с севера) захватило греческий город под названием Рим, что находится в далеких местах и поблизости от «большого моря» (то есть Средиземного моря). Поражение и унижение, которые пришлось испытать им от кельтов, оказали на римлян глубокое воздействие с далеко идущими последствиями. Отныне и впредь на галлов смотрели со страхом и ненавистью, ощущая в них постоянную «галльскую угрозу» с севера — *terror gallicus*. Отношение это оправдывало любые действия, направленные на месть врагу, и на протяжении столетий формировало взгляд римлян на галлов.

Появление кельтов в Италии не привело к изгнанию оттуда местного населения. Несмотря на численность племен, кельты все равно оставались в меньшинстве. Археологические данные позволяют сделать выводы о довольно бойком культурном обмене и значительной ассимиляции, особенно между местной и кельтской элитами. Хотя оставшиеся севернее ценоманы тяготели к более ревностному следованию традициям их самобытной латенской культуры, далее на юг бойи и сеноны оказались под весьма сильным влиянием соседей-этрусков. В отличие от кельтов в прочих уголках Европы в то время, многие итальянские кельты проживали в селениях, которые были достаточно крупными, чтобы именоваться городами. Инсубры на севере Италии уже подверглись значительной урбанизации к моменту начала кельтской миграции, а такие города этрусков, как Фельсина, стали важными центрами проживания кельтского населения. Большинство, однако, продолжало обитать в традиционной сельской среде — знакомой и привычной по родным краям. Римский историк Ливий писал о том, что бойи селились на небольших хуторах или в деревнях на высоких холмах. Недавние раскопки в Монте-Бибеле в Апеннинских горах представили свидетельства сельского образа жизни кельтов в Италии: на протяжении 200-летнего периода в IV и III веках до н.э. на кладбище, где поначалу встречаются исключительно этрусские могилы, позднее все чаще появляются кельтские захоронения. Уровень интеграции между аборигенами и переселенцами оказался настолько высоким, что культура бойев и сенонов того времени даже удостоилась у ученых определения «итало-кельтской». Только один характерный латенский меч — «визитная карточка» кельтского воина — оставался неизменным и не поддавался влиянию местных художественных стилей. Напротив, он нашел применение у некоторых других народов, в частности у лигурийских племен в Альпах и на средиземноморском побережье Северной Италии, у умбрийского горного народа из Апеннин и у венетов в самой высшей оконечности Адриатического моря, хотя ни одно из этих племен не принадлежало к кельтам. Вследствие всего этого по оружию порой довольно трудно проложить четкие этнические границы, которые приходится определять по другим признакам, скажем по типам захоронений. Преобладание латенского меча во многих районах Италии как предпочтительного оружия служит ясным указанием на ратную

удаль кельтской военной элиты и на высокую репутацию кельтских воинов-наемников.

Между кельтами Италии ни в коем случае не существовало единства. Бойи выступали как традиционные союзники инсубров, тогда как ценоманы тяготели к сотрудничеству с венетами и часто — в стремлении сохранить независимость — с римлянами. Сеноны поддерживали отношения с сиракузцами и, вероятно, дали Дионисию Сиракузскому первых кельтских наемников, о которых особо упоминается в античных источниках как об отряде в составе войска, посланного в 369–368 годах до н.э. с Сицилии в Грецию для войны против фиванцев. Хотя о происхождении этого кельтского контингента и не говорится, есть все основания полагать, что набирался он в Италии через сиракузский порт и торговый пункт Анкона, расположенный на адриатическом побережье неподалеку от земель, занимаемых сенонами, то есть в ареале *ager gallicus*. Активность кельтских наемников особенно сильно возросла после смерти Александра Великого в 323 году до н.э. и последовавшего за этим расчленения Македонской империи. Италия стала местом, через которое в поисках славы и богатства в рядах войск соперничавших средиземноморских держав следовали воины. Они и возвращались в нее же или через нее, привозя с собой новые привычки и идеи, полученные в результате тесных контактов с греками, этрусками, а также и со средиземноморским миром в более широком понимании этого слова. Завоевание и заселение севера Италии кельтами привели к тому, что последние впервые сделались непосредственными соседями греческих и этрусских городов на самом полуострове. Связи их с Заальпийской Европой усилились, что подтолкнуло не только к оживлению торговли, но и к более интенсивному распространению и взаимопроникновению идей; в особенности это касалось ассимиляции и усвоения новых стилей, оказавших серьезное воздействие на развитие кельтского искусства.

НАПРОТИВ Характерный латенский меч из железа и ножны из Галлии I столетия до н.э. (Государственный музей древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ [Франция] / Лоро / Жиродон / Художественная библиотека Бриджмена).

ВНИЗУ Великолепно сработанные кубки для потребления столь высоко ценимого северянами итальянского вина. Подобные сосуды создавались на основе этрусских оригиналов, однако скоро кельтские ремесленники стали помещать на своих изделиях кельтскую символику, что привело к появлению в искусстве характерного латенского стиля (© Совет попечителей Британского музея / PS119291).

Фрагмент этрусского храмового фриза с изображением сцены битвы с кельтами (akg-images / Эрих Лессинг).

Латенское искусство есть одна из наиболее важных характерных особенностей для определения кельтской культуры. Многие главные составляющие его появились в результате попытки переосмысливать произведения этрусков или италиков, на которые, в свою очередь, еще ранее оказали влияние стили и тенденции народов Восточного Средиземноморья. Новые стили получили особенно быстрое распространение среди представителей военной элиты. Возвращаясь домой после кампаний в Италии или откуда-то еще, воины привозили с собой предметы, сделанные ремесленниками в итало-кельтских мастерских, тогда как кельтские художники и мастера в свою очередь копировали чужестранные предметы, усваивая непривычные подходы. При этом копии часто становилось трудно отличить от оригинала.

Судя по всему, процесс культурной ассимиляции прервался с окончательным разгромом сенонов римлянами в 283 году до н.э. С самого нападения на Рим и его разграбления свыше ста лет назад нанесение поражения сенонам было наиглавнейшей целью римлян, не забывших унижений и мечтавших смыть позор, пережить который заставили их варвары. Первая победа пришла в 345 году до н.э., примерно через 40 лет после захвата Рима войском Бренна. Десятилетиям постоянного военного противостояния положил конец договор, заключенный между Римом и сенонами в 332 году до н.э., за которым последовал почти 30-летний период мира. Постоянный рост римского могущества привел к созданию оборонительного альянса сенонов, этрусков и прочих италийских народов. Несмотря на численное превосходство, их тем не менее постиг разгром в битве при Сентине в Умбрии в 295 году до н.э. В 284 году при Арретии (Ареццо) сенонам с успехом удалось устроить засаду на два легиона, в результате чего пал командовавший ими римский консул. Этой победе суждено было стать последней для сенонов. Уже в следующем году Рим поквитался с ними: после полного разгрома сенонов римлянами последние основали военную колонию Сена Галлика (Сенигаллия), чтобы

исключить восстание. Бои, пытавшиеся прибыть на помощь сенонам, также были решительно разбиты. Кабальные условия, которые Рим заставил принять побежденные племена, послужили залогом длительного периода мира.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ТЕЛАМОНЕ — 225 ГОД ДО Н.Э.

В те 50 лет, что прошли после поражения сенонов и бойев, Рим продолжал завоевывать Центральную и Южную Италию, кроме того он захватил Сицилию, Корсику и Сардинию (4), отвоевав их у Карфагена во время Первой Пунической войны 264–241 годов до н.э. Будучи некогда одним из множества городов-государств в Италии, Рим выдвинулся на позиции сильнейшей державы Средиземноморья.

Под нарастающим давлением со стороны Рима бойи и инсубры создали союз. Попытка привлечь к нему ценоманов не дала результатов — взятки и подкупы римлян послужили гарантией нейтралитета их и венетов. Тогда кельты послали эмиссаров за Альпы, чтобы набрать там наемников, которых, если верить Полибию, называли гесатами. Слово можно перевести как «копейщики», или даже «воины», поскольку оно происходит от кельтского слова «копье» — *gaesum* (*gaesum* — слово, разумеется, уже латинское, вероятно, от кельтского родственного древнеирландскому *gae*. — *Прим. пер.*). Тысячи таких людей перешли Альпы и появились в Цизальпийской Галлии. Полибий утверждает, что в битве при Теламоне силы кельтов насчитывали 50 000 человек пехоты и 20 000 конницы, в том числе и значительное количество колесниц. Отделив часть войска для прикрытия с фланга на случай враждебных действий со стороны ценоманов и венетов, кельты, ведомые двумя вождями — Анероестом и Конколитаном, — вторглись на римскую территорию. В Риме население пришло в ужас от мысли о том, что варварские кельтские орды вновь затопят собой улицы города.

Началось вторжение вполне успешно. Кельты разбили римское войско у Фезулы, что близ Флоренции, и продолжили наступление в Этрурии, захватив огромное количество добычи, в том числе пленников и скота. Не встречая больше никакого противодействия, они двинулись к самому Риму. Находясь на расстоянии всего в три дневных перехода от города, они прослышали о следовавшем наперерез им с юга быстрым маршем еще одном римском войске численностью в 10 000 человек, возглавляемом консулом Эмилием Павлом. Кельты решили держать военный совет. Анероест, вероятно возглавлявший гесатов, высказался против боя и предпочитал отступление со всей добычей обратно за Апеннины. Мнение его возобладало, а потому кельты ночью же свернули лагерь и пошли на север.

О чем не знали кельты, как, впрочем, и Павл, так это о спешном отзыве с Сардинии римлянами еще одной армии под началом второго консула, Гая Атилия, которая высадилась в Пизе к северу от места нахождения кельтов и фактически

перерезала им путь отхода. От захваченных в плен кельтских дозорных Атилий узнал, что враг находится между двумя римскими армиями. Располагая этой информацией, он с войском выступил с целью захвата выгодных позиций около города Теламон, расположенного на побережье между Римом и Пизой, при этом конница его заняла господствующую высоту на пути отступления кельтов.

Поначалу Анероест и Конколитан полагали, что кавалерия Павла стремится обойти их с фланга. Они отправили отряды кельтской конницы и легковооруженных пехотинцев для овладения холмом. От взятых в плен римлян они узнали о присутствии в районе Атилия с войском. В обстановке, когда противник находился у них с фронта и с тыла, кельты построили пехоту так, чтобы быть готовыми отразить атаки с обеих сторон. Гесаты с поддерживавшими их инсубрами оказались перед Павлом. Тавриски и бойи изготовились встретить Атилия. По обоим флангам вожди кельтов поставили конницу и колесницы, тогда как обоз отослал на меньшую высоту под надежной охраной. Тем временем и Павел проведал о прибытии Атилия, отправив свою кавалерию в обход фланга кельтов на усиление римским отрядам на господствующей высоте.

В рассказе Полибия о сражении при Теламоне повествуется о некоторых принципиальных — особо характерных для него — особенностях действий кельтского войска в ходе этого крупного сражения описываемого периода:

Немедленно он (Эмилий) послал на помощь сражающимся на холме свою конницу; а сам... повел ее (пехоту) на врага. Кельты поставили альпийских гесатов сзади, откуда ждали нападения Эмилия, подле них поместили инсомбров (инсубров). В передних рядах поставлены были тавриски и живущие по сю сторону Пада (По) бои (бойи), которые, таким образом, имели в тылу упомянутые выше войска, а лицом обращены были к войску Гаяя (Гая), нападения коего ожидали; повозки и колесницы они поставили по бокам линии у обоих флангов; добычу снесли на одну из ближайших гор и поставили там стражу. Это обоюдостороннее расположение кельтов было не только грозно на вид, но и весьма пригодно для битвы. Инсомбры и бои шли в битву в штанах и в легких, накиннутых сверху плащах. Что касается гесатов, то самоуверенность и смелость их были так велики, что они сбросили с себя и эту одежду и, обнаженные, только с оружием в руках, стояли в передних рядах войска... Сначала битва шла только у холма, и для всех было видно, сколь многочисленная конница от каждого войска участвует в завязавшейся схватке. В этом сражении пал, как отчаянный боец, консул Гай, и голова его отнесена была царям кельтов. Однако римская конница благодаря своей храбрости овладела наконец полем сражения и одолела врага. После этого, когда пешие войска были уже близко друг к другу, получилось своеобразное, удивительное зрелище, любопытное не только для участников, но и для позднейших читателей, имеющих возможность представить себе прошлое из описания... Что касается римлян, то им прибавило смелости то обстоятельство, что неприятель был охвачен со всех сторон и заключен в середину между ними, хотя, с другой стороны, кельты пугали их боевым строем и шумом. Действительно, число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико, а когда все войско разом исполняло боевую песню, поднимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими казались самые окрестности,

повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих людей, стоявших в первом ряду, блиставших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов. Если вид всего этого и устрашал римлян, то надежда на добычу сильнее подстрекала их к битве.

Как только копьеметатели согласно обычному порядку выступили из римских легионов вперед и начали битву метким и частым метанием дротиков, штаны и плащи для кельтов задних рядов оказались очень полезными; напротив, передние нагие воины, не ожидавшие такого нападения, испытывали большие неудобства и трудности. Дело в том, что галатский щит не может прикрывать (всего) воина, а при большом росте галатов дротики тем вернее попадали в неприкрытые части тела. Наконец вследствие дальнего расстояния и множества падающих на них дротиков они увидели, что не могут совладать с копьеметателями; одолеваемые ранами и безвыходностью положения, одни из них в безумной ярости кидались на врага и сами обрекали себя на смерть, другие начинали понемногу отступать к своим и явную робостью приводили в смущение задних воинов. Так посрамлена была копьеметателями кичливость гесатов. Полчище инсомбров, боев и тавриков упорно дралось с неприятелем в рукопашном бою, когда римляне сменили копьеметателей и двинули на врага свои манипулы. Сколько их ни избивали, они не падали духом ничуть; единственное, в чем каждый из них и все вместе уступали неприятелю, это — способ вооружения. Ибо оборонительное оружие римлян, щит, и наступательное, меч, имеют важное преимущество... тогда как галатским мечом можно только рубить.

Выполненная из бронзы стойка для бутылей с вином из Брно-Маломержице (Моравия). III век до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

Когда римская конница бросилась с высокого холма и со всюю силою ударила на врага с фланга, пехота кельтов была изрублена на месте сражения, а конница обратилась в бегство.

Кельтов убито было до сорока тысяч, а взято в плен не меньше десяти тысяч, в том числе и один из царей, Конколитан. Другой царь, Анероест, укрывшийся где-то с небольшим числом воинов, лишил жизни присных своих и себя.

Так кончилось самое тяжкое вторжение кельтов, угрожавшее великою, страшною опасностью всем италийцам, а больше всего римлянам... Одержав эту победу, римляне возымели надежду совершенно вытеснить кельтов из области реки Пада (*«Всеобщая история»* [Цит. по переводу на русский язык. — *Прим. пер.*]).

Приняв командование над обеими римскими армиями, Павел преследовал остатки кельтских отрядов и по ту сторону долины реки По, став первым римским командующим, кому это удалось. Территория боев подверглась такому разграблению и опустошению, что уцелевшие соплеменники предпочли убраться обратно в Богемию, откуда вышли за два столетия до того. Не прошло и пяти лет, как римляне подчинили себе все кельтские племена Цизальпийской Галлии. Были созданы колонии легионеров-ветеранов, задача которых состояла в том, чтобы держать в страхе побежденных кельтов и отбивать у них охоту в будущем поднимать восстания.

«ВЕЛИКИЙ ПОХОД» — КЕЛЬТСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ НА БАЛКАНЫ

Как и все легенды, история о том, как боги даровали Сеговесу — одному из племянников царя битуригов Амбигата — земли в Богемии, может содержать некоторое зерно правды. Миграция кельтоговорящих народов из Центральной Европы в восточном направлении по долине Дуная и далее на Балканы началась не позднее заката V столетия до н.э. Вероятной целью переселения служило стремление взять под контроль маршрут доставки янтаря из Прибалтики в Средиземноморье путем захвата самого важного со стратегической точки зрения пункта — переправы через Дунай западнее современной Братиславы. Другое и более широкое переселение отмечалось в IV веке до н.э., что подтверждается обнаружением большого количества предметов латенского стиля в Словакии, Венгрии и Сербии, а также вокруг Кракова в Южной Польше и во многих других районах Карпатских гор. Оставленное по себе кельтами оружие и иные артефакты встречаются даже так далеко на востоке, как в Молдове и на Украине. Хотя в большинстве своем они попадают к нам из могил скифских кочевников-степняков, которым они достались путем обмена. Однако нельзя исключать наличия в тех краях отрядов кельтских воинов, которых, как следует предполагать, привлекали греческие города на побережье Черного моря, могущие служить источниками захвата добычи либо выступать в роли нанимателей. Кельтские щиты и оружие появляются на монетах эллинистического Босфор-

Великолепный железный шлем из Чиумешти (Румыния), датированный IV веком до н.э., с гребнем в виде расправившего крылья ворона (Художественный архив / Государственный музей Бухареста / Дальи Орти).

ского государства на Азовском море, а надпись из греческой колонии Ольвия (под Николаевом на Украине), датируемая III веком до н.э., отмечает высокую степень опасности нападения «галатой» и свидетельствует о решении греков обнести город стеной, чтобы защититься от набегов.

Как и в случае Италии, кельтская миграция на юго-востоке Европы находит подтверждение в классических источниках и в результатах усилий археологов. И снова не вполне ясно, что подтолкнуло племена и заставило их сняться с места. Удачное переселение в Северную Италию, а также подтвержденные собственным опытом кельтских наемников слухи о богатстве и слаботи средиземноморского мира, возможно, послужили стимулом для поиска новых земель и чужого золота у прочих заальпийских сообществ. В отличие от обстоятельств вторжения в Италию, однако, заманчивые перспективы получения богатой добычи сыграли во время кельтского проникновения на Балканы и в Грецию роль не меньшую, чем поиски новых территорий для обитания. К концу IV столетия до н.э. во всем регионе среднего течения Дуная уверенно доминировали кельтоговорящие народы, хотя в этническом плане состав населения отличался очень большой пестротой.

Археология позволяет считать, что кельтское вторжение на Балканы происходило именно из этого ареала, который был и оставался густонаселенным как

до, так и после великого похода. Артефакты, которые так или иначе можно связывать с кельтскими миграциями по долине нижнего течения Дуная и далее на Балканы, имеют идентичные отличительные признаки латенского стиля Центральной Европы, в особенности Баварии и Богемии, причем изобразительные приемы эти становятся со временем все менее и менее похожими на те, что были присущи итальянским и западным кельтам. Тем не менее археологические следы вторжения в Грецию практически полностью отсутствуют, а потому сам поход не представляется возможным проследить как-то иначе, чем по свидетельствам античных греческих авторов. Греческий географ Страбон сообщает, что в 335 году до н.э. кельтские посланники встречались с молодым Александром Македонским в низовьях Дуная, когда тот вел кампанию против фракийцев. Страбон считал кельтов выходцами с берегов Адриатики. Очень возможно, что то были сеноны, готовые предложить свою службу в качестве наемников. В то время в Италии подходил к концу длительный период почти постоянного военного противостояния между сенонами и Римом, а потому нетрудно представить себе, что у кельтских воинов возникало желание попробовать найти себя где-то еще. В 323 году до н.э. римский историк Арриан отмечал появление другой делегации кельтов, которые приехали даже в Вавилон, где они удостоились приема у Александра Великого незадолго до его смерти. Цель данного визита, потребовавшего куда более длительного путешествия, не ясна.

Широкомасштабная миграция кельтов на Балканский полуостров началась только после смерти Александра, когда ожесточенная борьба за власть среди его полководцев решительным образом ослабила власть македонцев над эллинистическим миром. Первое нашествие на Македонию в 298 году до н.э. удалось отразить. Почти через 20 лет, в 281 году до н.э., кельты вновь вторглись в Македонию. Войско македонского царя, Птолемея Керавна, потерпело поражение, а сам Птолемей был убит и обезглавлен. Другая орда кельтов в том же году напала на Фракию, где ей удалось захватить и разграбить город Севтополь. Греческий географ Павсаний даже оставил описание этого события:

Тогда Бренн усиленно стал уговаривать и на общих собраниях всех галатов и каждого из их начальников в отдельности двинуться походом на Элладу, настойчиво указывая на слабость эллинов в данный момент, на то, что будто бы в общественных казнохранилищах у них много сокровищ, а еще больше в храмах приношений и чеканного серебра и золота <в монете>. Таким образом он действительно убедил галатов двинуться на Элладу... Собранное им войско состояло из 152 000 пехоты, а всадников было 20 400. Но это число всадников указывало только на тех, кто был в строю, настоящее же их число было 61 200... («Описание Эллады» [Цит. по переводу на русский язык. — Прим. пер.]

Даже если и принять во внимание явное преувеличение, все равно очевидно, что кельты поднялись в поход во множестве. Огромная кельтская орда — довольно непрочное объединение различных племен — приступила к движению в Македонию в 280 году до н.э. Всего тремя годами ранее римляне переломили

хребет могуществу сенонов в Италии. Вполне вероятно, что многие итальянские кельты решили связать свою дальнейшую судьбу с Бренном. В 279 году до н.э. началось полномасштабное нашествие на Грецию. Однако ссоры между вожаками различных племен привели к расколу среди кельтов еще до того, как они успели вторгнуться в Грецию. Значительная часть — вероятно, до трети от всего количества — под началом Леонория и Лутория приняла решение наступать на Фракию, тогда как большинство под командованием Бренна и Акихория, оставив позади небольшое войско для обеспечения тыла в Македонии, продолжали продвижение далее на юг к величайшему святилищу Аполлона в Дельфах — самому почитаемому месту во всей Греции.

Поначалу кельты встречали лишь слабое противодействие. Репутация грозных воинов и безжалостных дикарей обгоняла их: рассказы о поголовном истреблении противника и каннибализме, о бросаемых незахороненными даже собственных мертвых — высшая степень варварства в глазах греков, которые считали, что, если не похоронить тела умерших, души их будут обречены на скитания по земле, — внушали страх и ужас еще до появления пришельцев. Все кто мог искали убежища в городах, которыми кельты, не располагавшие никаким осадным снаряжением, не имели возможности овладеть. Греческое войско с афинянами во главе заняло позиции, чтобы защитить страну в Фермопильском проходе, где в 480 году до н.э. спартанцы царя Леонида героически сражались против персов Дария. Поначалу грекам удалось отбросить врага с большими потерями для последнего. Однако, как и воеводы Дария 200 лет назад, кельты тоже обнаружили тропу через горы, что позволило им обойти защитников прохода с фланга. Кельтское войско вновь раскололось. Акихорий двинулся на запад в Этолию, где его воины захватили и разграбили город Каллий; Бренн же пошел прямо на Дельфы. К тому времени зима уже подходила к середине. Греки собрались дать отпор врагу, призывая на помощь богов. Павсаний рассказывал о том, как Аполлон вступился за них:

В Дельфах против Бренна и его войска стояли собравшиеся против них эллины. Тут богом были даны варварам немедленно чудесные знамения, наиболее ясные из всех, какие только когда-либо были. Вся земля, которую занимало войско галатов, в течение большей части дня сильно сотрясалась, и не переставая гремел гром и ударяли молнии; они поражали ужасом кельтов и не давали им ясно слышать приказания; кроме того, молнии, падая с неба, поражали не одного какого-нибудь человека, но сжигали и стоящих рядом с ним, их самих и их оружие («*Описание Эллады*» [Цит. по переводу на русский язык. — *Прим. пер.*]).

Святилище Аполлона в Дельфах расположено как раз в месте стыка двух разных земляных пластов, а потому является одним из наиболее подверженных землетрясениям районов в Европе. Тот транс, в который погружалась жрица Аполлона, известная как Пифия, во время контакта с божеством, как считается, отчасти является результатом проникающих из глубины недр испарений. Если и в самом деле тогда случилось землетрясение, то греки, несом-

Храм Аполлона в Дельфах
(С. Хеллиер / Собрание
[предметов] древнего
искусства и [объектов]
архитектуры л.т.д.).

ненно, оправданно верили в божественное вмешательство — в то, что само небо помогло им одолеть захватчиков.

Утверждения греков о том, что святилище в Дельфах было спасено от варваров, оспаривается другими древними авторами, которые полагают, что кельты успели разграбить его прежде, чем потерпели поражение. Бренн, как сообщается, высмеивал статуи греческих богов, к тому же много позднее считалось, будто сокровища, награбленные римлянами в месте поклонения кельтов богам в Толосе (Тулуза) в юго-западных районах Франции, в действительности происходили из Дельф. Как бы там ни было, с восходом следующего дня кельты увидели перед собой греческое войско, воодушевленное фактом готовности богов прийти ему на помощь. Наступил черед кельтов подвергнуться атаке с фронта и с фланга. Несмотря на серьезные потери, они стойко бились до тех пор, пока Бренн не получил тяжелой раны. Кельты отступали с боем, упорно отбиваясь и перерезая глотки своим раненым, чтобы не оставлять товарищей на милость грекам. Как сообщается, ночью вновь отмечались подземные толчки. Урон у кельтов достигал 25 000 человек убитыми. В отчаянии Бренн лишил себя жизни.

Великий поход в итоге закончился провалом. Акихорий увел уцелевших, которые в беспорядке отступали, преследуемые то и дело нападавшими на них греками. Кельтское войско развалилось. Многие возвратились к долине Дуная, чтобы обосноваться неподалеку от слияния этой реки и Савы. Тамошних обитателей позднее стали называть скордисками. Главным их центром сделался Сингидун — современный Белград. Скордиски оставались могущественным кельтским образованием на протяжении более чем двух столетий, продолжая осуществлять набеги на Македонию и Грецию. Они успешно отразили натиск кимбров и тевтонов — смешанного союза кельтских и германских племен, которые на исходе II века до н.э. двинулись на юг с полуострова Ютландия.

Остальные вернулись в Македонию, где их, однако, не ждало ничего, кроме очередного поражения в битве в 277 году до н.э. от войска нового царя, Антигона Гоната, который затем многих рекрутировал в свою армию. Соперник Антигона, Пирр Эпирский, не скрывал удовлетворения тем фактом, какое множество кельтских наемников убили его воины. Место разгрома кельтов Антигоном находилось где-то поблизости от полуострова Галлиполи, что говорит о явных намерениях этой волны кельтов повторить путь, ранее избранный Луторием и Леонорием. Меньшая по размерам группа в итоге достигла побережья Черного моря и основала царство Тилис, откуда пришельцы нападали на соседние греческие колонии до тех пор, пока к исходу III века до н.э. не потерпели поражение и не были завоеваны фракийцами. Присутствие там кельтов оставило по себе довольно мало археологических следов, хотя в Мезеке в Болгарии, расположенном недалеко от турецкой границы, удалось обнаружить захоронение представителя элиты на колеснице с латенскими артефактами, датируемое первой половиной III столетия до н.э. Не ясно, однако, кому принадлежал могильник — кельту или фракийцу. Хорошим примером ассимиляции между кельтами и фракийцами служит знаменитый Гундеструпский котел (см. с. 58–59), названный так по имени места его нахождения в Дании. Великолепный пример кельтского искусства украшен изображениями кельтских богов и воинов, однако на нем присутствует много признаков явно фракийского, а также и восточного происхождения.

ГАЛАТЫ В МАЛОЙ АЗИИ

Возглавляемые Луторием и Леонорием кельты, которые не приняли участия в печальной судьбе экспедиции Бренна и Акхория в Грецию, в 278 году до н.э. перешли Геллеспонт и вступили на землю Малой Азии по приглашению Никомеда — царя Вифинии. По всей вероятности, главной целью для них служило нахождение новой земли, где они могли бы поселиться, тогда как Бренна в большей степени интересовала добыча. Данное образование состояло из трех племен: тектосагов, трокмиев и толистобогов. Никомед собирался использовать галатийских наемников против царя Сирии из династии селевкидов, Антиоха I, который правил большей частью современной нам Турции. Антиох разгромил кельтов в 275 году до н.э., однако позднее — в результате союза с царем Понта Митридатом — они обосновались на плато в регионе реки Галис. Территория эта принадлежала селевкидам, но Антиох II оказался не в состоянии выбить оттуда пришельцев, и земли, на которых они осели, получили название Галатия. Археологи пока что выявили лишь немногие признаки кельтского присутствия в Малой Азии; раскопки показывают, что материальная культура галатов подверглась быстрой эллинизации. Тем не менее они, судя по всему, довольно продолжительное время сопротивлялись ассимиляции, сохраняя кельтский язык на протяжении столетий. В IV веке н.э.

св. Иероним писал о схожести языка галатов с тем, на котором изъясняются галлы. С вновь обретенной территории кельты устраивали набеги на окружающие земли, заслужив себе мрачную репутацию жестоких и кровожадных соседей, всегда готовых нажиться на работоторговле. Эллинские правители извлекали выгоду из такого реноме кельтов, охотно нанимая их в качестве воинов и принимая в состав своих армий.

Кельты дрались между собой и наводили ужас на соседей, равно как продолжали служить источником поставок наемников любому, кто выражал желание заплатить. Племена даже договорились между собой о том, кому какую территорию грабить. Район вокруг Дарданелл принадлежал трокмиам, толистобоги нападали на владения больших греческих городов Ионического побережья, тогда как тектосаги сосредотачивали усилия на удаленных от берега участках. Скоро Галатия превратилась в крупный центр работоторговли. В греческих городах даже ввели специальные налоги для выкупа пленных, попавших в руки к опасным соседям, однако слухи об участии невыкупленных или непроданных пленников, принесенных в жертву кровожадным кельтским богам, побуждали многих скорее самостоятельно лишать себя жизни, чем попадать в руки «галатой».

Некоторые кельтские отряды поступили на службу в войско греческого правителя Египта, Птолемея Филадельфа. Скоро он, однако, обнаружил, что сделал приобретение сомнительного свойства. Заговор наемников раскрылся, и попытку восстания удалось предотвратить, поместив 4000 человек на одном из островов на Ниле. Оказавшись перед лицом мучительной смерти от голода, кельты предпочли покончить с собой. Тем не менее египетские правители продолжали принимать кельтских наемников. После окончания службы им давали землю, где бы они могли осесть, в обмен на обязанность вновь вступить в войско, когда это понадобится; таким образом, отставных кельтов можно расценивать как своего рода резервистов.

Рим впервые столкнулся с галатами в битве при Магнезии в 190 году до н.э. в противоборстве с Антиохом III Селевком, в войско которого входил кельтский контингент. Победа римлян в сражении привела к карательной экспедиции против столицы галатов, Анкиры, что радикальным образом снизило их способность терроризировать соседей. Однако Рим осознал их ценность в качестве игроков на политической сцене эллинистического Востока и не стал полностью лишать кельтов способности осуществлять определенное влияние в регионе, находясь при этом под властью римлян. Спустя столетие ситуацию решил переиграть Митридат Понтийский, притязавший не только на устранение римлян из Малой Азии, но также и на изгнание их из Греции. Начал он с атаки на союзников Рима. В попытке нейтрализовать галатов он велел вырезать их вождей с семьями в Пергаме, куда заманил их лживыми заверениями в мирном характере своих намерений. Данная акция сделала галатов безоговорочными сторонниками римлян, на стороне которых они сражались под командованием Помпея, впоследствии ставшего соперником

Цезаря. В 66 году до н.э. Митридат потерпел поражение, а галаты превратились в союзников римлян под патронатом Помпея, который поставил во главе каждого племени единовластного правителя. Самым заметным оказался вождь толлостобогов Дейотар, которого римляне стали признавать как царя. Он поддержал Помпея во время конфликта последнего с Цезарем, однако оказался более живучим, чем патрон, сумев уцелеть после его убийства. Внуку Дейотара, Аминте, суждено было стать последним независимым правителем галатов. После его смерти в 25 году до н.э. Галатия как провинция вошла в состав Римской империи.

МИГРАЦИИ НА ЗАПАД

Для самих кельтов принципиальные последствия их миграций на юго-восток Европы, проникновения на Балканы и в Грецию заключались в ослаблении традиционных общественных уз и в формировании новых племенных образований, которые часто отличались довольно смешанным этническим характером. Поражение и гибель кельтских армий Бренна и Акихория способствовали интенсификации данных процессов. Тех, кто уцелел во время отступления от Дельф и вернулся в долину Дуная, с прочими кельтами ничто не связывало, так как принадлежали они только к той группе, в составе которой жили и воевали во время кампании. У многих не было никакого желания возвращаться к прежнему быту, иные вообще не ведали другой жизни, кроме той, которую знали в кочующих бандах и отрядах наемников и грабителей. Несмотря на провал великого похода, такие люди хотели продолжать кормиться мечом. Следовательно, они стали подыскивать какую-то возможность найти себе соответствующее применение. Некоторые сочли уместным поступить на службу в войско недавнего противника — царя Македонии Антигона Гоната. Другие стали посматривать на запад.

Обнаружение характерных предметов, принадлежащих к латенскому стилю дунайских кельтов, показывает, что примерно в III веке до н.э. отряды кельтских воинов с их семьями стали в значительных количествах покидать регион среднего течения Дуная и отправляться в разные районы Западной Европы. Вольки-тектосаги в итоге осели в долине Гаронны, в юго-западной Франции вблизи Пиринеев, в период между 275 и 260 годами до н.э. Не исключено их родство с тектосагами, поселившимися в Малой Азии, однако возможно также и то, что они просто носили имевшее вполне определенное значение имя «бездомных волков», или, если буквально, «волков без крыши над головой». Почему они решились осесть именно там, где осели, не вполне понятно. Будущим центром

Серебряная тетрадрахма Филиппа II Македонского. IV век до н.э. Начало использованию денег в кельтском мире — первым делом в Италии — положили отчасти возвращавшиеся на родину наемники, которым иностранные наниматели платили за службу такими вот монетами (Швейцарский музей Цюриха, DIA-8523, 8524).

Круглая бронзовая пластинка, служившая для украшения колесницы в захоронении, обнаруженном в регионе Сомма — Брион (Франция). Она считается одним из лучших сохранившихся артефактов раннего латенского периода. Начало V столетия до н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

чал их на территории между Роной и Изером, когда направлялся из Иберии с целью вторжения в Италию, которое в 218 году до н.э. положило начало Второй Пунической войне.

Многие из этих галлов, как и те, что жили в Цизальпийской Галлии, вступили в его войско, чтобы отомстить за поражение под Теламоном. Полибий отмечал факт наличия в армии Ганнибала большого количества кельтских наемников, хотя в битве на берегах Треббии кельты сражались с обеих сторон. Наемники Ганнибала сыграли значительную роль в его победе над Римом при Каннах в 216 году до н.э.

Далее на север в регионе Шампани примерно в 270 году до н.э. другие образования кельтов стали занимать территории, оставленные после ухода оттуда сенонов в V веке до н.э. Женские драгоценности в типичном дунайском стиле позволяют отделять эти новые группы от прежних кельтских жителей. Хотя последние и усвоили некоторые из местных обычаев, они продолжали хоронить воинов в соответствии со свойственным латенским захоронениям ритуалом с мечами, копьями и щитами. Племена эти можно, вероятно, идентифицировать как бельгов, которых Цезарь отличал от прочих кельтов, живших к югу от рек Сена и Марна, считая их наиболее воинственными среди галлов. Агрессивность этих военных племен продолжала служить причиной конфликтов даже и после того, как они окончательно оседали в том или ином регионе. Бурный процесс эволюции в новых

племени стала Толоса (современный город Тулуза), господствовавшая на древнем торговом пути между Средиземным морем и Атлантическим побережьем. Другим объяснением может служить близость территории карфагенян за горами в Иберии, что давало кельтам возможность вступать в их войска в качестве наемников.

Миграция новых кельтских образований в долину Роны подтверждается находками дунайских артефактов. Полибий писал о гесатах, которых принимали как наемников инсубры и бойи в Цизальпийской Галлии, поскольку им требовалась помощь против растущей угрозы со стороны Рима. Историк, вероятно, имеет в виду аллоброгов, название которых переводится как «те, кто пришел из прочих мест». Карфагенский военачальник Ганнибал встречал

племенах Северной Галлии отражается в монументах и святилищах вроде тех, что обнаружены в Гурне-сюр-Аронд и Рибмон-сюр-Анкр. Количество найденного в них оружия и военной добычи говорит о насилии, свирепствовавшем тогда в тех районах.

ПРИРОДА КЕЛЬТСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Согласно греческому автору Страбону, процитированному в начале текущей главы, кельты были всегда готовы к поиску новых земель и к тому, чтобы, когда потребуется, почти тотчас же сняться с места вместе с семьями и скарбом. Однако соображение это едва ли не целиком основано на свидетельствах Цезаря, описавшего миграцию гельветов, и в нем совершенно не учитываются различные общественные и политические условия, существовавшие в других местах и в другое время. Рассматривая обстоятельства переселения гельветов, необходимо помнить о том, что речь идет о движении народа, уже согнанного с насиженных мест натиском германцев, угрожавших слабеющему кельтскому миру. В IV и в III веках до н.э., когда кельтский мир находился на вершине подъема и ни одному племени не приходилось вынужденно покидать территорию предков, ситуация выглядела по-иному. Археологические данные подтверждают такое соображение. Причиной кельтских миграций в обычной обстановке служило перенаселение региона. Резкого перехода не наблюдается, хотя уход значительных отрядов из того или иного ареала и влечет за собой общее падение уровня населения, как происходило, например, в районе Марны в начале IV столетия до н.э. Вероятно, разумнее считать экспансию кельтоговорящих народов в IV и III веках до н.э. своего рода формой колонизации, вызванной преимущественно переизбытком населения, чем миграцией в строгом смысле слова. Можно сравнить эти процессы с колонизацией греками средиземноморского и черноморского побережий в VII и VI веках до н.э. и с экспансией викингов ближе к концу I тысячелетия н.э., каковые отличаются по характеру происходящего от германских миграций, внесших свой неопределимый вклад в дело разрушения и гибели Западной Римской империи в V столетии н.э.

Переселение в Юго-Восточную Европу и в Малую Азию максимально расширило границы кельтского мира. Фатальное поражение сенонов — вероятно, самого могущественного кельтского племени в Италии — и гибель войска Бренна под Дельфами, произошедшие почти в одно и то же время, стали своего рода поворотным пунктом. С того момента кельты будут противодействовать все возрастающему давлению, причем не только со стороны римлян, но и прочих народов. Господство их в Центральной и Западной Европе на протяжении двух последних веков до н.э. будет постепенно ослабевать, хотя они и не сдадутся без борьбы.

Часть 2
Богини и езо мир

ГЛАВА 3

УЗЫ ОБЩЕСТВА

Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов... Вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники (Цезарь, «Записки о Галльской войне» [Здесь и далее везде цитируется по переводу на русский язык М.М. Покровского. — Прим. пер.]).

ОБЩЕСТВО В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

Обществу древних кельтов часто сопутствует определение «героическое», в чем отражается факт господства в нем слоя военной элиты, представители которого жили, наслаждались жизнью и легко расставались с ней в обстановке постоянных вооруженных конфликтов. Дорогие предметы из захоронений, включавшие в свой перечень оружие и доспехи, а также мифы и легенды более поздней эпохи лишь усиливают такую точку зрения. Однако археологические находки указывают на то, что подобные атрибуты принадлежали лишь общественной верхушке, в то время как подавляющее большинство населения Европы железного века проводило куда больше времени за оралом, нежели размахивало мечом. Тем не менее, если брать все в целом, имеющиеся у нас данные говорят о том, что вооруженные стычки и конфликты представляли собой эндемическое явление и играли жизненно важную роль в поддержании структур кельтского общества.

В период между VI и I веками до н.э. кельтское общество претерпело огромные перемены. К сожалению, как уже говорилось выше, трудно сложить связную картину происходившего по причине недостатка данных и неровности распределения сведений в плане как географическом, так и хронологическом. Классические авторы дают — пусть и под своим углом зрения — немало информации, касающейся кельтов, которые селились в Северной Италии в IV столетии до н.э. и принимали участие во вторжениях на Балканы в III веке до н.э. Обстоятельства жизни общества галатов, осевших в Малой Азии, неплохо отражены греческими авторами, тогда как в I веке до н.э. Цезарь в «Записках о Галльской войне» довольно подробно рассказывает о современных ему галлах позднего периода. Упоминает он и о бриттах. Единственный уголок, где существовало кельтское общество, совершенно не описанный в классических источниках, это дохристианская Ирландия — единственная часть кельтоговорящего мира, не испытывавшая на себе господства Рима. В от-

ПРЕДЫДУЩИЙ РАЗВОРОТ

Великолепная находка — гундеструпский котел. Несмотря на то что извлечен он из болота в Дании и имеет явно кельтское происхождение, стиль и характер почерка ремесленника, изготовившего изделие, говорят о происхождении котла с юго-востока Европы. Датировать его следует, вероятно, II или I веком до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

Это собрание аксессуаров из захоронений, датируемых I веком до н.э., включает в себя винные амфоры и прочие предметы, предназначавшиеся для использования в празднествах в потустороннем мире (акг-images / Эрих Лессинг).

В отличие от кельтов континентальной Европы, ирландцы сумели сохранить как язык, так и устные традиции, что дает столь интригующий намек на то, какой могла быть устная литература других кельтских народов.

Мифы и легенды древних ирландцев приоткрывают завесу над обществом, которое можно сравнить с миром гальштатских кельтов раннего этапа железного века. Богато украшенные и основательно устроенные могилы высокопоставленных мужчин и женщин содержат престижные привозные товары, что предоставляет возможность предполагать принадлежность покойников к самой верхушке сообщества — к королевской династии. Гальштатские княжества континентальной Европы пришли в упадок в V веке до н.э. по причине подъема других кельтских народов, господствующей силой общественной структуры которых являлась военная аристократия. Переселения таких военизированных обществ на протяжении следующих 200 лет практически разорвали связи племен с территориями проживания предков. Институт царской власти отмер у континентальных кельтов во времена переселения, когда племена раскалывались, и из осколков этих складывались новые сообщества. В ту эпоху кельтов нередко возглавляли одновременно по два вождя: Анероест и Конколитан в битве при Теламоне, Бренн и Акихорий во время экспедиции к святилищу в Дельфах и, наконец, Леонорий и Луторий, предводительствовавшие у галатов в походе в Малую Азию, — интересная современная параллель с системой управления в Римской республике, в которой тогда тоже ежегодно избирали двух консулов как глав-председателей сената. К I веку до н.э. кельтские цари или короли правили только в Британии и в Ирландии. В Галлии главенствующую роль играли могущественные племенные конфедерации, называемые римлянами *civitates*, возглавляемые олигархиями из представителей наивиднейших аристократических семейств.

Отделанный бронзой и золотом рог для питья из могилы хохдорфского князя (Музей земли Вюртемберг [Штутгарт]; П. Франкенштейн, Г. Цвиташ).

ВЫСШАЯ ВЛАСТЬ И ГЕРОИ — СТРУКТУРА РАННИХ КЕЛЬТСКИХ ОБЩЕСТВ

Раннее кельтское общество организовывалось по принципу наследования по мужской линии от общего предка — реального или мифического, — при этом глава дома как бы олицетворял собой божественного покровителя рода. На нижнем уровне кельтское общество состояло из расширенных семейств, или кланов, которые группировались между собой в объединенное общество территории племени. В древней Ирландии основная семейная ячейка, или *fine*, заключала в себе представителей нескольких поколений. Пять семей, имевших общего предка, являли собой клан. Несколько кланов, живших на одной территории, образовывали tuath, или племя, управлял которым король, или царь. Крупные селения встречались редко, обычно таковыми бывали укрепленные места, принадлежавшие малым королям, или царям, и «центральные» королевские города вроде Тары. Повсюду попадались только крестьянские хутора и маленькие деревушки. Земля не принадлежала никому из членов клана лично, являясь его общим достоянием. Как и обычно для древних обществ, экономической базой кельтского мира служило сельское хозяйство. К началу латенского периода технологии обработки земли достигли такого уровня, когда могли давать избыток продукта, то есть производство превышало уровень насущных потребностей населения. Следовательно, кельтское общество обладало способностью поддерживать аристократическую элиту и класс мастеровых, или ремесленников, кроме того, оно смогло создать довольно сложную систему торговли, что привело к возникновению городской цивилизации, особенно в Галлии. Данные экспериментальной археологии продемонстрировали наличие в распоряжении древних кельтов различных форм зерновых, как то: пшеницы одно- и двузернянки и спельт, или полбы настоящей, что позволяло снимать урожаи даже большие, чем удавалось в

Средние века. Покажется, возможно, удивительным, но обнаружилось, что урожаи эти часто бывали обильнее, чем те, которые в тех же условиях получаются из тех же современных разновидностей зерновых (которые также беднее протеином и обладают более низкой питательной ценностью). Выращивался кельтами и ячмень, который шел на производство пива, называвшегося у них *cervesia*. Нетрудно заметить, что слово это, как и понимаемый под ним тип напитка, не пропало, видоизменившись во французском в *cervoise*, а в испанском — в *cerveza*.

Важнейшую роль для кельтского общества играл скот. В одном из знаменитейших сказаний в ирландской мифологии — *Táin Bó Cúailnge* («Тайн Бо Куальнге», или «Рейд за скотом в Кули»/«Похищение быка из Куальнге») — речь идет о войне королевств Ольстер и Коннаут, которая разгорелась из-за кражи священного бурого быка из Кули. Статус кельтской знати зависел в большей степени от численности поголовья находившегося в ее распоряжении скота, чем от площади посевных земель, которые обрабатывали ее арендаторы. Основу потребляемого мяса составляли говядина и свинина. Кельтские окорока и тому подобные продукты животноводства славились и в Италии. Способность консервировать пищу, которая стала обычным делом с открытием новых соляных копей в начале I тысячелетия до н.э., в значительной степени повысила подвижность кельтских народов позднего периода. Охота служила в основном способом времяпровождения знати, она едва ли заметно пополняла рацион простых людей.

Согласно представлению, полученному из древних ирландских легенд и мифов, определяющим фактором в общественной иерархии у них являлось

Современная реконструкция круглого жилища древнего хуторянина в Гемпшире. Характерный дом британской семьи в эпоху железного века, отличающийся от аналогичных домов континентальной Европы формой — последние бывали прямоугольными (из коллекции автора).

Посеребренный железный торквес с бычьими головами.
II век до н.э. (akg-images /
Эрих Лессинг).

владение скотом. Полибий так писал в своей «Всеобщей истории» о кельтах севера Италии: «Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко при всяких обстоятельствах всюду брать с собою и помещать их по своему желанию». Владельцы живой движимости считались в глазах закона свободными людьми. Они обладали правом носить оружие и принимать участие в племенных собраниях, на которых выбирали королей, или царей, и — в теории — утверждать или, по крайней мере, выражать одобрение или несогласие с такими важными решениями, как объявление войны. Тем не менее настоящие властные рычаги управления находились в руках элиты — военной аристократии, которую Цезарь определил привычным ему словом «сенат».

Классические тексты мало сообщают нам о простых людях, составлявших подавляющее большинство населения в кельтских сообществах. Пусть они и не являлись рабами в понимании средиземноморских народов, многие считались «несвободными» и не имели прав и общественного статуса. Друиды, упоминаемые Цезарем как второй из главных классов в галльском обществе, составляли привилегированное сообщество, известное в Ирландии как «люди искусства». В число их входили и барды, которые восхваляли воинов-героев в стихах и песнях. Ремесленники — особенно кузнецы и прочие специалисты, работавшие по металлу и производившие не только инструменты для повседневного использования, но также ковавшие оружие, изготавливавшие ювелирные изделия и прочие драгоценные предметы, носимые кельтской знатью и подчеркивавшие их звание и богатство, — тоже считались людьми искусства и имели заметное положение в кельтском обществе.

Величайшее мастерство кельтских ремесленников привело к созданию латенского художественного стиля, определявшего кельтскую культуру на более позднем этапе и вызванного к жизни заимствованиями, переосмыслением и адаптацией местной изобразительной манеры к стилям этрусков и прочих средиземноморских народов. Мастерство особенно наглядно проявляется в оружии и ювелирных изделиях. Кузнецы ковали для воинов оружие — высококачественные наконечники копий и мечи — путем соединения различных по свойствам слоев металла. Драгоценности — ювелирные изделия и разного рода фрагменты отделки, скажем, для продукции башмачников или портных — находились в ведении ремесленников, работавших с золотом, серебром и бронзой. Коралл — единственное сырье, импортируемое в Заальпийскую Европу из Средиземноморья и считавшееся у кельтов носителем особенной попусторонней силы, — применялся при инкрустации изделий из металла. Когда в III веке до н.э. удалось довести до совершенства технологию непосредственного вплавления в металл прочих материалов, мастера при украшении оружия и производстве драгоценностей стали отдавать предпочтение красному стеклу и эмали. Мастерство кельтских обработчиков металлов было известно во всем классическом мире и служило предметом зависти для многих. Достигшие высот в своем искусстве и искушенные в символическом языке богов, такие кельтские ремесленники создавали тонкие орнаменты и украшения, служившие, как считалось, вместилищами сверхъестественной мощи и силы.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ И ВОСПИТАНИЕ ПОТОМСТВА

Кельтское общество переплеталось тесными узами семейных отношений и взаимной зависимости одних его членов от других. В основе всего лежал обычай подчиненности (клиентуры) — то есть особая связь патрон — клиент, — когда два индивидуума разного общественного уровня связывались определенного рода отношениями, в особенности в том, что касалось поддержки и верности на войне. Изначально происходило оно от простого, но важного акта вверения высокопоставленным патроном скота на попечение и сохранение стоящему на низшей ступеньке социальной лестницы доверенному лицу. Согласно древней ирландской традиции, продолжительность таких «контрактов» составляла три года, ибо как раз единожды в три года проходили племенные ассамблеи, на которых стороны заключали между собой соглашения и приносили соответствующие клятвы. Такие договоры тесно связывались с личной честью, и любому, кто не желал придерживаться взятых на себя обязательств, грозили серьезные последствия. В обмен на защиту и помощь слуга обязывался отказаться от своих юридических прав в пользу патрона. Такое действие обозначалось как «цена чести» — эквивалент англосаксонского *вергельда* (или более известной в русском языке виры. — *Прим. пер.*) — от-

Репликант «Краннога» (озерного жилища. — *Прим. пер.*) в Краггоноуэне, что в графстве Клэр (Ирландия), представляет собой несколько окруженных палисадом построек (обычно круглых с вышкой над воротами, как и показано тут. — *Прим. пер.*), расположенных на искусственном островке или платформе, установленной на опорах над водой. Селения подобного типа были довольно распространенным явлением в некоторых уголках Ирландии и Шотландии начиная с бронзового века и до периода Средневековья (Архив Вернера Формана).

купа, который вносила третья сторона в случае незаконных действий в отношении клиента, повлекших за собой нанесение увечий или даже смерть. Концепция цены чести служила фундаментом для правовой системы у кельтов. Она диктовала порядок любых судебных разбирательств, поскольку ценность клятвы или свидетельства субъекта определялась ценой чести. Привлечение к суду кем-то меньшим по статусу кого-то, кто носил более высокое звание, требовало вмешательства высокопоставленного патрона, что создавало обстановку, в которой наличие поддержки богатых и наиболее влиятельных членов элиты становилось чем-то особенно важным и желанным. В равной степени и среди знати возникало активное соперничество в деле привлечения как можно большего числа клиентов.

Обладание большой свитой служило у кельтов признаком высокого положения в общественной иерархии: «Величайшее попечение прилагали кельты к тому, чтобы составлять товарищества, ибо опаснейшим и могущественнейшим человеком почитался у них тот, у кого было наибольшее слуг и верных товарищей» (Полибий. «*Всеобщая история*» [Цит. по пер. на рус. яз. — *Прим. пер.*]).

Связи подчинения могли охватывать не только представителей одного племени, но и разных, а также и сами племена, связанные отношениями патрон — клиент как отдельные субъекты. Так например, соперничавшие между собой эдуи и секваны имели во времена кампаний Цезаря в Галлии в подчинении соответственные племена, являвшиеся их клиентами. Систему подкреплял обычай отдавать на воспитание в дом патрона детей до момента достижения ими совершеннолетия: 14 лет для девочек и 17 — для мальчиков. Легенда о короле Артуре рассказывает нам о том, как юный Артур тайно воспитывался среди домашних сэра Эктора вместе с названным братом Кэем. В *Táin Bó Cúailnge* новорожденный герой Кухулин отдается на попечение тетки — сестры его отца короля, но одновременно и одной из близких подданных последнего. Следующий комментарий Цезаря можно расценить

Реконструкция галльского хутора Археодром (Бон)
(из коллекции автора).

как свидетельство широкого распространения подобного обычая во времена Галльской войны в середине I столетия до н.э.: «...Они отличаются от прочих народов главным образом тем, что позволяют своим детям подходить к себе при народе не раньше достижения ими совершеннолетия и воинского возраста и считают неприличным, чтобы сын в детском возрасте появлялся на публике при отце» («*Записки о Галльской войне*»).

Детей свободных людей отправляли на воспитание в дома богатых патронов, аристократия же посылала своих отпрысков ко дворам более знатных и могущественных вождей, а то и к королю. Сыновья и дочери королей, или царей, росли среди домочадцев других особ королевского ранга. Такая система не только позволяла детям возвращаться в более высокой общественной среде, но до некоторой степени служила дополнительной гарантией лояльности их родителей патрону. Но, наверное, наиболее важным тут является тот факт, что такие узы верности подчас оказывались сильнее кровных связей:

Они все выступают в поход, когда это необходимо и когда наступает война (а до прихода Цезаря им приходилось почти ежегодно вести или наступательные, или оборонительные войны). При этом чем кто знатнее и богаче, тем больше он держит при себе слуг и людей зависимых. В этом одном они видят свое влияние и могущество. (Цезарь. «*Записки о Галльской войне*»).

ПРАЗДНИКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС И ВОЙНА

В соответствии с древними ирландскими традициями, обязанностью короля являлось поддержание священной гармонии между племенем и землей, чтобы таким образом обеспечивать постоянное процветание сообщества. Легендарный Конн олицетворял идеальную модель кельтского государя. Как

рассказывают, в правление его землю весной обрабатывали только две недели из месяца, и она давала в год три урожая.

В ряду наиважнейших качеств, необходимых королю в деле достижения гармонии и процветания земли, стояла возможность обеспечить защиту территории, а также проявление щедрости к тем, которые избрали его в главы сообщества и которые обязались следовать за ним в пору войны или мира. Король, или царь, неспособный привести соплеменников к победе на поле боя или страдавший физической немощью, подлежал замене или даже уничтожению. Тот же, кто не желал делиться богатством, считался противником естественного порядка вещей, что тоже вело к быстрому свержению короля с трона. Следовательно, в обязанности короля входила раздача подарков — часто заграничных предметов роскоши — представителям племенной элиты: знати, воинам-героям, друидам, поэтам и ремесленникам. Ценность таких презентов зависела от общественного значения тех или иных из избранных, а также от их способности влиять на процесс раздачи. Способ перераспределения престижных предметов для увеличения влияния и повышения положения носил название *potlach*.

Большинство иностранных предметов роскоши импортировалось в Заальпийскую Европу из Средиземноморья и относилось так или иначе к потреблению вина. Популярность вина и быстрое усвоение винопития традиционными общественными обычаями кельтов очень хорошо отражены в словах греческого историка Диодора Сицилийского, который, похоже, сам едва верил в то, что писал: «Будучи неумными пьяницами, они (галлы) злоупотребляют неразбавленным вином... Поэтому многие итальянские купцы... плывя по судоходным

Знаменитые графины из Бас-Юц, найденные в Лотарингии, выполнены из бронзы и украшены инкрустацией из коралла и красной эмали. Датированные примерно 400 годом до н.э., такие графины представляли собой варианты более простых изделий этрусков. Темы охоты в украшении ручек и горловин позволяют сделать вывод об использовании предметов кельтской аристократией (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

рекам Галлии... привозят вино и продают его по невероятно высокой цене: за глиняный сосуд с вином берут отрока, получая таким образом за напиток слугу» (*«Исторические сборники»* [Цитируется по переводу О.П. Цыбенко здесь и далее, где указано. — *Прим. пер.*]). Римский купец, несомненно, считал, что сильно выгадывал от такой сделки, но кельты вовсе не были наивными туземцами — они осознавали ценность обмена. Добыть рабов для них не представлялось сложным, тогда как возможность вкушать вино с себе подобными могла заметно укрепить положение царя или аристократа как человека основательного и широкого в жестах, за которым пожелают пойти прочие и от щедрот которого захотят получить достойную долю. Другой греческий писатель, Посейдоний (иначе Посидоний. — *Прим. пер.*), побывавший на юге Галлии в начале I века до н.э., оставил поразительный рассказ очевидца о некоторых общественных обычаях галлов. Хотя оригинальные работы его и не уцелели, они часто цитируются другими классическими авторами. В следующем отрывке он повествует о галльском вельможе по имени Луверний:

В стремлении заручиться всеобщей любовью [он] разъезжал на колеснице повсюду, раздавая золото и серебро тем, кто желал следовать за ним. Сверх того, он велел поставить палисад протяженностью полторы мили с каждой стороны, внутрь которого свезли бочки с дорогостоящими напитками и заготовили такое множество провизии, что на протяжении многих дней все желающие могли прийти туда и принять участие в празднестве (*«Всеобщая история»*, процитировано Афинеем).

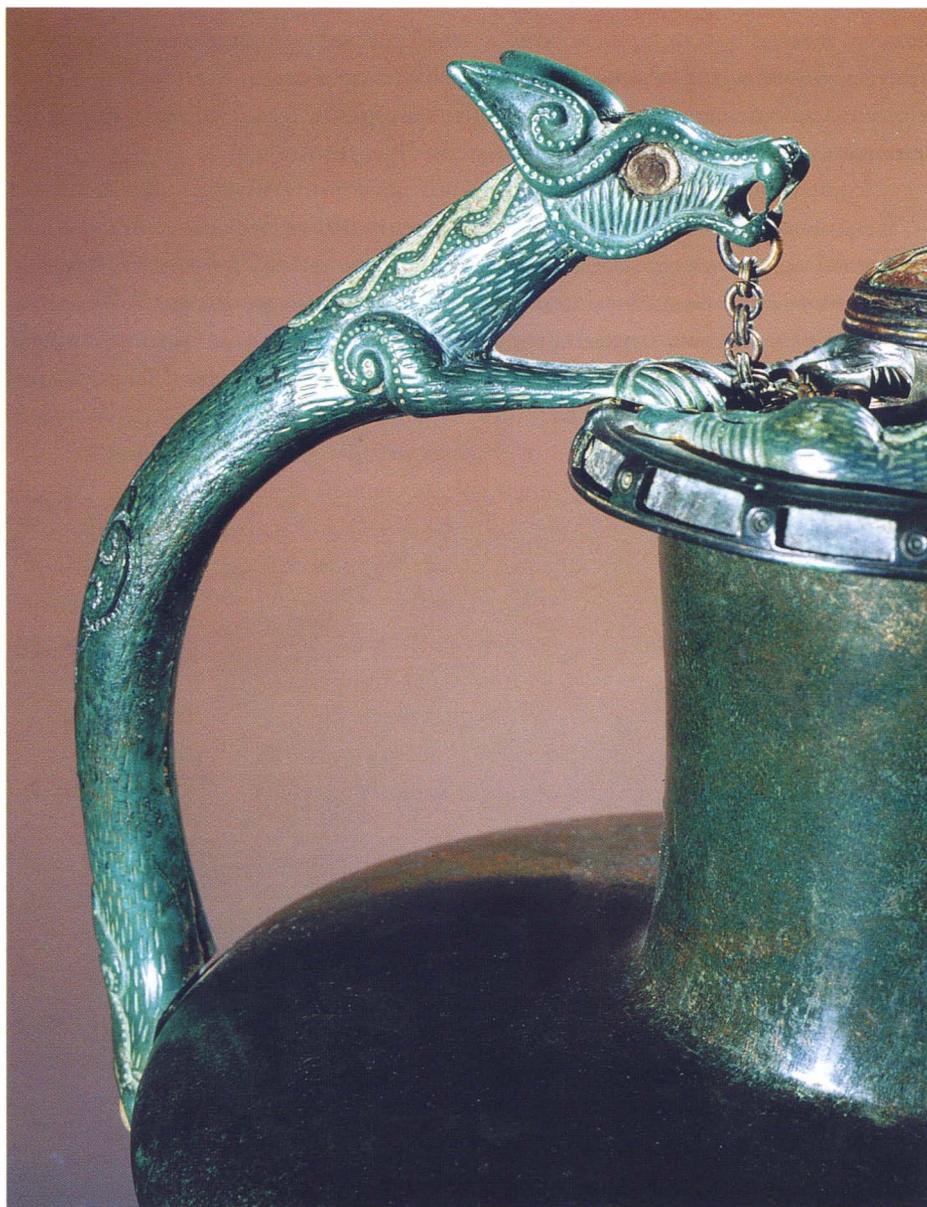
Праздники являлись важнейшей составляющей кельтского быта. Подобные общественные собрания, устраиваемые царями или другими представителями элиты, протекали в обстановке дикости и пьянства, нередко выливались в гибель кого-то из участников и всегда имели какое-то ритуальное значение. На таких сборищах присутствовали все свободные мужчины и женщины, что являлось обязательным. В том, что касалось приветствий и гостеприимства, всегда тщательно соблюдалась церемониальная процедура. Места распределялись в соответствии с положением и званием: гости важные восседали в зале, тогда как менее преуспевающие и молодежь довольствовались тем, что пировали снаружи, как пишет Посейдоний:

Они рассаживаются кругом, а наиболее влиятельный человек — будь он особенно умелым в военном деле, знатен по роду или богатству — занимает центр. Подле него восседает хозяин, а далее от них прочие в соответствии с порядком значимости. Их щитonosцы стоят позади них, тогда как их копейщики сидят на противоположных сторонах и празднуют совместно с господами (*«Всеобщая история»*, процитировано Афинеем).

На празднествах присутствовали барды и поэты, демонстрировавшие там собственное искусство, талант и знание дела. Они прославляли родственные узы, храбрость и богатство хозяина и его предков, равно как и деяния леген-

дарных героев. Однако песни могли не только восхвалять, но и высмеивать, а потому страх перед потерей лица в присутствии прочих гостей подталкивал хозяина к еще большим выражениям щедрости. Посейдоний продолжает рассказ о Лувернии:

Один поэт, приехавший в гости к Лувернию поздно, написал песню с восхвалением величия хозяина и сожалением о собственном запоздалом прибытии. Луверний бросил барду мешочек с золотом, и тот бежал потом подле колесницы, распевая другую песню, в которой говорилось, что уже сами следы, оставляемые колесами ее, способны щедро одарять и наделять золотом (*«Всеобщая история»*, процитировано Афинеем).

Фрагмент одного из графинов из Бас-Юц демонстрирует высокое мастерство изготовивших его ремесленников (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Чужакам тоже разрешалось разделить трапезу с хозяином до того, как ответить на вопрос об их имени и роде занятий. Еду и напитки подавали в соответствии с положением гостя. Традиционно самый лучший воин получал и самый аппетитный кус свинины — окорок для мужа, воителя и защитника. В тот момент любой другой воин имел право оспорить положение такого человека и бросить ему вызов. Состояние опьянения порой вызывало серьезные перепалки, которые бывали вполне способны вылиться в акты насилия. Посейдоний продолжает освещать события:

Порой кельты схватываются в поединках на пиру. Взявшись за оружие, они сходятся между собой в потешных битвах и как будто учебных состязаниях, поочередно деля выпады и парируя их. Порою нанесенные одному другим раны и раздражение приводят к схваткам всерьез, на которых противники могут убить друг друга, если друзья не сдержат их вовремя. Когда подают свинью, нахрабрейший забирает себе окорок. Если кто иной требует этого куска для себя, они встают и бьются между собой насмерть («*Всеобщая история*», процитировано Афинеем).

Посейдоний также описывает чрезвычайно экстремальный жест — смертельный *potlach* — на празднестве:

В присутствии собравшихся воин получил серебро, или золото, или определенное количество кувшинов вина и, раздав те дары друзьям и родичам, лег распростертым на щите лицом вверх. Затем другой воин перерезал ему горло мечом («*Всеобщая история*», процитировано Афинеем).

Нам, вероятно, следует рассматривать столь необычный акт в контексте атмосферы соревновательности за положение среди кельтской знати. Характер празднований, священность процедуры потребления вина и веру в загробную жизнь тоже не следует сбрасывать со счетов. Если какая-то персона решалась принять смерть таким вот образом, она, вне всякого сомнения, могла остаться в памяти потомков как человек высокой репутации.

Посредине пьянки, среди высоких слов похвал и бравурных песнопений кто-то из воинов мог выдвинуть предложение возглавить набег и призвать прочих присоединиться к нему в целях обретения добычи и славы. Количество людей, которые соглашались последовать за таким заводилой, определялось опять-таки его положением и общественным весом. В то же время чем больше волонтеров удавалось ему набрать, тем выше становились и шансы на успех предприятия. Однако, в свою очередь, рейд, способный принести хорошую наживу, из которой вожак мог одарить сторонников, тоже способствовал повышению его статуса как лидера. В будущем, соответственно, он рассчитывал собрать под своим началом еще более сильную дружину, что, со своей стороны, повышало надежды на успех нового предприятия и сулило большой приток добычи. Небольшие набеги на соседние

Золотые ручные браслеты и серьги, извлеченные из захоронения в кургане «Холм» в Бургундии (Франция). VI век до н.э. (akg-images / Архивы CDA / Гильо).

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ

Обнаружение могильника «жрицы из Викса» и раскопки, проведенные там и на другой женской могиле гальштатского периода, ясно показывают высокий статус отдельных женщин в раннем кельтском обществе. По отзывам древних ирландских мифов и легенд, такие женщины явно пользовались равными правами с мужчинами, хотя обеспечивались права эти лично занимаемым в общественной иерархии местом. Женщина благородного происхождения могла владеть имуществом, выбирать себе мужа и разводиться с ним, если возникала такая потребность, следовать за ним на войну и даже сражаться бок о бок в битвах. Диодор Сицилийский уверял, что галльские женщины не только не уступали мужчинам ростом, но и бывали не менее храбрыми, чем они. Данное качество не ускользнуло от внимания стороннего наблюдателя, римского автора IV века н.э. Аммиана Марцеллина, который записал его, пожалуй, в несколько карикатурном ключе:

Когда один из них (галлов) поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил («Римская история» [Цит. по пер. на рус. яз. 1906–1908 гг. — Прим. пер.]).

Как считается, герой Кухулин брал уроки боевого искусства у друидки, или друидессы, Скартхах. Женщина из королевского дома могла взойти на трон

кланы и угон какого-то количества чужого скота грозили перерасти в межплеменные конфликты и вели к более широкомасштабным рейдам на более дальние расстояния. Отряды воинов, которые как наемники сражались в иностранных войсках, являлись своего рода логическим продолжением этого явления. Однажды вспыхнув, циклический межплеменной или межклановый конфликт питал сам себя и становился важной составляющей существования раннего кельтского общества.

при условии отсутствия наследника мужского пола. Если она выходила замуж, то правила от своего имени, а не как приложение к супругу. Наверное, самым знаменитым примером послужит нам Боудика, ставшая царицей иценов после смерти мужа во времена римского завоевания Британии (см. с. 186–190). Следующей можно считать вновь британку того же периода — царицу бригантов Картимандуа, — которая дала отставку мужу и сочеталась браком с одним из самых верных приближенных. Вопрос женщины во властных структурах кельтского общества остается тем не менее не вполне ясным. Нам не известны никакие другие случаи женского правления у кельтов, если не считать Боудику и Картимандуа, влияние которых, возможно, лишь следствие брожения и возмущений, вызванных нашествием римлян на Британию.

Согласно Цезарю, кельтские мужчины имели одну главную жену, но могли брать и других, которые считались ниже в иерархии или даже расценивались как наложницы. Несмотря на замечание о будто бы наличии у мужа права жизни и смерти над женой или детьми, из следующей цитаты становится очевидным, что брак представлял собой скорее договор между равными сторонами; во всяком случае для кельтов такое характерно в большей степени, чем для римского общества:

К деньгам, которые муж получает в приданое за женой, он прибавляет такую же сумму из своего имущества на основании произведенной оценки. Этому соединенному капиталу ведется общий счет, и доходы с него откладываются. Кто из супругов переживет другого, к тому переходят обе половины капитала вместе с наросшими за все время процентами (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

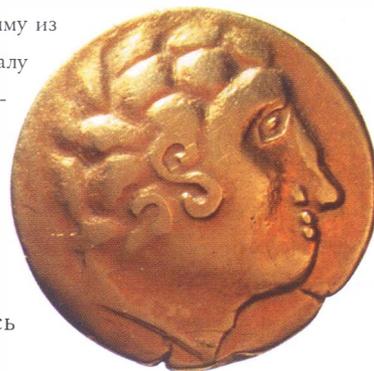
Тем не менее привилегированное положение кельтской женщины благородного происхождения ограничивалось обязанностями вступать в политические и династические браки, которыми часто подкреплялись союзы между племенами.

РАЗВИТИЕ КЕЛЬТСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Постоянная борьба за богатство, власть и положение среди кельтской элиты создавала хронически нестабильную обстановку. Она являлась, вероятно, одной из причин разрывов и расколов в отношениях между кельтами на внешне- и внутривременном уровне во многих частях Западной и Центральной Европы в период миграций. Тем не менее, начиная со второй половины III века до н.э. имеющиеся археологические данные позволяют проследить формирование новых и могущественных племенных конфедераций в Заальпийской Европе, которые смогли до некоторой степени восстановить стабильность в кельтском обществе.

Золотая монета, чеканенная битуритами. I век до н.э.

Обратите внимание на классического стиля голову и, что весьма типично для изображений на кельтских монетах, стилизованного воина на колеснице, представляющего, вероятно, бога или мифологического героя (Швейцарский музей Цюриха, COL-21145, 21146).

Мейдн-Касл (можно перевести как «Непокоренная твердыня». — *Прим. пер.*) в Дорсете (Англия) представляет собой крупнейший форт на возвышенности в Европе. Недавние исследования позволили выдвинуть предположение, что тут в 43 году н.э. проходила крупная битва между британскими дуротригами и римлянами под началом будущего императора Веспасиана (© Джон Фармар; Фототека Кордэй л.т.д. / CORBIS).

Одним из наиболее важных факторов развития кельтского общества в тот период считается денежная эмиссия — чеканка монеты. Кельты Северной Италии уже усвоили значение монеты как средства товарообмена, отошли от бартера и переключились на товарно-денежные отношения, тогда как в районы к северу от Альп новую форму расчетов принесли, вероятно, кельтские наемники, возвращавшиеся домой с частью жалованья, полученного ими от нанимателей в средиземноморских регионах. В Богемии бои предпочитали золотые с изображением Филиппа II Македонского, которые продолжали чеканить и долгое время после его смерти. Эти монеты стали «долларами античного мира». Бельгам из Северной Галлии особенно полюбилась валюта Тарента — греческого города с юго-восточной оконечности Италии, который часто и широко пользовался услугами кельтских наемников. Однако понадобилось совсем не так уж много времени, чтобы кельтские мастера научились производить собственные имитации греческих или македонских оригиналов. Вполне закономерным потому представляется тот факт, что впервые денежная эмиссия у кельтов отмечается в долине Роны в период расселения аллоброгов, которые, вероятно, являлись теми самыми гесатами, о которых упоминал Полибий. Кельтские умельцы, работавшие по металлу, начали переосмысливать оформление монет, помещая на них изображения собственных героев и славных предков. Так, голова на аверсе обычно имела при себе торквес или какой-то иной характерный кельтский символ, тогда как на реверсе появлялись колесницы или кони. Начиная со II столетия до н.э. и далее различные сообщества подлежат идентификации по изображениям на местных монетах. Представление разных по достоинству монет сделало их удобным средством для повседневной коммерции, а не только активами крупных финансовых операций вроде выплаты дани или откупа.

Свидетельство новой стадии эволюции кельтского общества и показатель экономического роста и повышения благосостояния кельтов Европы выражаются в появлении селения нового типа. Полибий называет такие поселения «полисами», тогда как Цезарь использует термин *oppidum* (оппидум). Оба определения подразумевают огороженное место, или «город», а это говорит о том, что как греки, так и римляне считали подобные поселки достойными такого звания. Происхождение таких городов можно проследить от фортов, или крепостей, на возвышенностях Гальштатских княжеств и предыдущей эпохи бронзового века, однако, в отличие от предшественников, новые города не всегда располагались на вершинах холмов. При использовании всех благоприятных условий местности города эти ставились на важных торговых путях, часто около переправ через реки или в долинах в речных устьях. Современное определение «*оппидум*» позаимствовано из рассказов Цезаря о том, какие селения ему пришлось встречать в Галлии, и означает крупный, часто укрепленный центр, который обычно считался племенной твердыней ввиду своих размеров и плотности населения, а также по причине его характера и рода присущих ему занятий: ремесло, торговля, управление и религия. Свыше 200 населенных пунктов, подходящих под определение «оппидумы», было обнаружено по всей Европе, начиная с Южной Британии до среднего течения Дуная и от Центральной Испании до Северной Италии. Многие сохранились и со временем послужили основами для современных европейских городов: среди таких Колчестер, Париж, Милан, Женева, Будапешт и Саламанка. К счастью для нас, Бибракте (совр. Мон-Бёвре. — *Прим. пер.*), что в современной Франции, один из наиболее важных для истории кельтских оппидумов, не сгинул под более чем 2000-летними наслоениями городских культурных пластов, в результате чего стал объектом нескончаемых раскопок.

В 58 году до н.э. Цезарь описывал Бибракте, устаивая его звания «самого большого у эдуев и богатого провиантом города (оппидума)». Эдуи же в I веке до н.э. являлись одним из самых могущественных и влиятельных кельтских племен Центральной Галлии. На протяжении почти всего периода кампаний Цезаря они оставались верны договору о дружбе, подписанному с Римом около трех четвертей столетия назад. В нескольких случаях во время боевых действий в Галлии Цезарь использовал Бибракте как место для зимнего постоя войск и оперативно-тактический пункт. Жители покинули Бибракте в конце I века до н.э., когда эдуи основали новый городской центр, — добровольно или же по «побуждению» со стороны римлян — в низине ближе к реке Сона. Они назвали город в честь императора Августодунном, сегодня это французский городок Отён (встречается как Аутум. — *Прим. пер.*). Бибракте располагался на горе Бёвре, что в 25 км к западу от Отёна, на возвышенности, которая господствовала над рядом важных торговых магистралей, соединявших северные и южные районы Галлии. Широкомасштабные раскопки с начала 80-х годов XX века позволили установить размеры выдающегося кельтского города. Он занимал площадь в 135 га и окру-

Серебряная галльская монета с именем Думнорига, одного из предводителей эдуев.

I столетие до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

Реконструкция *murus gallicus*
(галльской стены) на въезде
в oppidum Бибракте
(из коллекции автора).

жался крепостным валом протяженностью 5 км. Считается, что численность постоянного населения Бибракте составляла по меньшей мере несколько тысяч человек. Обнаружились следы структуры деревянных и каменных сооружений с площадью пола у некоторых до 100 м², имевших нередко вторые уровни. Находки позволяют сделать выводы о наличии довольно сложного плана застройки и различных зон, предназначенных, скажем, для лиц, занимавшихся коммерческой деятельностью или отдававших себя ремесленному искусству, в особенности изготовлению изделий из металла. Имелся в городе и ряд незастроенных пространств — площадей, предназначенных для общего использования.

Наиболее заметные, если можно так сказать, визуально остатки строений Бибракте, как и прочих сохранившихся до наших дней oppidумов, — это укрепления. *Murus gallicus*, то есть «галльская стена», или вал представляет собой наиболее распространенный тип фортификаций в Центральной Франции и в Южной Германии. Рвы и насыпные земляные валы, типичные для фортов на возвышенностях, усиливались за счет хитроумной системы перехлестывавшихся деревянных элементов, уложенных в горизонтальной плоскости и скрепленных железными гвоздями длиной до 30 см. Промежутки между деревянными узлами стены заполнялись осколками камней и щебнем, а спереди облицовывались тесаным отделочным камнем. Такие стены особенно хорошо показывали себя при попытках подвести под них «мины» и против таранов, не говоря уже о том, что взобраться на них по лестницам было сложнее, чем на покатые земляные валы, которые продолжали оставаться главной отличительной особенностью oppidумов бельгов, каковые города широко встречались севернее реки Луары и в южных районах Британии.

Oppidум Бибракте представлял собой важный политический и экономический центр, помогавший направлять потоки предметов торговли на юг к римлянам и, соответственно, от них на север. Как и другие oppidумы в Галлии южнее Луары и на юге Германии, город быстро вырос во второй половине II века до н.э. Причина такого интенсивного появления подобных кельтских городских центров по-прежнему остается невыясненной. Они не могли возникнуть ввиду лишь одной угрозы вражеского вторжения извне, поскольку не все даже имели укрепления, к тому же по расположению своему и планировке вряд ли служили чисто оборонительным или стратегичес-

ким целям. Однако представляется возможным, что политические настроения послужили значительным фактором в их появлении. Экспансия Рима в Южную Галлию и создание провинции Трансальпийская Галлия, равно как и постоянная консолидация власти в завоеванной римлянами Иберии, вызвали обострение отношений между кельтскими племенами и обострили борьбу за главенство. Их попытки удовлетворить все возрастающие запросы Рима — его потребности в рабах и сырье — приводили к конфликтам за контроль над торговыми сетями. Важным активом стала живая сила. Внутриплеменные боевые столкновения велись с целью получения невольников для продажи, многие и многие тысячи которых требовались ежегодно для поддержания трудовых процессов в Италии в I столетии до н.э. Соответственные захваты земли приводили к росту централизации по мере того, как сообщества искали возможности обеспечить собственную защиту, а также к отказу от прежнего обычая коллективного землевладения в пользу системы личного держания земельных наделов.

Развитие товарно-денежной экономики, усиление и умножение прямых контактов со Средиземноморьем оказали заметное воздействие на кельтское общество. Аристократическая элита более уже не сосредотачивалась исключительно на поисках воинской славы как средства упрочения собственного положения. До некоторой степени представляется возможным проводить

Еще один вид *murus gallicus* на въезде в оппидум Бибракте с оборонительным рвом (из коллекции автора).

Вид с птичьего полета на Дан-Коннор в Ирландии. Селения подобного типа очень напоминают *castros* в Северо-западной Иберии (Архив Вернера Формана).

параллели с Гальштатскими княжествами раннего железного века, в которых положение и престиж знати основывались на управлении распределением товаров внешней торговли. Тогда как свидетельства богатства, обнаруженные в гальштатских могильниках, уверенно говорят об обществе, управлявшемся монархией, к моменту появления «городов-государств» в Галлии древние обязанности кельтских королей, или царей, по типу тех, что описываются в ирландских мифах и легендах, поделила между собой верхушка знати. Благородная олигархия, или «сенат», все еще осуществляла господство в племенах через собрания, или ассамблеи свободных граждан, однако вместо избрания царя они делали выбор в пользу верховного судьи, или правителя, называвшегося в Галлии «вергобрет» и занимавшегося решением повседневных вопросов. Все важные решения по-прежнему принимал сенат, тогда как к сбору полных ассамблей свободных соплеменников верхушка прибегала только в редких случаях. Продолжительность пребывания в должности вергобрета и особые полномочия знати ограничивались одним годом. Вергобрет не имел права покидать пределы территории племени и избираться повторно. Все эти ограничения вводились с единственной целью предотвратить концентрацию власти в руках одного человека. Суровые меры предпринимались против любого, кто либо престижем своим, либо действиями мог вызывать опасение в попытке искать единоличной власти. Кельтилла, отца Верцингеторига — одного из наиболее прославленных кельтских вождей сопротивления против Цезаря в Галлии, — обвиняли в намерении восстановить монархию и сделаться царем арвернов. Несмотря на наличие у него большого количества сторонников среди знати арвернов, планировавшийся им переворот провалился, а сам он лишился жизни.

Заглянуть так глубоко во внутренние структуры кельтского общества нам помогают дохристианские сказания Ирландии и труд Цезаря о Галльской войне в I веке до н.э., хотя они и отражают две различные между собой стадии в длинном процессе эволюции: архаическую эпоху богачей, уходящую корнями в бронзовый век, и период, который можно сравнить с «героической» эрой го-

меровских легенд о микенской Греции с ее системой изоциренно устроенных городов-государств, появившихся в Галлии. И только лишь вторжение римлян в Галлию не позволило процессу развития завершиться созданием там в полном смысле слова урбанистической цивилизации. Такая эволюция, вне всякого сомнения, проходила не по всему кельтскому миру. В то же самое время в кельтских оппидумах в Южной Германии и в Богемии обнаруживается мало или вовсе не обнаруживается следов тесных контактов со Средиземноморьем, а это позволяет считать, что «цивилизованные» культуры Греции и Рима не являлись движущей силой в их развитии. Только на юге Галлии, поблизости от побережья Средиземного моря, действительно явно ощущается классическое влияние. Во II веке до н.э. оппидум Антремон, что около Марсея, — главное поселение салювиев — превратился в город в греческом стиле с кирпичными оборонительными сооружениями по образу и подобию тех, каковые характерны для расположенных поблизости греческих прибрежных городов.

На самой восточной окраине кельтского мира галаты, осевшие в Малой Азии, находились, так сказать, под пристальным наблюдением греков, которым приходилось существовать вблизи кельтов и страдать от их набегов и вторжений. В результате об их общественном и политическом устройстве известно довольно много. Каждое из трех кельтских племен, которые пересекли Геллеспонт на волне великого похода через Балканы в 279 году до н.э., разделялось на четыре клана, возглавляемых вождями, называвшимся греками тетрархом. Таким вождям помогали править над соплеменниками три военных советника и судья. Все 12 кланов вместе назначали 300 «сенаторов», чтобы те занимались решением вопросов на ежегодной ассамблее в святилище друнеметон, что означает буквально «священная дубовая роща». Все три племени и

Вид с птичьего полета форта Дан-Энгус, что в Инишморе (Ирландия) (Архив Вернера Формана).

входившие в них кланы слишком ревностно относились к собственной независимости, чтобы достигнуть хотя бы некоего подобия единства. Нам известно лишь об одной попытке знатного человека по имени Ортиагон объединить галатов против римлян на заре II века до н.э., к каковому времени вожди кланов уже считали себя полноправными королями, или царями.

Развитие урбанизированного общества у кельтского населения в Галлии резко прервалось в середине I века до н.э. с вторжением Цезаря. Как ни парадоксально, но само успешное возникновение такого общества сделало его же падение почти неизбежным. Постоянно нараставшее сосредоточение власти ослабило кельтское общество в целом и сделало его более уязвимым перед нападениями извне. Увеличение экономического значения и как следствие процветание превратило оппидумы в Галлии и Южной Германии в соблазнительные цели не только для Рима, но также и для прочих народов, живших еще не в столь развитом обществе. После захвата оппидума прилегавшие к нему территории также утрачивались. Кампании Цезаря в Галлии в известной степени представляли собой серии осад. Нанося удары по властным центрам элиты, по оппидумам, он добился того, чего хотел, — фактического покорения страны — всего за шесть лет, до тех пор, правда, пока в 52 году до н.э. не вспыхнуло руководимое Верцингеторигом восстание (см. с. 163–171). Рим сталкивался с куда большими трудностями в подчинении себе политически и экономически децентрализованных регионов, таких как Иберия или северные районы Британии, где на то, чтобы действительно поставить территории под контроль, уходило десятилетия, а иногда и больше.

ВОЕННОЕ ДЕЛО И ОБЩЕСТВО

Война касалась и даже определяла организацию всей кельтской общественной, экономической и религиозной структуры, как, впрочем, и само военное дело обуславливалось характерными особенностями общества.

Постоянное владение землей с завершающей фазы бронзового века и далее, а также неравные условия в доступе к средствам производства привели к общественному расслоению, что еще более ускорило появление класса квалифицированных мастеров. С распространением частного землевладения и развитием системы клиентов и патронов начали формироваться более крупные и более сплоченные общественные единицы. Наиболее могущественные из этих ячеек создавали слой военной аристократии, которая стремилась к расширению влияния за счет приобретения все большего числа клиентов. Следовательно, общественные и экономические структуры раннего кельтского общества становились определяющим фактором в насыщении его военным духом. Война являлась наипервейшим средством достижения престижного положения и богатства. Именно в данном контексте следует понимать склонность к постоянным набегам на территории соседних племен, а в дальнейшем

службу многих мужчин наемниками. Расширение таких военизированных и воинственных образований подгоняло процесс «кельтизации» — то есть вынуждало и другие народы перенимать подобный образ жизни, который являлся наилучшим способом защиты от беспокойного соседа. Данное соображение помогает понять причину распространения кельтского военизированного общества с конца V века до н.э. Даже и до периода широкомасштабных переселений кельты практиковали своего рода ритуальные эмиграции, когда походы продолжались до тех пор, пока участники их не решали осесть в том или ином регионе или же не погибали. Молодые люди подходящего для военной службы возраста посвящали свою жизнь набегам и войне на территориях, далеко удаленных от места проживания их родных сообществ. Образ жизни, типичный для доурбанистического общества, способствовал дестабилизации кельтских образований, он также объясняет способность их к экспансии — расширению, причем даже на большие расстояния.

Война носила для кельтского общества, кроме того, священный и магический характер. Желая стать членом воинского братства, индивидуум подвергался ритуалам посвящения, цель которых состояла в проверке его храбрости и готовности к свершениям. Молодым воинам у кельтиберов приходилось демонстрировать собственный напор и агрессию отрубанием рук или голов пленников. Отряд воинов возглавлялся вождем, которым становился самый сильный и опытный из них, а также способный выказать умение вести успешные и прибыльные кампании. В Иберии воины приносили вождям священные клятвы — *devotio* — с заверениями в том, что будут следовать за ними до смерти. Две противоборствующие группы воинов часто разрешали конфликты героическим поединком избранных бойцов, участь которых обуславливала и судьбу противостоящих отрядов. Подобные поединки встречаем мы в легендах о Троянской войне — в эпи-

Великолепный шлем из Агри, восстановленный из деталей, найденных в Западной Франции. Выполненный из железа, шлем отделан золотом, серебром, бронзой и кораллами. Датируется IV столетием до н.э. (Музей археологического и исторического общества Шаранта / Художественная библиотека Бриджмена).

ческой поэме Гомера «Илиада». Так сказать, идеологический каркас объясняет особые взаимоотношения кельтов, и прежде всего кельтиберов, с их оружием. В письменных источниках часто говорится о том, как воин отказывается отдать оружие, предпочитая этому смерть, что показывает и практика самоубийств, совершаемых в соответствии с «девоцион» (5), которая требовала от воина смерти в сражении после гибели вождя. Цицерон утверждал, что кельтиберы получали радость, когда шли в битву, и горько сетовали, если не могли принять в ней участие по болезни. Смерть в бою считалась славной для кельтиберов, и это подтверждается тем фактом, что павшие в сражении удостоивались ритуальных похорон: их тела оставляли на растерзание стервятникам, считавшимся священными и способными отнести останки умерших в потусторонний мир, где им предстоит пировать с богами. Богатые могилы воинов, наполненные целыми арсеналами вооружения, обнаруживаются повсюду в ареале распространения кельтского мира, и в большинстве случаев под ними, вероятно, нужно понимать захоронения прославленных ратных мужей, павших в битвах.

Интересен тот факт, что с середины II века до н.э. оружие в могильниках больше не попадает. Возможным объяснением этому, по всей видимости, служит интенсификация военных действий против Рима, в каковых условиях высокая потребность во всем наличном вооружении вынудила покончить с обычаем захоронения большого его количества в могильниках как с нерациональным растрчиванием материальных ресурсов. Однако более логичной причиной служит, скорее всего, все же эволюция урбанистического общества у кельтов. Оружие теряло значительную часть символической ценности в условиях, когда общественное положение начинало зависеть в большей степени не от войны, а от богатства. Одним словом, исчезновение оружия из практики захоронений можно исходя из этого считать связанным с возникновением оппидумов в конце III века до н.э.

Периодические набеги, которые осуществляли те или иные группировки кельтских воинов на соседние территории, резонно понимать как способ обретения престижа, общественного статуса и богатства. Те же самые побудительные мотивы вынуждали их сражаться в качестве наемников в войсках средиземноморских держав, где воинственность кельтов неизменно находила высокую оценку. Кельты часто служили наемниками как до конфронтации с Римом, так и после нее, когда кельтский мир подступал к апогею своего развития и не находился еще под давлением внешней угрозы.

Наемники не были отдельными персонами — такими солдатами удачи, как часто представляется нам, когда мы слышим это слово, — но являлись хорошо организованными отрядами воинов. Благодаря контактам наемников с греками, карфагенянами и римлянами, племенные силы становились все более крупными и лучше организованными, до тех пор пока не превращались в настоящие армии. Такие армии по-прежнему возглавлялись харизматическими лидерами, связывавшими себя и последователей ритуальными

клятвами в верности. Концепция войны претерпела важнейшее изменение, когда кельты вошли в прямой контакт со средиземноморским миром. В ходе эволюции кельтского общества, превращения его в урбанистическое, торквесы — знаменитые кельтские шейные гривны — и прочие ювелирные изделия заменили оружие как символы положения. Однако более ранние традиции не ушли в прошлое совсем, что в одном случае состояло в адаптации братств воинов к городской культуре. Другой момент заключался в продолжении существования племенных военных структур, что выражалось в характерном отсутствии стандартизации оружия и недостатке дисциплины, так свойственных легионам из граждан Римской республики или фаланг гоплитов греческих городов-государств. Природа военного дела у кельтов изменилась, оставив в прошлом мелкие междоусобицы, стычки между родами и соседствующими общинами, — на смену которым пришли крупные конфликты племенных конфедераций, а также и борьба не на жизнь, а на смерть перед лицом угрозы римского господства. Власть в кельтских городских центрах принадлежала наиболее могущественным кланам, которые постоянно искали способа упрочить позиции и расширить территорию. Самым заметным последствием перемен стало повышение роли конницы как предпочтительного «рода войск», сформированного кельтской элитой, которую можно было бы сравнить с представителями сословия всадников Римской республики. Новые поколения военной знати не стремились уже к славе героев. Подобные различия помогают объяснить природу кажущейся политической двойственности многих кельтских вожakov в период Галльской войны.

Полностью золотые торквесы из Британии. I век до н.э. Слева знаменитый Снеттишемский торквес (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

ГЛАВА 4

ТЕНИ — ОБМАНЧИВЫЕ ОБРАЗЫ КЕЛЬТСКИХ БОГОВ

Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Кельтская религия продолжает оставаться неизменно таинственной и привлекательной темой. Первыми из связанного с ней на ум приходят ритуальные шествия друидов и кровавые человеческие жертвоприношения на полянах в лесной глуши среди сырой мглы и тумана. Тот факт, что сами древние кельты не записали даже каких-то отдельных фрагментов своей истории, прояснявших бы их систему верований, только усиливает окружающий их мистический ореол. И все же в отношении религиозных верований кельтов существует, пожалуй, больше доступных данных, чем о каких-то иных аспектах их культуры. Мы вновь полагаемся на рассказы классических авторов и устные народные предания островных кельтов из Уэльса и Ирландии, записанные в эпоху раннего Средневековья. Как и всегда, к подобным источникам нужно подходить с осторожностью. Свидетельства Цезаря в описании галльского общества в I веке до н.э., несмотря на их существенность и обстоятельность, представляют, если угодно, своего рода моментальный снимок и показывают то, какие условия существовали в некоторое конкретное время в некотором конкретном месте. Следует помнить, что древние валлийские и ирландские мифы и легенды дошли до нас через призму освещения христианского монашества. Маловероятно, что в конце железного века кельтская религия отличалась единообразием во всех районах Европы, как не носила она четко зафиксированного и неизменного характера на протяжении всего периода истории. В последние годы за счет открытий и раскопок объектов религиозной направленности — таких как сокровенные места поклонения и святилища, — подкрепленных изучением обычаев захоронения, ритуального поведения и иконографии, удалось оценить значение многих процессов и глубже продвинуться по пути создания достоверного представления о кельтских религиозных практиках. Единственное свидетельство, так сказать, из первых рук предоставляет нам кельтское искусство. Потенциально данные его наиболее достоверны, хотя и неизбежно подвергаются разным толкованиям. Поэтому перед нами открывается лишь отрывочная и нечеткая картина духовного мира кельтов, представляемая нам имеющимися источниками. Мы не имеем почти никакого понятия о том, как мог развиваться этот мир. Ситуация еще

Фрагмент бронзовой статуэтки из Северной Франции, вероятно, олицетворяющей какого-то божка. I век до или после н.э. Прическа и отсутствие растительности на лице позволяют предположить средиземноморское влияние. (Художественный архив / Государственный музей древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ / Дальи Орти).

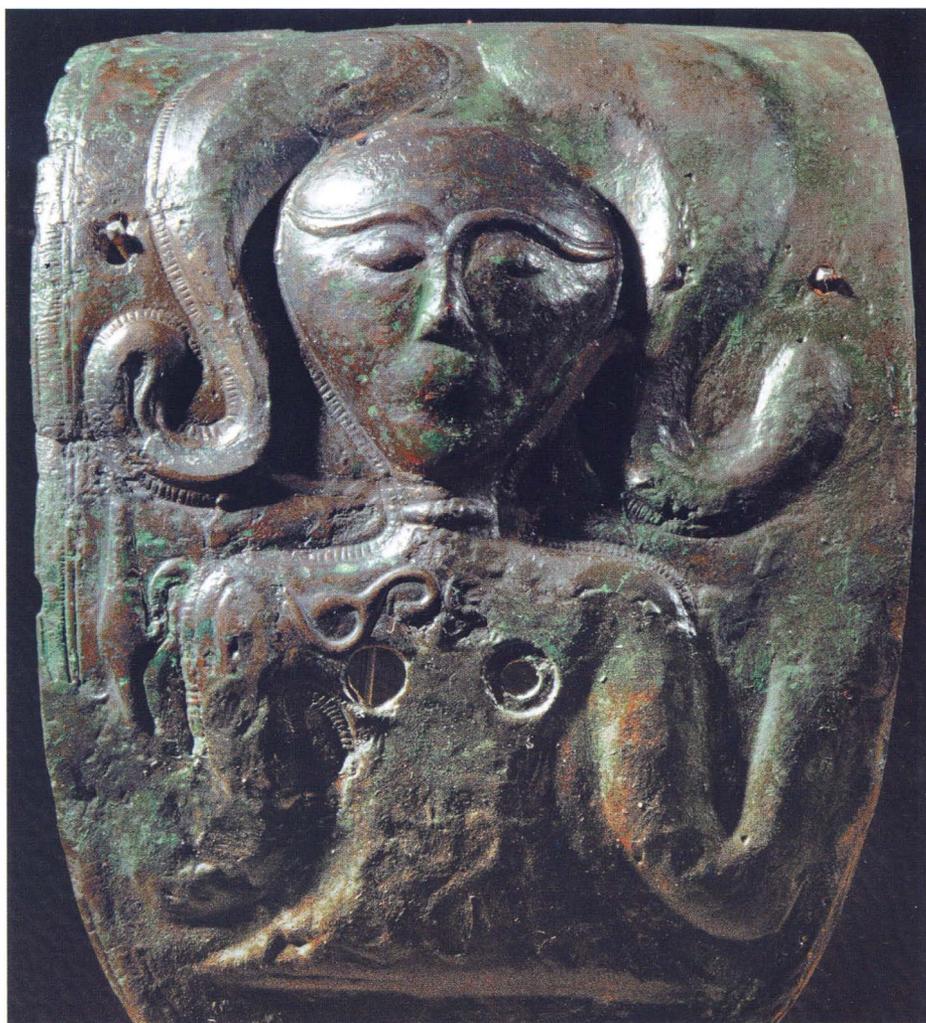
сильнее усугубляется влиянием более древних систем верований, чрезвычайным разнообразием кельтского мира, относительной изоляцией отдельных регионов и воздействием процессов общественных и экономических изменений, привнесенных извне за счет контактов с классической цивилизацией средиземноморского мира.

Тем не менее, несмотря на массу несопоставимых данных, можно выделить ряд сходств, которые позволяют нам реконструировать некий образ религиозных верований кельтов.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства почти наверняка относятся лишь к небольшой составляющей части кельтского пантеона — вероятно, к тем богам, которым поклонялась общественная элита и в особенности военная аристократия. Кельты молились множеству богов и богинь, из которых сохранились имена 200. По всему кельтскому миру — то там, то тут — люди искали помощи и покровительства у ряда божеств, почитание которых практиковалось лишь небольшими общественными группами и даже отдельными лицами. Функции богов впервые описал Цезарь, который отождествлял их

с соответствующими римскими. К сожалению, он не приложил к рассказу списка оригинальных кельтских имен. Меркурий, судя по всему, почитался более всех как «изобретатель всех искусств». Затем шли Аполлон, «который отвращает болезни»; «повелитель войны» Марс; конечно, Юпитер, «который правил на Небесах»; ну и Минерва, «которая учит ремеслам». Римский поэт Лукан называл трех богов, которым галлы приносили человеческие жертвы: Тевтата старались задобрить ритуальными утоплениями в бочках, перед Таранисом жертвы сжигались в плетеных корзинах, а милости Езуса искали путем повешения жертв на деревьях. Тевтат, скорее всего, означает общее имя и переводится просто как «бог племени», от кельтского слова *teuta* — «племя» или «народ». Он ассоциируется с Марсом, которому, согласно Цезарю, галлы отдавали долю с военной добычи.

Таранис, имя которого восходит к кельтскому слову гром, *taran*, представлял собою, вероятно, бога небес и мог служить эквивалентом божеству, называемому Цезарем Юпитером. Символом его выступало колесо. Езус означает

Бронзовая колодка с изображением женского божества, найденная в Вальдальгесхайме (Германия). Датируется IV столетием до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

Каменная скульптура богини Эпоны из Алесии (С. М. Диксон / Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

«хороший» или «способный» и ассоциируется с Меркурием. Он, кроме того, приравнивается к Лугусу, или Лугу, называемому в ирландской мифологии «сияющим» и «много умеющим». Благодаря ирландской легенде мы узнаем о Дагда, то есть «добром боге», который защищал племя и в то же самое время выполнял функции дарующего мудрость и хозяина поля битвы. Его женским вариантом служила Морриган, часто называемая «Царицей тьмы», — богиня плодородия и разрушения. Одними из примеров двойственности древнего божества являются Бригида, или «Возвышенная», дочь Дагда, и Луг, который разделяет многие способности Дагда. Как Бригида, так и Луг широко почитались в Британии, в Галлии и в Иберии. Их появление в пантеоне ирландских богов есть, вероятно, свидетельство постепенной кельтизации Ирландии. Дит Цезаря (6), известный в ирландской мифологии как Донн, или «Темный

Каменная фигура из Галлии. Выступающие очертания кабана говорят о характерной для многих кельтских божеств способности видоизменяться (Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

бог», представлял собой зеркальное отражение Луга — то есть «Светлого бога» (или Сияющего. — *Прим. пер.*). Такой баланс противоположностей выражается в частом помещении двух голов в паре — периодически повторяющаяся тема в кельтском искусстве.

Имена других кельтских богов известны по надписям римского периода и также из географических названий: например, Беленос — одно из имен бога солнца в Галлии; Камулос — бог войны в Британии и в Галлии, который увековечен в географии Камулодуном — оппидумом триновантов и сегодняшним Колчестером; Цернунн — рогатый бог и повелитель царства животных, происхождение которого, как считается, уходит корнями еще в каменный век; а также Эпона — галльская богиня лошадей. Луг подарил собственное имя нескольким европейским городам, включая Лион во Франции, Лейден в Нидерландах и Луго в Испании. Некоторые боги связаны с определенными регионами — в особенности с ключами и прочими источниками воды: Сулис была богиней горячих источников в Бате в Сомерсете, тогда как Секвана — богиней истока реки Сена во Франции, почитавшегося у галлов как особенно святое место. Многие кельтские боги — вероятно, их подавляющее большинство — представляли собой, так сказать, локальные божества, имена которых редко сохранялись в памяти потомков. Сложности, с которыми столкнулись римляне в попытках отождествления собственных богов с кельтскими, только усиливались ввиду отсутствия сколь-либо четких образов представителей кельтского пантеона. Задача образа состояла не в том, чтобы отражать реальный мир, но показывать скрытые процессы, протекающие за ним. В отличие от средиземноморских народов, кельты не видели для своих божеств выражения в человеческих очертаниях, по крайней мере такое утверждение верно в отношении периода до конца II века до н.э., когда классическое влияние начало проявляться в кельтской религии и находить выражение в иконографии. Диодор Сицилийский рассказывает об удивлении Бренна, когда тот стоял перед статуями греческих богов в главном святилище в Дельфах в 279 году до н.э.: «Когда Бренн, король галлов... взял в руки каменные и деревянные изображения богов и стал смеяться над тем, что богам придавали человеческие формы и фабриковали их из дерева или камня» (*«Исторические сборники»* [Цит. по пер. на рус. яз. — *Прим. пер.*]).

Одной из характерных особенностей некоторых кельтских божеств являлось умение по желанию менять внешний облик. Широкая распространенность способности к видоизменению и зооморфизм (представление богов в образах зверей, а зверей как священных животных) подчеркивают важность места, занимаемого этими созданиями в кельтских религиозных верованиях, и служат показателем утонченной сложности кельтской действительности. Определенные птицы и животные выступали носителями особенного значения для кельтских воинов и почитались за свои специфические качества,

такие как отвага, стремительность, ярость и верность. Наиболее типичными среди таких особо почитаемых тварей были бык, лошадь, вепрь, ворон и собака. Помещая символ таких созданий на оружии или на доспехах или делая себя внешне схожим с одним из них, воин — в собственном понимании — делался носителем соответствующих качеств.

Повседневный мир людей и потусторонний мир богов и мертвых существовали параллельно — бок о бок друг с другом. Рубеж, отделявший один от другого, был как бы смазанным и нечетким. История о том, как воин-герой, не желая того и к тому не стремясь, проникает в потусторонний мир в погоне за каким-нибудь заколдованным зверем — типичная тема валлийских и ирландских легенд. Потусторонний мир рассматривался как некий вполне похожий на тот, в котором обитают смертные, однако лишенный боли, болезней и старости. В ирландском мифе он назывался *Tír na n'Óg* — страна вечной молодости — и считался местом мира и красоты. В валлийской легенде мир этот носит имя Эннун (Аннун/Аннвн). Пвилл — мифический князь Дифеда, — как говорит предание, прожил там год и утверждал следующее: «Из всех дворов, что встречал он на Земле, при этом подавали лучшие яства и пития; там видел он лучшие золотые кубки и королевские сокровища» (Ганц, «*Четыре ветви Мабиноги*»).

В приведенном выше отрывке Пвилл дает ссылку на основную составляющую быта потустороннего мира: празднества героев вокруг волшебного котла, который, истощившись, сам таинственным образом вновь наполняется на следующий день. И все же, несмотря на все свойственные ему покой, красоту и богатство, потусторонний мир был местом двойственным, ибо в нем присутствовали тени и скрытая опасность. Время смертных не имело там значения. Любой, кому не везло настолько, что он, сам того не ведая, случайно проходил через тонкие покровы или по глупости принимал приглашение от сверхъестественного существа в человеческом обличии, по возвращении домой в отчаянии обнаруживал, что за одну ночь праздника у котла в реальном мире проходила целая жизнь.

Друиды

Есть также [у галлов] и некие весьма почитаемые мудрецы и теологи, которых называют друидами. Пользуются галлы и услугами прорицателей, которые у них в большой чести (Диодор Сицилийский. «*Исторические сборники*» [Цит. по Цыбенко. — *Прим. пер.*]).

Связующим звеном между потусторонним миром богов и земным миром людей служили друиды. Названием своим они обязаны кельтскому слову «дуб» (*drus*), происходящему, вероятно, от индоевропейского корня «сильный» и «знание». В древнеирландском оно выглядит как *draf*, а в валлийском как *dryw* и означает «волшебник» и «мудрец». Хотя в классических текстах говорится только

Бронзовая статуэтка вепря из Богемии. Для кельтского воина вепрь символизировал мощь, силу и храбрость (Архив Вернера Формана / Государственный музей [Прага]).

о наличии такого класса в Британии и в Галлии, вполне возможно, что аналогичная прослойка священнослужителей существовала повсюду в кельтском мире. Клановые вожди у галатов, как известно, пользовались услугами судей, которые, как можно предполагать, выполняли в том числе и подобные функции.

Происхождение друидов неясное, хотя упоминания о друидах в ирландских мифах и легендах позволяют судить, что как священнический класс они существовали еще в раннем кельтском обществе до периода переселений. Цезарь предоставляет полный отчет о друидах, с которыми встречался в Галлии в I веке до н.э. Он отмечал, что все люди с положением и званием в Галлии относились либо к знати (7), либо к друидам. Они пользовались статусом привилегированных членов племенной элиты, не подлежали обложению налогами и освобождались от несения воинской службы. Друиды занимались сохранением традиций племени и отправлением правосудия, являлись также и посредниками между всеми прочими людьми и богами:

Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания... (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Друиды пользовались авторитетом не только в духовной сфере, но и в гражданских делах, причем власть их распространялась как на отдельных индивидуумов, так и на все племя. Друиды тесно связывались с политикой и дипломатией. Они надзирали над принесением клятв и почти наверняка отвечали за введение ограничений и правил, или установление табу (*geissi*).

Они также имели право «отлучения от церкви», выразившегося в наложении запрета на участие людей в жертвоприношении и в прочих общественных церемониях, фактически лишая их прав в религиозном и юридическом смысле. Согласно Цезарю, такого рода наказание было самым тяжелым, которое только могло применяться к галлам. Подобные «отлученные» персоны квалифицировались как нечистые.

Один из главных догматов философии друидов заключался в понятии о переселении душ — в вере в бессмертие души, которая после смерти одного тела переходит в другое. Подобные тенденции в верованиях привели древних писателей к заключению, что друиды, возможно, находились под влиянием учений греческого философа Пифагора. Однако такое мнение, вполне вероятно, естественное предположение, или допущение, представителей «цивилизованного» средиземноморского мира, столкнувшихся с так называемыми варварами и обнаруживших у последних схожие понятия.

Цезарь писал, что друиды в Галлии выбирали одного из своих рядов в качестве пожизненного главы их ордена. Раз в год они встречались в дубовой роще на территории карнутов, которая считалась центром Галлии. Концепция «центра» имела огромную важность для понимания мироздания кельтами, о чем мы поговорим несколько ниже (см. с. 103). Вероятно, не стоит считать совпадением тот факт, что место собрания галатов называлось Друнеметон — «дубовое святилище». Целью ассамблеи было обсуждение и принятие решений по основным вопросам. Вполне возможно, что именно на таком собрании галлы сошлись во мнениях в отношении выступления против Цезаря, который вознамерился раз и навсегда покончить с сопротивлением римскому владычеству в Галлии. Наверное, не случайно, что восстание Боудики в Британии столетие спустя началось после уничтожения самого почитаемого святилища друидов на острове Мона (о. Англси).

Как и в случае других не знавших письменности культур, друидские знания и предания передавались из уст в уста с использованием поэтического метра и ритма для облегчения запоминания. Когда же кельты начали усваивать алфавиты средиземноморского мира, друиды воспротивились идее фиксировать накопленные знания в письменной форме. Как считается, подготовка друида занимала до 20 лет. Исходя из этого, можно предположить, что «послушники», которые выбирались из среды знати, приступали к обучению в том же самом возрасте, в каком другие дети отправлялись в дома хозяев родителей. В ирландской легенде Катбада — главного друида при дворе Конхобара, короля Ольстера (или Ульстера), — сопровождал ряд молодых людей, желавших изучать искусство. Цезарь упоминает также, что многие страстно стремящиеся к знаниям друиды отправлялись в Британию, где, как считалось, можно было найти лучших учителей. Важный друидский центр на Моне, возможно, являлся одним из таких мест, которые привлекали желающих приобщиться к мудрости.

Согласно другим классическим авторам, в состав кельтского священнического класса входили предсказатели, или прорицатели, а также барды. Пер-

вых — известных под латинским термином *vates*, или ваты, происходящим от кельтского слова «воодушевленный» или «экстатический», — Страбон описывал как авгуров и философов. Как утверждалось, они умели предсказывать будущее по крикам и полетам птиц и по результатам жертвоприношений священных животных. Как мы уже наблюдали, барды являлись хранителями мифов и легенд кельтских народов. На праздниках в честь кельтского Нового года они распевали песни, поминая великие деяния воинов-героев и приводя генеалогии и родовые истории представителей благородной элиты.

Убедительные свидетельства существования женщин-друидов отсутствуют. Жрицы, однако, упоминаются как в Галлии, так и в Британии. Страбон говорит о сообществе галльских жриц, которые жили в изоляции на острове поблизости от устья Луары. Как считается, они ежегодно освящали их жилище на церемонии, в ходе которой одну из них приносили в жертву — сестры разрывали ее на части. В Британии устрашающий вид и пронзительные вопли выкрикивавших проклятия жриц изрядно действовали на психику римских легионеров Агриколы, когда те явились, чтобы твердой ногой встать на острове Мона. Единственным друидом женского пола, о котором, или которой, известно что-то более или менее достоверно, надо считать легендарную Скартхах, к которой Кухулина отправили наставлять на путь воина.

Обычно к друидам римляне относились со страхом и отвращением, поскольку те практиковали обычай человеческих жертвоприношений. Хотя и нельзя отрицать того факта, что человеческие жертвоприношения являлись важнейшей составляющей кельтской религии, римлянам не следовало бы указывать пальцем на других (8), коль скоро и они иногда без особых сомнений прибегали к подобной же практике. Главная причина ненависти к друидам заключалась в том, какой властью пользовались они в кельтском обществе, особенно учитывая то, что они направляли влияние на концентрацию сил противодействия и на сопротивление намерениям римлян, как случалось в Галлии и в Британии. Император Август запрещал римским гражданам участвовать в друидских ритуалах. Наследовавший ему Тиберий жестоко подавлял друидов в Галлии. Подобную попытку римляне предприняли в Британии во время вторжения войск Клавдия, однако с переменным успехом, как обнаружил Агрикола. В Ирландии друиды сохранили положение и влияние в обществе до тех пор, пока позиции их не подорвало христианство.

Традиционное связывание друидов со Стоунхенджем в действительности не имеет оснований. Впервые попытка объяснить тайну таких больших каменных окружностей в Британии предпринималась в XVI веке. Эти доисторические памятники, датируемые неолитом и бронзовым веком, были брошены людьми задолго до начала эволюции кельтской культуры. Как нет и никаких свидетельств того, что Стоунхендж когда-либо использовался друидами на исходе железного века. Тем не менее сегодня он стал местом паломничества современных духовных движений, инспирированных древними друидами.

Каменные головы, напоминающие двуглавого римского бога Януса из святилища салювиев в Ля-Рокпертюз. III век до н.э. (Художественный архив / Музей средиземноморской археологии [Марсель] / Дальи Орти).

ДАРЫ БОГАМ

Они, бывало, расстреливали людей из луков, нанизывали их на колья в храмах или изготавливали большие фигуры из соломы и дерева и бросали в них разный скот, диких зверей и людей, совершая таким образом жертвоприношение сжиганием (Страбон, «География»).

Несколько классических авторов свидетельствовали о практике человеческих жертвоприношений среди кельтов. Лукан описывал методы, использовавшиеся для задабривания Тараниса, Тевтата и Езуса, тогда как Страбон повторял процитированный выше рассказ Посейдония, отчего возникло всеобщее представление о том, будто целые группы несчастных сжигались друидами в корзинах из ивовых прутьев. Цезарь тоже говорит об этом, вероятно, ссылаясь на тот же источник. В Британии, как утверждает Тацит, жертвоприношения совершались на «залитых кровью алтарях» на Моне, когда по приказу Боудики захваченных во время восстания иценов пленников пронзали кольями, хотя и не ясно, почему это делалось — как votivный дар богам или как акт мести. «Галатай» в Малой Азии внушали ужас соседям своей репутацией любителей предавать смерти военнопленных и вообще врагов, вследствие чего те предпочитали покончить с собой, чем попасть в руки кельтов. Цезарь писал о том, что в приношения богам входили воины, захваченные в битвах: «[Галлы], пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умилостивить не иначе как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческой жизни...»

Комментарий Цезаря подчеркивает ритуальную природу жертвоприношений. Во всяком случае, речь не идет о чистой воды резне. Ритуал занимал свое собственное место в системе верований кельтов и играл определенную роль для воина. Жертвоприношение представляло собой дар определенной ценности, и чем больше бывала стоимость, тем более весомой представлялась искупительная ценность жертвы. Принося в жертву пленника, воин выполнял клятву, данную богам в присутствии друидов, и одновременно повышал собственное положение как в этом, так и в загробном мире. Человеческие жертвоприношения совершались в стремлении умиловить богов, однако служили и целям прорицания:

...при исследовании особо важных вопросов они придерживаются весьма странного и кажущегося невероятным обычая: окропив человека, его поражают в место над диафрагмой, и когда тот падает [смертельно] раненный, по его падению и содроганию тела, а также по истечению крови предсказывают будущее, полагаясь на опыт древних и многолетних наблюдений такого рода (*«Исторические сборники»*. Цит. по Цыбенко. — *Прим. пер.*).

Деревянная бадья с бронзовой арматурой из могилы в Эйлсбери (Бакингемшир). Возможно, она представляет или символизирует собой волшебный кельтский мифологический котел. I столетие до н.э. (Художественный архив / Британский музей).

Археологические данные в доказательство практики человеческих жертвоприношений среди кельтов получить трудно. Наверное, самое явственное указание на это находим мы на теле, обнаруженном в болоте в Чешире (Англия) и прозванном в честь места находки «Человеком из Линдоу». Человека придушили, ударили по голове, а затем перерезали горло, проделав все эти действия в быстрой последовательности. Состояние его здоровья, ухоженность (а ногти его покрывал лак) и следы омелы в желудке позволяют предположить, что мы имеем дело не с ординарным жертвоприношением. Друиды высоко ценили омелу за ее лекарственные и другие свойства, особенно ввиду того, что росла она на дубах. В случае с «Человеком из Линдоу» ее могли задействовать как наркотическое средство для снижения чувствительности жертвы или с целью как-то изменить состояние сознания, что делалось в рамках ритуала — как его определенная составляющая.

Иногда, как считается, отдельные личности вызывались принять участие в обряде добровольно, дабы стать носителем важной вести для богов. Хотя в устных народных преданиях кельтов аллюзии в отношении человеческих жертвоприношений редки, в ирландской традиции совершались ритуальные убийства королей в Самбайн — современный Хэллоуин, — во времена, когда, как считалось, рубеж между потусторонним миром и миром людей исчезал почти полностью.

Обычай посвящать богам дары, особенно военные трофеи, как и связанные с этим табу, подтверждается античными текстами и археологическими находками:

Перед решительным сражением они (галлы) обыкновенно посвящают ему (Марсу) будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь (Цезарь, «Записки о Галльской войне»).

Великие сокровища Толосы (Тулузы) надо тоже рассматривать в вышеприведенном контексте. Считается, что кое-что в них — пожертвования из военной добычи, полученной после разграбления святилища в Дельфах Бренном, отчасти сохраняемой в особых местах, а отчасти брошенной в ближайшие озера. Высоко почитаемые кельтскими жителями региона, места эти и все находившееся в них считались охраняемым религиозным табу до тех пор, пока в 107 году до н.э. сокровища не были разграблены римлянами. Римский командующий Цепион потерпел серию неудач и злключений, а потом так и не сумел воспользоваться плодами добычи, найденной в святилище (9). Заслуживает или нет веры цифра в 50 тонн золота, будто бы захваченных среди сокровищ Тулузы, все равно масштабы ритуальных приношений кельтов богам достигали существенных размеров. Получив долю военной добычи в Галлии,

«Ритуально убитые» клинки мечей — жертвенные дары из святилища в Гурне-сюр-Аронд на севере Франции. Конец III века до н.э. (akg-images / Пьетро Багуцци).

Цезарь, совершенно очевидно, смог не только рассчитаться с висевшими на нем огромными долгами, но и оставить кое-что на поддержание будущей карьеры.

Кельты видели в водах земли проявление мощи сверхъестественных сил, вероятно, по причине связи их с недрами и, как следствие, способности слушать путями в потусторонний мир. Умирающего Артура перевезли через озеро, чтобы он вновь обрел силы и здравствовал в Авалоне, тогда как его легендарный меч Эскалибур был брошен в воду. Окрестности Ла-Тэна, давшего свое название характерной материальной культуре кельтов позднего периода железного века, считаются также местом ритуальных принесений votивных даров богам. Ллин-Керриг-Бах на святом острове друидов Англии и место, где расположен современный город Женева, тоже служили ритуальными святилищами такого же рода, где ценные предметы специально бросались в озеро в дар высшим силам. Вообще, в европейских реках обнаруживается огромное количество оружия. В Британии несколько богатых находок удалось извлечь из Темзы. Наиболее знамениты из них щиты из-под Баттерси (см. с. 119) и Уондзуорта и отличный рогатый шлем, найденный около моста Ватерлоо (см. с. 142–143). Почитание ключей — явление также широко распространенное. Святилище Секваны в истоке Сены в Бургундии считалось одним из самых важных в Галлии.

Вера в исцеляющую способность воды и ее богини подтверждается символизмом и значительностью votивных даров, которые там обнаруживаются. Они принимают форму небольших деревянных фигур с особо подчеркнутыми

Исток притока реки Сены. Кельты считали воду — ключи, реки и т.п. — одной из наиболее явных демонстраций могущества потусторонних сил. Место это все еще привлекает желающих поклониться высшим силам, несмотря на то что прошло 2000 с лишним лет (из коллекции автора).

тыми отдельными частями тела. В том же контексте можно рассматривать и богиню Сулис в термальных источниках в Бате. Большинство водных святилищ посвящены женским божествам. Все эти факторы стоят в одном ряду с кельтским верованием в женское начало земли, каковое докатилось до нас в форме святых колодцев, ассоциирующихся с христианскими святыми женского пола.

Археологические данные показывают, что кельты считали необходимым для себя задабривать богов не только во время войны — что служило, вероятно, обязанностью прежде всего благородной элиты и военной касты, — но также и в повседневной жизни. В обществе, так сильно зависевшем от размеров собранных урожаев, необходимость заручиться благоволением богов имела огромное значение. Свидетельства попыток умолить высшие силы даровать процветание пахарям находим мы в дарах, размещаемых в ямах для хранения зерна. Когда зерно доставали из ям и засевали поле, производились специальные жертвоприношения: наиболее часто части и целые туши сельскохозяйственных животных, но иногда и тела людей, также целиком или в расчлененном виде, включая и головы. Если говорить о животных, то обычно в жертву приносились овцы, рогатый скот и свиньи — животные, мясо которых шло в пищу, — но иногда также лошади и собаки, которые несли, очевидно, более ритуальное значение. Приношения осуществлялись, судя по всему, на двух этапах: во время сева весной и в конце лета, когда собирался урожай, что, надо думать, связывалось с определенными сезонными праздниками. При плохом урожае могли потребоваться особые усилия, тогда задабривание богов принимало форму человеческого жертвоприношения. Скотоводческие сообщества, особенно в Ирландии и в Шотландии, которые в большей степени зависели от стад, чем от результатов посевных кампаний, проявляли склонность к жертвенным актам в болотах.

Стремление заручиться милостью богов земли очевидно также в практике выкапывания ритуальных шахт в грунте. Традиция очень древняя, она восходит еще к бронзовому веку, хотя большинство такого рода объектов кельтского происхождения датируется последними двумя столетиями до н.э. Многие находятся в снабженных рвами прямоугольных огороженных пространствах, для обозначения которых используется немецкий термин *Viereckschanzen* (букв. четырехугольные земляные сооружения. — *Прим. пер.*). Такие постройки обнаруживаются по всей кельтской Европе от Британии до Богемии. Хотя функции этих огороженных пространств остаются невыясненными, многие шахты содержат самые разнообразные votивные дары. В Гольцгаузене в Баварии обнаружили три шахты 2,5 м в поперечнике и 40 м в глубину с деревянной надстройкой, считающейся святилищем. На дне одной из шахт нашли вертикально стоящий деревянный кол, на котором есть следы присутствия плоти и крови. В подобных же шахтах повсюду в Германии и во Франции, пользоваться которыми продолжали даже и в римский период, часто оказываются кости людей и животных, а также деревянные фигурки и глиняные сосуды.

На с. 99: Фрагмент одной из пластин Гундеструпского котла. Изображение Чернунна, или «рогатого человека», свидетельствует о шаманистском символе единства между человеком и животным миром, в особенности оленем, который почитался кельтами за силу и мужественность. Торквес тут показан как ритуальный предмет. Также, вероятно, очень важна змея, которую человек держит в левой руке, что символизирует плодородие и возрождение (Архив Вернера Формана / Государственный музей [Копенгаген]).

Гундеструпский котел

«Воинская» пластинка гундеструпского котла изображает воинов верхом на конях и пешими. Ни один из пехотинцев не носит шлема, если не считать фигуры справа, вооруженной мечом и являющейся, вероятно, предводителем. Гребни шлемов как этого воина, так и всадников предполагают животные тотемы: вепрь, ворон, олень, бык и лошадь. Хорошо видны кельтские боевые трубы, называемые карниками. Значение крупной фигуры слева не ясно: быть может, это представление возрождения после смерти на поле битвы путем символического прохождения через котел? (akg-images / Эрих Лессинг).

Замечательный сосуд, известный как гундеструпский котел, обнаружили в торфяном болоте около Гундеструпа в Дании в 1891 году. Для него характерно круглое основание, пять внешних и семь внутренних пластин, в диаметре изделие достигает 69, а в высоту 42 см. Пластины сработаны из почти чистого серебра. Фигуры на внешней стороне сосуда изначально покрывала позолота, тогда как глазами служили кусочки красного и синего стекла. Котел представляет собой один из самых великолепных и самых загадочных сувениров, оставленных нам на память о себе кельтским миром.

Считается, что изготовили его во II или в I веке до н.э. Хотя изобразительный ряд в основном кельтский, стиль и приемы мастеров характерны для некельтского народа — фракийцев, которые жили в Восточной Европе на территории сегодняшних Болгарии и Румынии. находка послужила пищей для противоречащих друг другу теорий ее происхождения. Одним из возможных объяснений может стать то, что котел сработали фракийские ремесленники для кельтского племени скордисков, господствовавших в среднем течении Дуная. Как котел очутился в Дании, уже другой и тоже все еще ожидающий ответа вопрос. Он мог попасть в руки тамошних жителей путем товарообмена или же быть захвачен кимврами во время их набегов на скордисков в период миграции на юг из Ютландии через Европу на исходе II века до н.э.

Котел украшен изображениями кельтских божеств и сценами ритуалов, а также орнаментами из растений и диковинных зверей. Сцены дают редкую возможность заглянуть внутрь мира кельтских мифов и легенд, хотя значение их и не поддается однозначной трактовке. Особенно поразительны воссозданные картины ритуального посвящения группы воинов, жертвоприношение трех быков и рогатое божество, обычно считаемое Цернунном, которое

характерно для изобразительной культуры Северной Галлии. Выдвигается и предположение о том, что рогатая фигура символизирует скорее Кухулина, чем Цернунна, в связи с чем предлагается рассматривать всю иконографию гундеструпского котла как сюжет прототипа ирландского мифа *Táin Bó Cúailnge*. Хотя и эта теория имеет право на существование, как и многие другие рядом с ней, все же маловероятно, что изображения служат для отражения какого-то связного повествования.

СВЯЩЕННОЕ ВРЕМЯ И СВЯЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Поскольку друиды ни за что не желали записать основы их философии, нет и никаких письменных свидетельств в отношении того, как кельты воспринимали собственный мир. Классические авторы, а также мифы и легенды, уцелевшие в Ирландии и Уэльсе, дают некоторую информацию, тогда как кельтское искусство позволяет выявить ряд общих символических элементов, имеющих отношение к времени и пространству. Показателем того, как кельты отслеживали прохождение времени, — что очень важно для благополучия любого сельскохозяйственного общества и связано с выбором правильного момента проведения ритуальных церемоний, которые служили для инициализации трудовых процессов и их отдельных этапов, — является календарь, обнаруженный в 1897 году около Колиньи, расположенного рядом с Лионом на юго-востоке Франции.

Фрагменты календаря из Колиньи. Буквы и цифры латинского происхождения, но язык — галльский. Датируется концом I века н.э. (Музей галло-романской цивилизации Лион).

Фрагмент календаря из Колиньи (Музей галло-романской цивилизации, Лион).

Календарь из Колиньи состоит из 73 уцелевших фрагментов нескольких бронзовых табличек. Выгравированные буквы латинские, однако язык все же галльский. Путем сравнения их с находками, раскопанными на том же месте, удалось установить дату — I век н.э. — время, когда повсюду в Римской империи утверждался юлианский календарь. Календарь из Колиньи использовался для литургических целей в святилище, где проводились традиционные кельтские богослужения. Календарь строился по «лунно-солнечной» схеме: в нем делалась попытка совместить воедино месячные циклы луны и годовые периоды солнца — очень старая схема. Покрытый значками камень, найденный в Ирландии, датируется временем неолита (до 2000 года до н.э.) и считается лунным календарем, созданным на принципах, заложенных в основу календаря из Колиньи. Восстановленная плита имеет 16 вертикальных колонок, в которых представлены пятилетние циклы с 62 лунными месяцами (12 месяцев в году + дополнительные. — *Прим. пер.*). Согласно такой системе, лунный год состоял из 354 или 355 дней. Каждый месяц делился на «темную» и «светлую» половины, что служило основой для кельтского календаря. Первая половина продолжалась всегда 15 дней, вторая же — 14 или 15 дней в зависимости от месяца. Месяцы из 30 дней считались *matos*, или благоприятными, тогда как 29-дневные — *anmatos*, или неблагоприятными. Все месяцы начинались в полнолуние. Солнечный год уравнивался путем добавления 13-го месяца каждые два с половиной года. Каждый год также делился еще надвое, при этом светлая его часть начиналась в конце апреля, а темная — где-то в конце октября в зависимости от момента полнолуния. Год начинался в момент перехода к темной половине, в период, называемый «тремя ночами Самониоса», упомянутый в календаре и совпадающий с ближайшим к началу ноября полнолунием. Самониос обычно считают соответствующим Самбайну в Ирландии.

Бронзовое зеркало из Херефорда того типа, что обнаруживается только в конце железного века в Британии. Обратите внимание на повсеместные закручивающиеся символы, напоминающие «S». Они олицетворяют возрождение и образуют спиральные фигуры, или трискелионы — треножия, — одни из наиболее распространенных символов кельтского искусства (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

В ирландской традиции четырьмя большими праздниками, или фестивалями кельтского года, считаются Самбайн, Имбольк, Бельтан и Лугнасад (10). Они соответствуют Хэллоуину, Кандлемасу в начале февраля, майскому дню и началу времени сбора урожая в северо-западной Европе в первых числах августа. Календарь из Колиньи дает ссылку лишь на первый, хотя подразумевается и Бельтан (Первый день мая. — *Прим. пер.*), отмечающий начало другого главного сезона. Поскольку ни один из праздников не демонстрирует никакой связи ни с летним ни с зимним солнцестоянием, ни с весенним или осенним равноденствием, предполагалось и предполагается, что изначально

фестивали устанавливались путем наблюдения за определенными звездами, которые соответствуют тем или иным временам года. Самбайн ассоциируется со звездой Антарес в созвездии Скорпиона, а Бельтан — с Альдебараном в созвездии Тельца. Теория подтверждается галло-римским Зодиаком с табличек, обнаруженных в святилище в Гране в Лотарингии. Согласно сведениям, почерпнутым из этой находки, год делится надвое, при этом одна половина находится под знаком Луны и начинается в Скорпионе, а вторая — Солнца и берет старт, соответственно, в Тельце.

Разделение времени на две равные и дополняющие друг друга части символизируется завитками в форме «S», которые очень часто находятся на предметах кельтского искусства. Обозначая не только очевидный путь солнца по году, но также и движение его в направлении с востока на запад и возвращение ночью с запада на восток как бы под землей, «S» олицетворяет вечный процесс возрождения и представляет собой основу мироздания. Некоторыми учеными считается, что движение солнца от восхода к зениту и от зенита к закату отражается в трехруких или трехспиральных фигурах, известных как трискелионы. Такой древний знак характерен для многих культур. С уходом в прошлое угловатой геометрии символов гальштатского периода и замены их криволинейным латенским стилем в V и IV веках до н.э. трискелионы сделали самыми важными и самыми живучими символами кельтского искусства.

Нескончаемые циклы солнца в его суточном движении восток — запад с подъемами и падениями по схеме север — юг на протяжении года формировали, кроме того, и пространственное восприятие тварного мира у кельтов, который они видели разделенным на четыре части. В кельтском искусстве оно выражалось в изображении солнечного колеса с четырьмя сходящимися в центре осями. Символический центр имел большое значение для кельтов и служил основой для многих художественных композиций. Кельтские христианские кресты все еще сохраняют сочетание крест — круг. Концепция поделенного на четыре части и сходящегося в центре пространства проиллюстрирована в Ирландии характерным делением на четыре королевства, каждое из которых как бы жертвовало часть территории пятому — Миде, или Срединному Царству, — где в Таре короновались верховные короли Ирландии. «Галатой» в Малой Азии подразделяли свои владения на четыре тетрархии; Цезарь упоминал о таком же порядке у гелветов. У многих кельтских народов символический центр их земель назывался Медиоланон — имя, сохраненное до наших дней в названии итальянского города Милан. Территория карнутов считалась ритуальным центром Галлии, где проводили ежегодные встречи друиды.

По причине ассоциирующихся с друидами практик сбора в священных дубовых рощах принято считать, что кельты не строили храмов или церквей, поклоняясь богам на свежем воздухе. Археология, однако, помогла обнаружить существование многих закрытых помещений и построек, которые расцениваются как сооружения религиозного или ритуального назначения.

Бронзовая пряжка пояса с двумя расположенными одна перед другой двуглавыми созданиями (лошадьми?) и фигурой человека между ними. Меньшее существо внизу завершает треугольную композицию (С. М. Диксон / Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

Тем не менее под традиционным представлением о друидах, проводящих свои церемонии на лесных полянах, есть вполне прочная основа. Особые священные места в Галлии назывались *nemeton*, под ними подразумевались священные поляны в лесах или священных рощах. Термин встречается тут и там в кельтском мире, повторяясь в звучании слов *drunemeton* у галатов, *nemetobriga* у испанских кельтов и звуча отголоском в британском *aquae arnemetiae* (последние слова опять-таки, как часто, латинские. — *Прим. пер.*). Взгляд на священную рощу в Южной Галлии и ощущения оказавшегося в ней Цезаря переданы в строках римского поэта Лукана:

Зарослей там с древнейших времен не касалась человеческая рука, сучья и ветки переплетались так, что создавали словно бы хладную и темную пещеру, куда не было доступа солнцу. Здесь поклонялись богам, совершая ритуалы дикарей; на алтарях громоздились ужасные приношения, все деревья были обрызганы человеческой кровью. Птицы боялись сидеть на ветках, лесное зверье сторонилось тех мест. Ни ветерка не проникало сквозь сплетение ветвей, листья деревьев шуршали без малейшего дуновения. Падала вода в темных ключах. Отвратительные образы богов виднелись, грубо высеченные из поваленных древесных стволов. Старость их и мерзкий цвет гниющей древесины вызывали страх. Легенда повествует о подземных пещерах, изрыгающих стон и вызывающих содрогания, о тисовых деревьях, что рушились и поднимались вновь, о пламени, что исходило от деревьев, которые не горели, и о змеях, скользивших по стволам. Люди не являлись туда никогда, оставляя то место богам. Днем или ночью даже жрецы побаивались приближаться к нему, опасаясь наткнуться на господина и повелителя рощи («Гражданские войны»).

Цезарь приказал вырубить рощу, официально по причине слишком большой близости ее к месту расположения лагеря. Однако куда более вероятно, что, отдавая распоряжение, он руководствовался намерением лишить могущества само место и продемонстрировать превосходство римского оружия над богами кельтов.

Сооружавшиеся кельтами святилища поддаются разделению на две группы: так называемый кельто-лигурийский тип, распространенный в Южной Франции, и чисто кельтский, обнаруживаемый на широком пространстве от юга Германии до севера Франции и далее до Британии. Для первого характерны места в Ля-Рокпертюз и в Антремоне вблизи средиземноморского побережья. Монументальный стиль архитектуры говорит о влиянии греков из Массалии, но резные каменные головы и ниши, предназначенные для вполне конкретных целей и имеющие — некоторые — отверстия для гвоздей, чтобы крепить их, явно и неопровержимо кельтские по природе (см. с. 106). В северной зоне святилища обычно представляли собой прямоугольные или — в случае Британии — иногда круглые деревянные строения, окруженные рвом и палисадом. Те из них, что обнаружены в Гурне-сюр-Аронде и Рибмон-сюр-Анкре в Северной Франции, дают превосходный шанс подсмотреть за обстоятельствами, связанными с приходом в Галлию бельгов.

Трофеи с полей битв и сражений между пришельцами и старожилками из местных племен, датированные серединой III столетия до н.э., включая тела победителей и побежденных, оставались непогребенными до тех пор, пока не сгнивала плоть на костях. Те затем ломались и сбрасывались в ров вместе с тысячами предметов вооружения, в перечень которых входили «ритуально убитые» мечи, наконечники копий и щиты (см. с. 95).

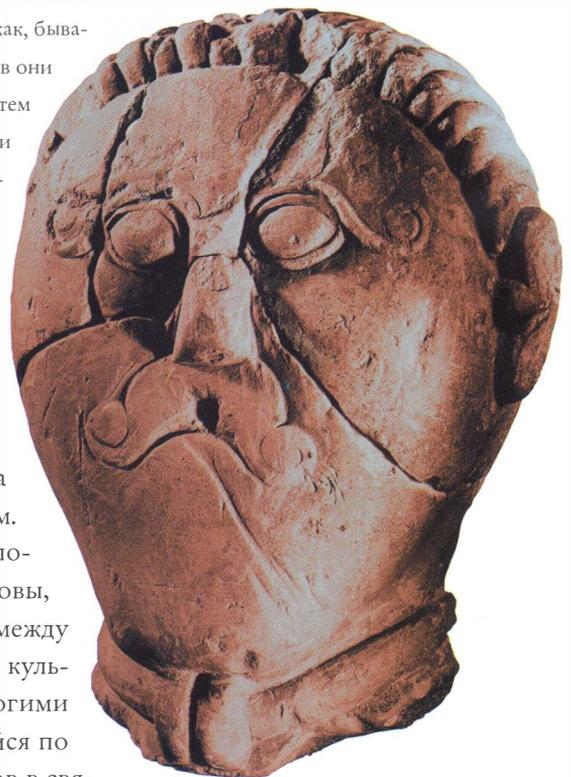
КУЛЬТ ОТСЕЧЕННОЙ ГОЛОВЫ

Кельты считали вместилищем бессмертной души голову, а потому завладеть головой противника означало получить в свое распоряжение его душу. Как в случае со многими другими аспектами жизни воина, завладение головой врага в битве — предпочтительно в поединке один на один — имело мистическое значение. Однако грекам и римлянам столь отвратительная практика представлялась чем-то особенно варварским из характерных для кельтских воинов привычек — факт осквернения тела поражал представителей средиземноморского мира по моральным и религиозным соображениям. Диодор Сицилийский писал:

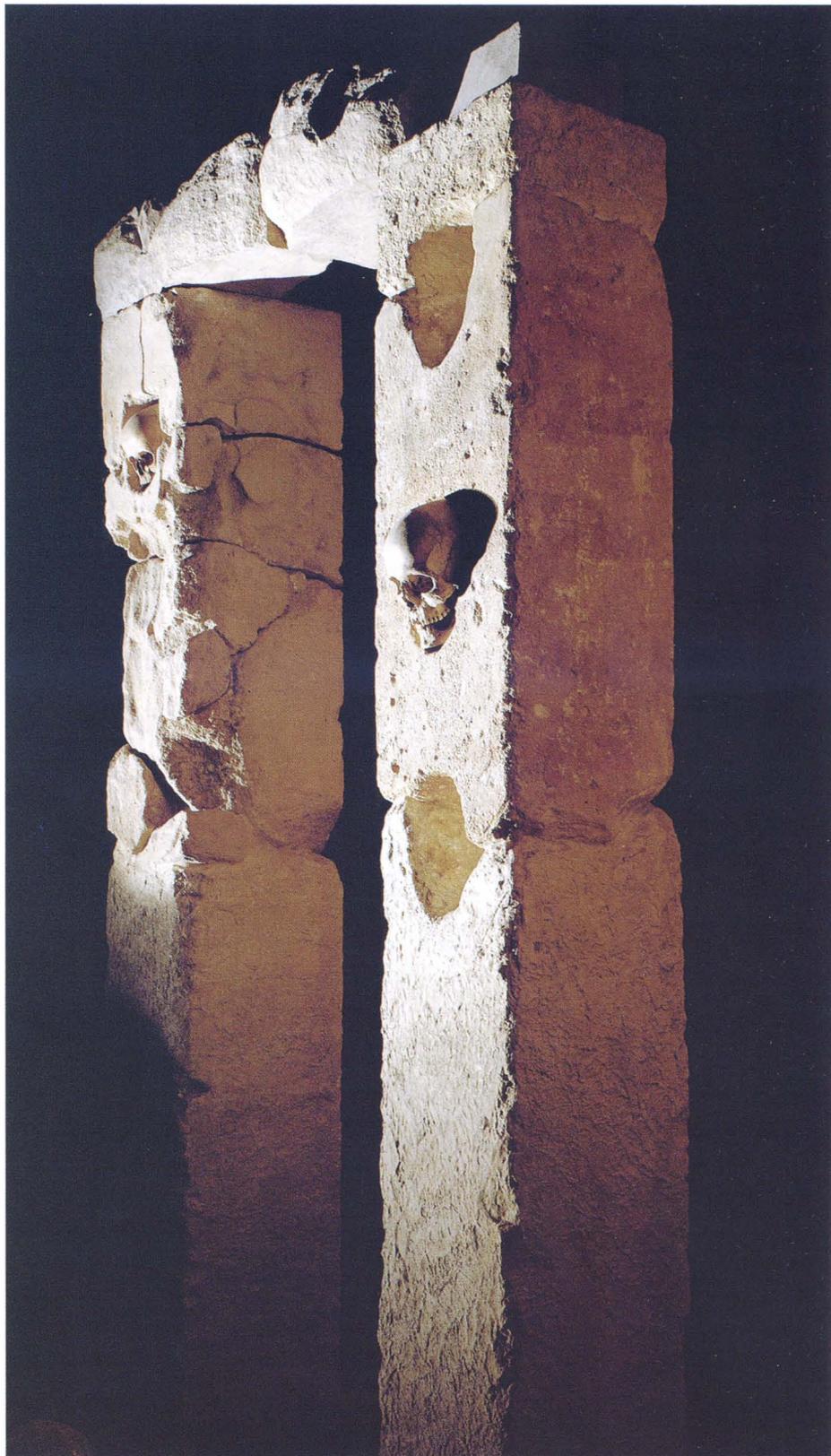
Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как, бывает, поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям и похваляясь тем, что или кто-то из предков, или их отцы, или сами они не приняли предлагаемого за ту или иную голову выкупа. Говорят также, что некоторые из них гордятся тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу, являя тем самым некое варварское великодушие не потому, что благородно не продавать доказательства своей доблести, но потому, что враждовать с соплеменниками погибшего — зверство (*Исторические сборники*» [Цит. по Цыбенко. — Прим. пер.]).

Из приведенного выше отрывка мы заключаем, что помимо вещественного доказательства отваги и ловкости воина голова сраженного противника служила также престижным предметом. Тщательность, с которой ее хранили, и гордость, с которой показывали гостям, — все это говорит о высокой ценности головы, что подразумевало и глубокие связи, ощущаемые победителем между собой и побежденным. Важность и степень распространения культа отсеченной головы среди кельтов продемонстрированы многими примерами резной монументальной скульптуры, встречающейся по всему кельтскому миру, и практикой показа человеческих голов в свя-

Каменная голова — вероятно, кельтского бога, — извлеченная из огороженного святилища в Богемии. Кельты верили, что голова служит вместилищем огромной сверхъестественной мощи: она представляла собой центр духовного бытия и хранилище души (Архив Вернера Формана / Народный музей [Прага]).

Реконструкция каменного
входа в святилище в Ля-
Рокпьертюз с помещенными
в нишах черепами.

тилищах, установленными либо на каменное основание, как в Ля-Рокпертюзе в Южной Галлии, либо на деревянных кольях, как в крепости на возвышенности в Бредон-Хилл в Западной Британии.

Любопытен факт частого помещения голов при входах в охраняемые места. Вероятно, души погибших вражеских воинов служили для обеспечения символической защиты опорных пунктов их противника.

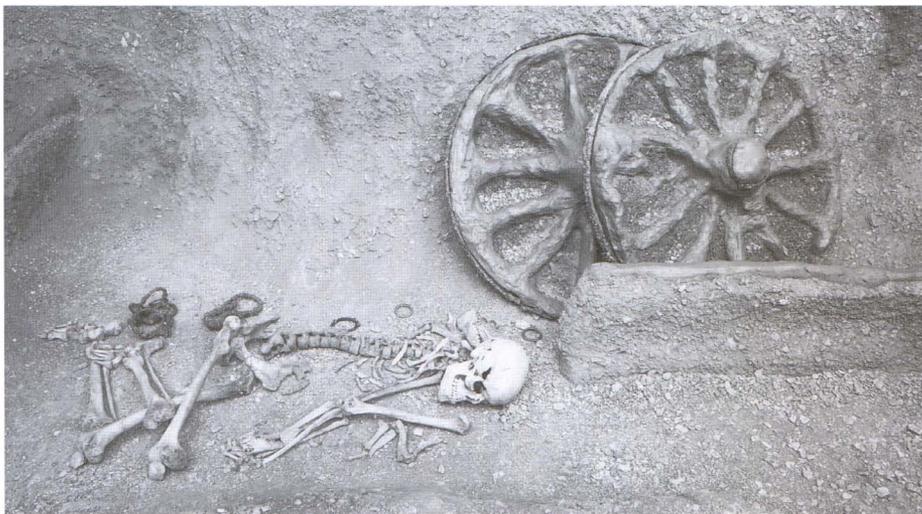
В валлийских и ирландских мифах голова наделяется сверхъестественной силой. Когда Бран Благословенный — один из главных героев валлийских легенд о «Мабиногах» — получает смертельную рану в сражении, он приказывает дружине отрубить ему голову и захоронить в Лондоне там, где теперь стоит Белая башня лондонского Тауэра, так, чтобы голова смотрела на восток и охраняла Британию от вторжений извне. Почитание человеческой головы как сосуда великой силы также иллюстрируется рассказом Ливия о битве между римлянами и бойями в III веке до н.э. Римляне проиграли, а консул Постум погиб. Тело его бойи отнесли в главное святилище, где обезглавили. Голову затем очистили от плоти, украсили золотом и использовали как чашу в честь богов. Вырезанные каменные головы и черепа, найденные в святилище Ля-Рокпертюза и Антремона, надо рассматривать в том же контексте.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Богатые данные раскопок кладбищ говорят о широком распространении веры в загробную жизнь среди кельтов. Согласно Цезарю, друиды считали душу способной переходить из одного тела в другое после смерти человека, и подобная уверенность делала кельтских воинов бесстрашными в сражении. Вера друидов в бессмертие души находит отражение в котле перерождения, который часто встречается в валлийских и ирландских мифах. Сосуд обладал способностью возвращать жизнь воинам, погружаемым в его воду. Небезынтересен тот факт, что на одной из основных пластинок гундеструпского котла изображено сверхъестественное существо, по всей видимости опускающее фигуру человека в котел, в то время как прочие кельтские воины ожидают своей очереди (см. иллюстрацию на с. 98). Встречаются упоминания о прочих священных котлах в других кельтских святилищах, причем все они ассоциируются с озерами или водными потоками.

На протяжении всего позднего периода железного века наиболее привычной формой практики захоронения в кельтском мире являлось предание бранных останков земле. Многие из известного нам о кельтах получено путем изучения предметов, открытых в могилах и призванных сопровождать мертвеца в загробном царстве. Многие из уцелевших кельтских сокровищ обнаружены на кладбищах вроде тех, что найдены под Виксом и Хохдорфом. Погребение предоставляло еще одну возможность продемонстрировать положение в сообществе. В захоронениях времен Галыштатских княжеств в VI и V веках до н.э. встре-

Захоронение с колесницей
в Гартоне (Восточный
Йоркшир). I век до н.э.
Обратите внимание
на предметы и металлические
изделия, помещенные
в могилу вместе с телом
(© Совет попечителей
Британского музея /
PS 174448).

чаются греческие и этрусские престижные товары, которые попали к кельтам, контролировавшим важные торговые маршруты. С начала IV века до н.э. статус человека в плане воинского престижа отражался в вооружении и доспехах, а в некоторых местах в захоронениях обнаруживаются целые колесницы. В Британии большинство мертвецов — хоть представителей элиты, хоть несвободного крестьянства — с археологической точки зрения неразличимы, если не считать захоронений с колесницами в Йоркшире, которые сравнимы с обнаруженными в районе Марны во Франции. Полагают, что многих умерших хоронили временно или оставляли тела открытыми воздействию стихии до тех пор, пока плоть не сгнивала на костях — процесс этот зовется экскарнацией, — после чего кости полностью или частично задействовали в ритуалах. Подобная практика может также объяснять большое количество расчлененных скелетов, заботливо помещенных в ритуальных ямах и огороженных местах внутри более крупных святилищ в Северной Галлии. В Иберии у кельтиберского племени ваккеев существовал обычай скармливать тела павших в битве стервятникам, поскольку грифы считались священными птицами, как и вороны, которых почитали как таковых по всему кельтскому миру.

Ближе к концу II века до н.э. на большей части кельтской Европы отмечается смена характера захоронений — отход от практики предания останков земле в пользу кремации. Это может служить следствием изменения верований, или же причина просто в предпочтении, отдаваемом, возможно, средиземноморским обычаям. Данная тенденция совпадает с внезапным отходом от традиции воинских могил в тех районах, где погребение продолжало практиковаться. Предметы роскоши — особенно золотые торквесы и винные амфоры — заменили оружие как средство демонстрации статуса захороненного. Определяющим фактором стали, несомненно, эволюция кельтского общества и прямые контакты со средиземноморским миром. Одним из последствий роста процесса урбанизации большей части кельтского мира является смещение акцента, каковой делала правящая элита в отношении к пути воина.

ГЛАВА 5

ПУТЬ ВОИНА

*Вставайте, Махи короли / мужи смиренны
но велики в деле / клинки тупятся
и пылают битвы / земля стенает
и щиты крошатся / изнемогают в сече
ревут стада / и в праведном
сражении пропадают / затоптаны ногами*

*князя и нобли / в бой ведут
кончая жизнь в крови / и лес людской
где падают стволы / и горькой кровью
истекают сердца цариц / что полны скорби
смелей вперед / трава красна от крови
и бьются, и конец находят / вставайте, Махи короли*

(Кинсела, *Táin Bó Cúailnge*).

ВОИН-ГЕРОЙ

Все данные, которыми мы располагаем в отношении кельтов, свидетельствуют о чрезвычайной важности военного дела для их культуры и для поддержания общественных структур. Оружие, характерное для могил мужчин из числа представителей элиты латенского периода, неопровержимо доказывает, что военная аристократия являлась одной из главнейших составляющих общественной системы. В древних ирландских мифах описывается общество с явно доминирующим в нем воином-героем. Во многих отношениях оно походило на общество микенской Греции, о которой рассказывает Гомер. Обретение славы на полях битв и сражений служило единственной целью кельтского воина, мечтавшего пройти по стопам героев легенд. Славные деяния воинов — живых и мертвых, — о которых неизменно вспоминали на празднествах, вселяли в сердца представителей военной прослойки чувство чести и определяли соответствующие правила поведения на протяжении всей жизни воина: нечестная победа считалась позорнее, нежели поражение, понесенное от более сильного противника. Воин и помыслить не мог закончить жизнь иначе, чем в бою. Каждый воин руководствовался собственными табу, называемыми *geissi*, — ограничениями, накладываемыми на его свободную волю и регулировавшими поведение в моменты крайней опасности.

Как уже говорилось выше, кланы и племена находились в состоянии перманентного конфликта между собой. Фундаментальная роль поголовья скота, которую тот играл в основе общественной иерархии кельтов, делала угоны стад животных наиглавнейшей причиной проявления агрессии. В Ольстерском цикле древних ирландских сказаний центральный эпизод *Táin Bó Cúailnge* связан с кровавым конфликтом, ставшим следствием простой стычки из-за вопроса личного престижа и последующего похищения бурого быка из Кули, желанного для Медб, королевы Коннаута (шекспировской королевы

Бронзовая статуэтка обнаженного кельтского воина. Обратите внимание на такие детали, как рогатый шлем, торквес и пояс для меча. Сам меч и щит утрачены. Изделие найдено в Италии и, возможно, представляет собой изображение гесата (akg-images / Эрих Лессинг).

Мэб), которая хотела, чтобы тот выступил соперником белого быка, принадлежавшего ее мужу Айлиллу. В эпической борьбе Кухулин исполняет роль архаического воина-героя как боец-заступник племени и защитник его территории.

В Ленстерском цикле ирландских мифов и легенд представлен иной взгляд на кельтского воина. Здесь его олицетворяют члены *fianna* — дружины из молодых людей благородного происхождения, которые более не составляют часть традиционной структуры племенного сообщества. Возглавляемые героем по имени Линн, они ведут жизнь маргиналов, скитаясь по всей Ирландии и предлагая свою службу в качестве наемников королям и вождям. В «фианна» пользуется почтением воинский кодекс чести, однако война сама по себе является для ее членов началом всех начал; связи же их с конкретной племенной территорией разорваны.

Идеалы живущих для войны и во имя войны бойцов, стремящихся к добродетельной смерти в сражении, чтобы иметь возможность присоединиться к бессмертным героям в загробном мире, демонстрируют также и гесаты в битве при Теламоне. Такой тип идеологии воинов, по всей видимости, соответствует ситуации, которая существовала у континентальных кельтов в период их миграций в IV и III веках до н.э. и, возможно, послужила фактором крушения Гальштатских княжеств столетием раньше. Подобные подвижные отряды, действовавшие за пределами традиционной племенной системы, почти наверняка являлись главной движущей силой, питавшей экспансию кельтов в тот период. Отряды воинов, принимавших участие в Великом походе на Балканы, и тех, что позднее осели в Западной Европе, вполне сравнимы с «фианна» в Ирландии. Они формировали новые сообщества за пределами традиционных племенных систем, основанные на конфедерации различных этнических групп и организованные по образу и подобию военного товарищества.

«Галатой» в Малой Азии, бельги и аллоброги — все они наглядные примеры таких групп. Героический идеал кельтского воина оставался мощной силой, двигавшей аристократией, которая доминировала в кельтских городах-государствах, возникших в два последних столетия до н.э., даже и после образования таких сообществ. Как бы там ни было, усилия, предпринимаемые правящими олигархиями ради предотвращения узурпации власти какими-то харизматическими лидерами, есть указание на далеко не совсем еще ушедшую силу «старых привычек», с которой приходилось считаться. Казнь

Кельтилла — нобилия из арвернов, обвиненного в попытке восстановления монархии во главе с собой в качестве царя, — следует рассматривать именно в таком свете. Есть, несомненно, какая-то ирония

судьбы в том, что его сын, Верцингеториг, был позднее провозглашен вождем всех галльских племен, когда в 52 году до н.э. те поднялись на восстание против Цезаря.

ВНЕШНИЙ ВИД И ОДЕЖДА

Внешностью кельты казались грекам и римлянам странными и диковинными созданиями. Диодор Сицилийский довольно подробно описывает, как те выглядели:

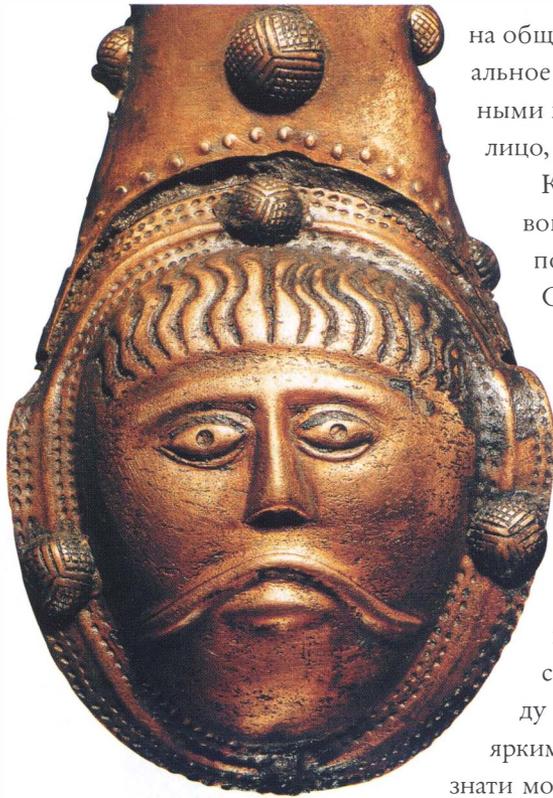
Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причем этот естественный цвет они стараются усилить еще более с помощью искусственных средств. Поэтому галлы очень часто моют волосы известковым раствором и зачесывают их ото лба к макушке и шее... Благодаря такому уходу волосы у них становятся толстыми, ничем не отличаясь от конской гривы. Бороду некоторые бреют, а некоторые оставляют ее расти до определенной величины. Знатные мужчины выбривают щеки, а усы оставляют, чтобы те закрывали губы... («Исторические сборники» [По Цыбенко. — Прим. пер.]).

Указание на светлые волосы и белую кожу контрастирует с тем, как выглядят сегодняшние кельты — валлийцы и бретонцы, — которые считаются темноволосыми с соответствующим цветом кожи. Все это подкрепляет гипотезу о том, что кельты всегда представляли собой скорее объединение народов, связанных культурой и языком, чем были просто определенным этносом. Несмотря на упоминание о них как о людях высоких, археологические находки показывают, что средний рост кельта достигал не более 1,7 м. Тем не менее римляне уступали им по этому показателю несколько сантиметров.

Рассказ о пропитанных известкой волосах интересен в свете религиозного символизма лошади. Такие прически, скорее всего, носили воины, тотемом которых служили кони. Бойцы стремились заручиться поддержкой Эпоны — богини коней. Вымоченные в известке волосы могли находить и практическое применение, поскольку таким путем создавалось нечто вроде прочной подушки, способной обеспечивать дополнительную защиту голове. Недостаток состоял в том, что злоупотребление такими средствами, как известка, несомненно, вызывало воспаления кожи, а это вело к преждевременному выпадению волос. Также подобная «композиция» затрудняла ношение шлема, хотя, возможно, воины не чувствовали надобности в нем, считая себя достаточно обеспеченными защитой силой собственного тотема. Воины в Британии могли представлять собой еще более поразительное зрелище в глазах представителей средиземноморских цивилизаций, поскольку имели обыкновение раскрашивать либо татуировать тела вайдой; так называлось растение, из экстракта которого получали темно-синий краситель. Сходные обычаи существуют и во многих других древних культурах, помимо указания

Эта бронзовая статуэтка, происходящая из Центральной Галлии и датированная концом I столетия н.э., позволяет составить некоторое представление о том, как, возможно, выглядел кельтский нобиль (akg-images / Эрих Лессинг).

Деталь орнамента с колесницы, вероятно призванная представлять собой божество-хранителя. I век до н.э. (Леннарт Ларсен, Государственный музей Дании).

НАПРОТИВ Фрагмент «военной» пластинки с гундеструпского котла, на которой показаны карникисы, или боевые рога кельтов (akg-images / Эрих Лессинг).

на общественное положение субъекта они, несомненно, имеют ритуальное значение. Не исключено, что воины считали себя защищенными и наделяемыми дополнительной мощью за счет нанесенных на лицо, руки и торс священных символов.

Как на поле битвы, так и в стороне от ратных трудов кельтский воин стремился показать окружающим собственные достаток и положение за счет качества одежды и снаряжения. У Диодора Сицилийского нашлось несколько слов, чтобы описать их одеяния:

Одежду галлы носят замечательную: хитоны, выкрашенные во всевозможные цвета и расшитые; штаны, которые они называют «браки»; плащи с пряжками, зимой — полосатые, плотные, летом — легкие, в частую клетку и пестрой окраски (*«Исторические сборники»* [По Цыбенко. — Прим. пер.]).

По описаниям современников, подобным приведенному выше, и по обрывкам тканей, обнаруженным в могилах, можно составить довольно наглядное представление о том, какую одежду носили кельты. Многие предметы из шерсти и льна отличались яркими цветами и имели хорошее качество. Наряды представителей знати могли покрываться вышивкой золотой нитью, а иногда, вероятно, изготавливались даже из шелка. Упоминание о клетке наводит на мысль о твиде и шотландке — материалах, бывших в ходу в более поздние времена. Тем не менее цвета — яркие на новых вещах — быстро становились блеклыми, поскольку использовались простые растительные красители. Любовь кельтов показать себя окружающим и их слабость к украшениям выражались в том, как охотно они надевали драгоценности и всевозможные ювелирные изделия: «Золотые украшения у них носят не только женщины, но и мужчины, надевая на шею изогнутые кольца, на руки — браслеты, а в ушах, подобно персам, носят серьги» (Диодор Сицилийский. *«Исторические сборники»* [По Цыбенко. — Прим. пер.]).

Из всех кельтских драгоценностей наибольшее впечатление на средиземноморских комментаторов производили шейные гривны — торквесы. Для римлян такие украшения характеризовали кельтов, хотя на деле и не являлись исключительно их атрибутом. Торквес мог делаться из золота, бронзы или железа в соответствии с возможностями кошелька владельца. Очень возможно, что украшение несло символическое значение, поскольку не все изготавливались из драгоценных металлов. Весьма вероятно, что шейная гривна символизировала звание (императору Августу галлы преподнесли золотой торквес весом, как считается, 45 кг), а в каких-то случаях торквес имел еще и ритуальное или религиозное значение или заключал в себе отголоски такого значения. Со II века до н.э. торквесы начинают вытеснять оружие из захоронений представителей элит, что говорит о смене приоритетов в атрибутах статуса в параллель с эволюцией кельтского городского общества.

Большой торквес, найденный в Снеттишеме (Норфолк), изготовлен из сплава золота, серебра и меди и весит чуть более 1 кг. Он датируется серединой I века до н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Археологические данные также служат ключом для создания связного образа представителей кельтской военной аристократии. Изображение мужского костюма второй половины V века до н.э. — туники, плаща, прилегающих коротких штанов и обуви с загнутыми носами — находим мы на брошах того времени, обнаруженных в Центральной Европе. На гравированных ножнах меча, найденных на кладбище под Гальштатом в Австрии и относящихся к раннему латенскому периоду, изображен ряд пехотинцев, вооруженных копьями и овальными щитами, а также конников в шлемах и кирасах с копьями в руках. Меч есть только у одного — вероятно, у предводителя. По всей видимости, обуты они в туфли с острыми и загнутыми носами, схожими с теми, которые найдены в могиле так называемого хоходорфского князя. На одной из пластин гундеструпского котла (см. с. 98) представлена колонна пеших и верховых воинов, внешне напоминающих тех, что встречаются нам на гальштатских ножнах. Различаются они гребнями шлемов: птица, дикий вепрь, пара рогов и солнечное колесо. Лошади уже оседланы, видны ножны, а на сбруе бронзовые или железные диски, называемые *phalerae* (фалеры), сходные с теми, что обнаруживаются в Северной Италии и датируются, как и сам гундеструпский котел, I столетием до н.э. Конные воины все также облачены в прилегающие короткие штаны и в нечто вроде жакетов — вероятно, в какие-то кирасы из кожи или металлических пластинок, — однако располагают шпорами. На пеших воинах короткие штаны и жакеты, стянутые в талии широкими поясами. У первых шести вытянутые овальные щиты с умбонами в форме окружности и длинные копья; за ними следует вождь с вепрем на гребне шлема. Позади него стоят три музыканта, которые дуют в кельтские боевые рога — карниксы (см. с. 113).

Подобные образы кельтских воинов очень далеки от орд полуголых мужчин, о которых обычно рассказывают классические авторы, и в равной степени имеют мало общего с широко распространенной современной точкой зрения в отношении варваров, или «благородных дикарей», родившейся в XIX веке и с тех пор благополучно здравствующей. Между тем в изображениях этих просматриваются значительные параллели с этрусками и их военным снаряжением VI и V веков до н.э.

Каменные статуи из Глауберга и Ля-Рокпертюза недвусмысленно подтверждают факт применения аналогичного снаряжения военной элитой заальпийских кельтов. Вполне возможно, что таким вот образом одетые и экипированные воины возглавляли потоки кельтских мигрантов в Италию и армии, которые позднее вторгались на Балканы.

ОРУЖИЕ И ДОСПЕХИ

Ношение оружия в кельтском обществе являлось правом и обязанностью всех свободных мужчин. Именно оружие — тотчас же ясно и бесповоротно — отличало их от лично несвободного большинства. Основными составляющими снаряжения кельтского воина выступали копье и щит. Они могли дополняться мечом, шлемом и кольчужной рубахой. Диодор Сицилийский оставил нам подробное описание оружия и доспехов кельтских воинов:

Оружие [у них вот какое]. Щиты — высокие, в человеческий рост, с особыми украшениями, на некоторых выступают также искусно изготовленные медные изображения животных, и не [только] для красоты, но и для большей надежности. Шлемы — медные (правильнее, вероятно, все же бронзовые. — *Прим. пер.*), с большими выступающими вокруг частями, благодаря чему носящие их выглядят исполинами: к некоторым шлемам приделаны рога, к другим — чеканные протомы птиц или четвероногих животных... Панцири — железные, кольчужные, однако некоторые полагаются только на данную от природы силу и сражаются обнаженными. Вместо короткого меча они сражаются длинным мечом, который носят, подвесив на железной или медной цепи к правому бедру... Впереди себя они выставляют копья, которые называют «ланкии», с железными наконечниками длиной в один локоть и более, а шириной — чуть менее дипалесты (ок. 15 см)... Некоторые из них выкованы прямыми, а некоторые — извилистыми по всей своей длине, чтобы не только наносить режущую рану, но и разрывать тело и при извлечении копья разрывать рану [еще более] («*Исторические сборники*» [По Цыбенко. — *Прим. пер.*]).

Железные клинок и наконечники копий из региона Марны на севере Франции. Середина V века до н.э. (akg-images / Пьетро Багуцци).

Железный наконечник копья с бронзовой отделкой, извлеченный из Темзы. I век до н.э. Как и щит из-под Баттерси и шлем, найденный у моста Ватерлоо, он, вероятно, не применялся в сражении, но являлся votivным даром (жертвой) богам (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Греческий писатель Страбон указывал на то, что кельтский воин нес копья двух типов: одно более крупное и тяжелое, предназначенное для рукопашного боя, и второе — меньшее и легкое — фактически дротик, или метательное копье, которое годилось и для ближнего боя. Наконечники копий различной формы, размера и массы, найденные под Ла-Тэном, говорят о разнообразии данного оружия и о многочисленных способах его применения. Обычно древко изготавливалось из ясеня и оснащалось бронзовым подтоком, служившим в качестве противовеса для наконечника. В ирландских сказаниях встречаются копья с древками, перехваченными от одного до другого конца полосками, вероятно, тоже бронзовыми. Удалось найти два целых копья, которые извлекли из озерного «депозитария» у Ла-Тэна, каждое из них длиной 2,5 м. Среди испанских кельтов встречалось копье, сделанное целиком из железа и называемое «солиферрум» (11). Оно достигало в длину максимум 2 м и особенно хорошо показывало себя на коротком расстоянии из-за покрытых зубринами наконечников, что повышало пробиваемость, делая солиферрумы в чем-то сходными с римскими пилумами (12). Представляется вероятным, что копье служило неотъемлемым атрибутом воина в ранний галлстатский период. Однако с подъемом латенских аристократий символом высокого положения воина сделался меч. О степени распространения латенской культуры в Центральной и Западной Европе и использовании кельтских наемников по всему Средиземноморью говорят находки характерных кельтских мечей в могилах мужчин. Многие виды данного оружия имели затейливую отделку из драгоценных камней и металлов. Реконструкция киркбернского меча и ножен из Британии показала, что оригинал состоял из более чем 70 железных, бронзовых и медных заготовок; на украшения пошли эмаль и стекло. Как водилось в практике в прочих древних культурах, клинки покрывались символическими узорами, что должно было наделять оружие сверхъестественной мощью. Клинки мечей, извлеченных под Ла-Тэном, достигают около 60 см в длину. По мере развития производственно-технологических подходов и эволюции боевых приемов, что стало отчасти результатом прямого соприкосновения кельтов со средиземноморским миром, а также вследствие усиления роли конницы в последние два столетия до н.э., в обиход вошли

более длинные клинки. Кельты носили мечи на правом боку, закрепленными к поясу бронзовой или железной цепью. Цепь пропусклась через петлю с задней стороны ножен, и оружие висело вертикально, вследствие чего меч или его ножны не мешали воину свободно передвигать ногами на марше или на бегу. Археологические данные свидетельствуют о высоком качестве изготовления кельтских мечей. Они отличались гибкостью и обладали прочной и острой режущей поверхностью, а это противоречит комментариям Полибия в отношении того, что в битве клинки часто гнулись и воинам приходилось распрямлять их, наступая на них ногой. Автора подвело, вероятно, незнание о практике ритуального «убийства» мечей, которые намеренно сгибали во время погребальных церемоний или жертвоприношений богам (см. с. 95). В пользу качества и эффективности кельтского меча ясно свидетельствует Дионисий Галикарнасский, который писал о том, что воин мог занести меч над головой и нанести удар сверху вниз изо всей силы. Учитывая массу самого оружия и прикладываемые мышечные усилия, лезвие, бывало, проходило через доспехи, плоть и даже кости. Когда легендарный Кухулин сошелся в схватке с бойцом Эдаркомхоллом, «он (Кухулин) ударил его сверху и рассадил от маковки до пупка» (Кинсела, *Táin Bó Cúailnge*).

В Иберии господствовали более короткие мечи, хотя обнаруживались и обнаруживаются выполненные в латенском стиле. Качество кельтского оружия лишней раз подтверждается фактом принятия на вооружение римлянами мечей с прямыми лезвиями, которыми пользовались испанские наемники в ходе Пунических войн. *Gladius hispaniensis*, или испанский меч, как стало называться оружие на римской службе, находился в обиходе римского легионера около 500 лет. Однако наиболее характерным как для иберийцев, так и для испанских кельтов являлась *falcata* со свойственным ей искривленным клинком — оружие односторонней заточки длиной около 60 см. Оно отличалось таким качеством, что, согласно Диодору Сицилийскому, ни один шлем, ни один щит и ни одна кость не могли устоять перед ударом фалькаты. В отличие от латенских мечей с их длинными клинками, фальката подвешивалась в ножнах на перевязи с левого бока, что позволяло ей занимать почти горизонтальное положение. Сходство ее с греческой махайрой, или кописом, привело археологов к мысли о том, что они послужили прообразом для фалькаты, будучи завезенными в Иберию примерно в VI веке до н.э. греческими переселенцами и торговцами или же наемниками, вернувшимися с греческой службы. Другим возможным объяснением может стать вариант эволюции фалькаты из кривого ножа, ушедшего в своем происхождении корнями в гальштатский период и распространившегося из Центральной Европы в Грецию и в Италию, а также и в Иберию.

Нет точных данных, до какой степени широко применялись в военном деле у кельтов лук и праща. В отношении первого существует мало археологических данных, хотя железные наконечники и обнаружены в районе Алесии в Галлии. Однако касательно второго таких свидетельств более чем достаточно,

Киркбернский меч, найденный на востоке Йоркшира, представляет собой великолепный образчик искусства кельтских ремесленников. На него пошло 70 отдельных заготовок железа, бронзы и меди, а для украшения использовались эмаль и стекло. Датируется I веком до н.э. (© Совет попечителей Британского музея / 1987,0404.2).

Железный меч, обнаруженный на территории эдуев около Шалон-сюр-Сон. I век до н.э. (brk / Музей раннего периода истории, Государственные музеи Берлина, фото Клаудии Пумп).

НАПРОТИВ Великолепный щит из-под Баттерси, извлеченный из Темзы, изготовлен из листа бронзы и слишком тонкий, чтобы пользоваться им в бою. Шедевр кельтских ремесленников — мастеров по металлу, — вероятно, производился с чисто ритуальными целями или же задумывался как вотивный дар. Изделие инкрустировано красным стеклом (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

поскольку удалось откопать огромные запасы камней для пращи внутри нескольких фортов на возвышенностях в южных районах Британии, а особенно в Мейдн-Касл в Дорсете, что показывает использование их как важного средства при обороне таких укреплений. Полагают, что сложное устройство укрепленных въездов в крепости на возвышенностях связано со стремлением максимально повысить действенность именно данного вида вооружения. Тем не менее о применениях пращи не упоминается ни в одном рассказе о «хрестоматийных» битвах. Объяснением может, вероятно, служить отношение к подобным видам оружия — метательным по определению, а значит, предполагающим действие против неприятеля на расстоянии. Представляется возможным осыпать врага целыми тучами стрел из луков и камней из пращей, хотя не все из них найдут цель. Правда, при этом в бою, где сталкиваются большие массы воинов, меткий «огонь» особенно и не требуется. Галльский предводитель Верцингеториг, как узнаем мы из источника, посылал за лучниками, которых можно было найти в Галлии, чтобы те явились к нему и помогли восполнить потери, понесенные при осаде Аварика. Вероятно, надо полагать, что, несмотря на многие тысячи воинов в рядах его сподвижников (согласно Цезарю, около Алесии у противника собралось до 250 000 человек), лучники среди них отсутствовали, и их приходилось сзывать (13). Более того, главными столкновениями после Аварика стали две другие осады: одна развернулась вокруг Герговии, а вторая завершилась окончательным разгромом галлов под Алесией. Верцингеториг, скорее всего, использовал лучников для обороны опорных пунктов таким же образом, как задействовались они для защиты британских фортов на возвышенностях. Возможно, кельтский воин сторонился как лука, так и пращи, поскольку они считались неподобающим для благородного человека вооружением. Цель его состояла в том, чтобы встретиться с неприятелем на поле битвы в ближнем бою, разя его копьем и мечом, где бы воин мог превзойти противника силой и ловкостью и так одолеть его в честном единоборстве. Следовательно, стрельба во врага с расстояния могла рассматриваться как нечто недостойное чести.

Главным защитным вооружением воину служил щит. Кельтские щиты бывали в основе своей овальными или же в форме вытянутого шестиугольника. Изготавливались они из тонких дубовых или липовых дощечек, которые затем обтягивались и обивались кожей. Готовый продукт отличался как небольшой массой, так и упругостью, что особенно важно для бойца, который держал щит за рукоять в центре, применяя его не только для обороны, но и для наступательных действий, нанося щитом толкающие удары противнику с целью ошеломить последнего. Кисть прикрывал полый деревянный бобыль,

или умбон, который иногда принимал вытянутую вертикально по центральной оси форму, делая более прочной лицевую часть. Бобыль и сам часто укрепляли бронзовой или железной пластиной (14). Реже щит снабжался металлической отделкой по краю для лучшего отражения ударов. Образцы, найденные под Ла-Тэном, достигают приблизительно от 0,6 до 1,1 м в длину. Позднее, как позволяют считать данные по Галлии в I веке до н.э., произошло увеличение размеров до 1,3 или 1,4 м, в чем, вероятно, прослеживается влияние больших прикрывавших тело щитов, бывших в ходу у римлян. Меньший щит, известный римлянам как *caetra*, находил широкое применение у испанских кельтов. Имея в диаметре от 30 до 60 см, такой щит усиливался большим металлическим бобылем и прочей арматурой, прикрепленной с помощью шнуров. Особенным почетом он пользовался у лузитан, которые применяли его вместе с фалькатой, добиваясь таким образом смертоносной комбинации.

Диодор Сицилийский писал, что кельты украшали щиты в соответствии со своим вкусом и желаниями, хотя удастся отыскать довольно мало археологических данных в отношении того, какие формы могли принимать дизайнерские предпочтения воинов. Кое-какие представления позволяет составить бронзовая контурная фигура вепря, приклепанная к уитемскому щиту, извлеченному из реки с таким названием в Линкольншире. Вероятно, кельтский воин украшал свой щит таким вот способом — простым, но, с его точки зрения, действенным, — помещая на него личный тотем, или духа-хранителя, или же, вероятно, какие-то общие символы потустороннего мира вроде солнечных колес — в общем, нечто обладающее силой и способностью помочь в бою. К некоторым щитам — как тому же, извлеченному из реки Уитем, — шнуром прикреплялись бронзовые листы, другие — возьмем уже упомянутый великолепный экземпляр из Темзы у Баттерси — целиком делались из бронзы. Они получались, пожалуй, слишком изящными и непрочными, чтобы пользоваться ими в бою, а потому служили, скорее всего, чисто церемониальным целям, а более всего — в качестве даров богам.

Бронзовый шлем из Темзы с характерным широким назатыльником. Возможно, мастера вдохновлял шлем типа *Coolus*, находивший широкое применение у римлян (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

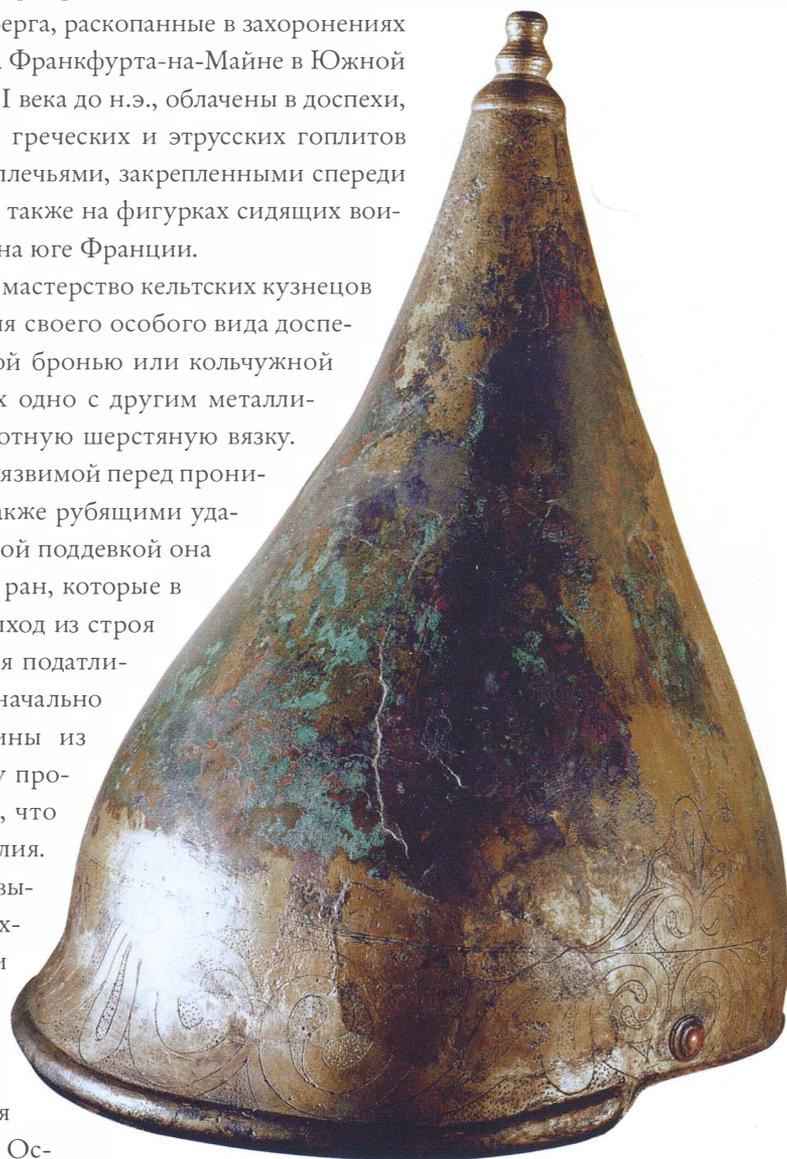
Помимо щита, защиту на поле боя предоставляли доспехи, представленные шлемом и кольчужной рубахой. Подобные рыцарские гарнитурные элементы имели большее распространение среди знати и воинов с положением. В гальштатский и в ранний латенский периоды шлемы изготавливались из бронзы. Железные шлемы, появившиеся впервые в IV веке до н.э., постепенно вытеснили более мягкий сплав, что, вероятно, можно считать ответом на распространение длинного рубящего меча. Шлем, очевидно, снабжался какой-то подкладкой, предохранявшей голову, и имел отверстия по краю, которые свидетельствуют об использовании тесемок или ремешков, которыми он фиксировался. Шлемы обычно оснащались назатыльником и часто ошечьями, или нащечниками на шарнирах, улучшавшими защиту лица, что, возможно, свидетельствует о подражании шлемам этрусков. Держатель на тулье шлема позволял закреплять там плюмаж или гребень. Как позволяет судить гундеструпский котел, гребень мог принимать форму птицы или животного, несших особое символическое значение. Наверное, самый поразительный образец — шлем из Чиумешти в Румынии (см. с. 49), найденный со сработанным на довольно высоком профессиональном уровне гребнем в виде ворона с расправленными крыльями. Подобные изделия, как и многие другие такой же направленности предметы, имели скорее какое-то парадное назначение, нежели использовались в сражении. Рогатый шлем из района моста Ватерлоо (см. с. 142–143), извлеченный из ила Темзы, и знаменитый шлем из Агри (см. с. 81), собранный из фрагментов, найденных на западе Франции, — все они сделаны из

железа, но снабжены золотыми пластинками и украшены бронзой, серебром и кораллом — лишь два самых ярких примера. К середине I века до н.э. в Галлии получил распространение шлем нового типа, образцом которого является ажанский шлем, выкопанный из земли в районе Алесии. Такого рода изделия называют еще иногда «боевыми котелками». После кампаний Цезаря подобные «горшки» нашли применение у римлян, послужив основной моделью шлема легионера на следующие три века.

Исходя из имеющихся данных, можно смело прийти к выводу об использовании кельтами доспехов уже в ранний период. Верховые воины, изображенные на гальштатских ножнах, облачены, как можно предположить, в плотно подбитые рубахи с «юбками» из кожаных полосок, традиционно называемыми в наше время по-гречески птеругами и прикрывающими часть тела ниже пояса. Скульптурные изображения из Глауберга, раскопанные в захоронениях представителей элиты неподалеку от города Франкфурта-на-Майне в Южной Германии, датируемые, вероятно, концом VI века до н.э., облачены в доспехи, напоминающие подбитые льняные кирасы греческих и этрусских гоплитов того же времени, вместе с характерными оплечьями, закрепленными спереди шнуром. Аналогичные кирасы находим мы также на фигурках сидящих воинов, обнаруженных в оппидуме Антремон на юге Франции.

На каком-то этапе после 400 года до н.э. мастерство кельтских кузнецов достигло уровня, достаточного для создания своего особого вида доспехов. Кольчуга, называемая иногда кольчатой бронью или кольчужной рубахой, состояла из тесно переплетенных одно с другим металлических колечек, напоминавших внешне плотную шерстяную вязку. Хотя сама по себе такая броня оказывалась уязвимой перед проникающим воздействием копья и стрелы, а также рубящими ударами топора или меча, в сочетании с кожаной поддевкой она предоставляла высокую степень защиты от ран, которые в противном случае повлекли бы за собой выход из строя или даже гибель воина; в то же самое время податливое полотно не сковывало движений. Изначально кольчужой могли обзавестись только воины из представителей верхушки знати, поскольку процесс изготовления занимал массу времени, что выливалось в значительную стоимость изделия. Уцелевшие фрагменты позволяют сделать выводы об использовании двух вариантов технологии: колечки вырубались из диска или вырезались из проволоки, спиралью обвивавшей деревянный стержень. Они скреплялись по краям заклепками для снижения шансов на расщепление при ударе острия копья и дротика или наконечника стрелы. Ос-

Бронзовый шлем с золотой инкрустацией из района Марны в Северной Франции. К верхушке мог крепиться плюмаж из конского волоса. Изделие датируется III столетием до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

Уитемский щит интересен не только по причине носимого им ритуального характера, но и из-за вытянутого умбона с довольно абстрактной стилизацией под вепря. Бобыль изначально приклепывался к лицевой стороне бронзового щита (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

татки кольчуги впервые обнаруживаются в могиле, датируемой III веком до н.э. На ранних образчиках, судя по всему, имелись усиления в виде оплечий по типу тех, что находим мы на кирасах гоплитов, а в отдельных случаях — и «пелерины», прикрывавшей всю грудь и верхнюю часть спины. Интересно отметить комментарий греческого автора Павсания о том, что единственным оборонительным вооружением «галатой» являлись щиты. Надо ли делать из этого вывод, что галатийская знать во время кельтского вторжения на Балканы еще не носила кольчугу? Они, совершенно очевидно, применялись — и с большой пользой — кельтами в Северной Италии, поскольку даже римляне воспользовались технологиями заклятых врагов и стали обряжать в кольчуги собственных солдат.

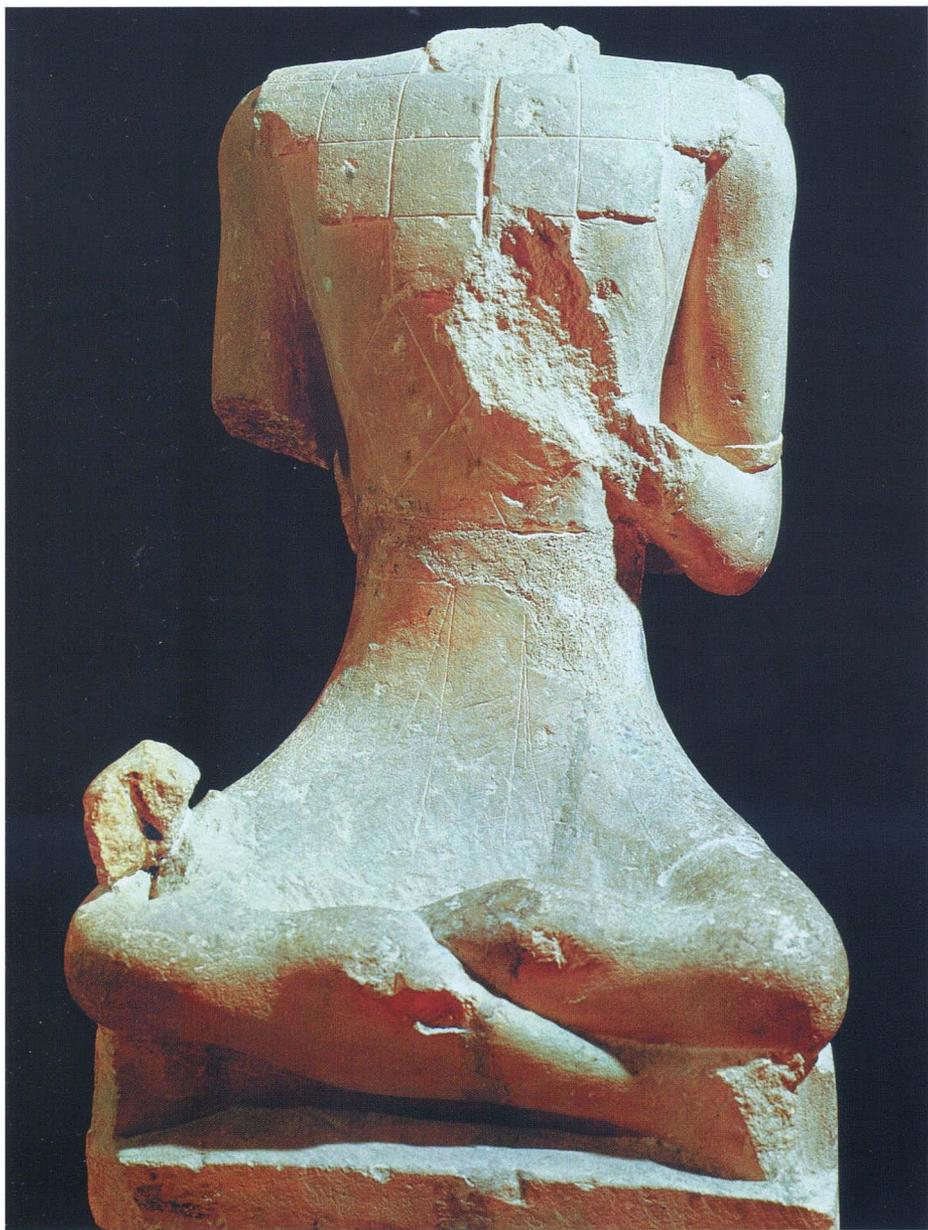
НАГОТА ГЕРОЕВ

Греки и римляне не раз и не два приходили в некоторое замешательство, оказываясь в бою перед совершенно обнаженными кельтскими воинами. Существует несколько упоминаний в отношении подобной практики вплоть до II века до н.э., при этом наиболее замечателен рассказ об эпизоде битвы при Теламоне, когда, как повествует Полибий, кельты сбросили одеяния, поскольку они мешали воинам на покрытой кустарником местности, цепляясь за ветки и колючки. Есть свидетельства о голых кельтских воинах в сражении при Каннах в 216 году до н.э. и в битве с участием галатов столетие спустя. Помимо чисто практического санитарного аспекта — кусочки грязного материала способны попасть в рану, откуда их довольно сложно извлечь, и вызвать воспаление и заражение, — нудистские пристрастия на поле боя почти наверняка имели какое-то религиозное или ритуальное значение. Полибий отмечал «самоуверенность и смелость» гесатов под Теламоном. Защищаемый и наделяемый божествами особой отвагой, воин не чувствовал надобности не только в доспехах, но и в одежде. Остававшийся у него в руке щит не создавал противоречия идее заступничества высших сил. Как меч и копьё, щит входил в набор необходимых предметов, на которые воин не просто имел право, но которые должен был носить.

НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ

Живой рассказ Полибия о битве при Теламоне дает весьма наглядное представление о том, сколь впечатляюще и грозно выглядели кельты в боевых порядках. Кроме того, можно сделать вывод, что кельтское войско на поле сражения вовсе не представляло собой просто «нестройную толпу». В основе развертывания, вероятно, стояли племенные контингенты. В таких

Сидячая фигурка нобили или божества из кельто-лигурийского святилища в Ля-Рокпертюз (Южная Франция). III или II век до н.э. Обратите внимание на признаки прочного льняного панциря греческого или этрусского стиля (Художественный архив / Музей средиземноморской археологии [Марсель] / Дальи Орти).

формированиях кланы, скорее всего, строились отдельными отрядами, возможно, в соответствии с неписаными законами традиции. Знать и прочие воины высокого положения вместе с их дружинами и отрядами занимали места в первых рядах.

Для облегчения опознания той или иной группы в условиях боя и для обозначения места сбора отряда служили штандарты с резными или литыми изображениями божеств — хранителей племени или клана в форме животных или птиц. Как орлы в Риме, такие знамена являлись носителями священной символики. Цезарь рассказывает о принесении галлами торжественных клятв перед выступлением на войну.

КЕЛЬТЫ

Бронзовая статуэтка воина
из Северной Галлии.
I столетие до н.э. (akg-images /
Эрих Лессинг).

Как рассказывали очевидцы, когда кельтское войско, построившись для битвы, завидит противника, оно поднимает ужасный шум. Каждый воин во весь голос разражается боевыми кличами или песнями, и все это сопровождается презрительными выкриками и оскорблениями в адрес неприятеля. Воскрешая подробности сражения на Аллии перед самым разграблением Рима, Ливий писал: «Галлы и вообще по своей природе склонны производить бессмысленный шум, а тогда весь воздух был наполнен леденящими душу звуками: это варвары издавали дикие крики и горланили свирепые песни». О галатах в Малой Азии он говорит следующее: «Все их песнопения, когда идут в битву, их вопли и прыжки, и весь жуткий шум от оружия, когда они колотят им о щиты по обычаю предков, — все это делается с одной целью: устрашить врагов» (*«История Рима»* [здесь и далее текст источника приводится по русскому изданию. — *Прим. пер.*]).

Ко всей этой какофонии, производимой усилиями воинов, добавлялся еще рев карников — боевых труб кельтов. Карник представлял собой длинный рог с раструбом, выходным отверстием по образу и подобию головы и пасти какого-нибудь животного — часто дикого кабана, или вепря. Особенно замечательный экземпляр такого изделия из бронзы посчастливилось найти в Дескфорде, что в Шотландии, на заре XIX столетия. Датируется он серединой I века до н.э. и внешне вполне сравним с теми, которые изображены на гундеструпском котле (см. с. 113). При раскопке дескфордского карника в раструбе его обнаружился деревянный язычок, или пластинка, с помощью которого, очевидно, усиливалась вибрация воздуха в инструменте, издававшем резкий и пронзительный звук.

Когда противоборствующие армии оказывались одна против другой, видные и особенно высоко зарекомендовавшие себя бойцы выходили вперед, желая бросить вызов врагу на одиночный поединок:

Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов. Если же кто примет вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги (Диодор Сицилийский. *«Исторические сборники»* [по Цыбенко. — *Прим. пер.*]).

Ливий говорит об инциденте, когда кельтский воин подтолкнул римлянина к принятию вызова, просто показав язык и посмеявшись над противником. Однако римлянин оказался тем, кто смеется последним, убив вызывавшего. То, как много значила для исхода боя утрата неприятелем боевого духа и веры в победу, продемонстрировано примером такого же единоборства: вполне невинное обстоятельство привело к полной потере желания сражаться со стороны кельта, увидевшего, как ворон садится на римский шлем, а потом взлетает и словно бы намеревается атаковать его (кельтского воина). Последний счел, что боги войны таким образом ясно изъявили волю, дальнейшее сопротивление

Бронзовые наконечники копий из Галлии.

IV век до н.э. (Музей государственных древностей, Сен-Жермен-ан-Лэ [Франция] / Художественная библиотека Бриджмена).

стало в его глазах бесполезным; бой закончился быстро и не в пользу кельта. В ирландском мифе Бадб, богиня войны, и Морриган, Царица Тьмы, обе превращались в ворон. В *Táin Bó Cúailnge* рассказывается о смерти Кухулина, когда в разгар сражения оба божества опустили на его плечо, что воодушевило людей королевы Коннахта (другое название Коннаута, нынешней провинции в Ирландии. — *Прим. пер.*), они сразили Кухулина и взяли его голову.

Поединок один на один служил для воина самым верным способом поднятия собственного престижа. Вызывая врага на схватку на поле боя, он доказывал, что его обещания на пиру не являлись пустым хвастовством и похвалой, подтверждал свою высокую честь, одновременно ставя под сомнение честь противников. Наиболее сильные и горделивые воины считали само собой разумеющимся сыграть особую ритуальную роль в сражении, что было неотъемлемой частью понимания военного дела у кельтов. Они знали, что о храбрости их сложат песни и сказания барды, которые будут воспевать бесстрашных молодцов наряду с героями кельтских легенд и мифов. Одиночный поединок служил и для повышения воинственности прочих воинов, которые сами распяляли себя в преддверии битвы грозными криками и бряцанием оружия о щиты. Считается, что ритуальный бой один на один изначально служил для ограничения конфликтов между ранними кельтскими сообществами, при

этом участники его подчинялись определенным правилам, ограничениям и табу. Через столкновение двух или нескольких силачей в сражении как бы принимал участие весь клан или племя. После ряда поединков выставленных сторонами бойцов-защитников обе они прекрасно видели результаты и в соответствии с этим разрешали противоречия, после чего расходились. По крайней мере, в теории. Вместе с тем, хотя сами бойцы следовали четко установленным правилам, считать, будто

товарищи сраженного и обезглавленного воина смиренно покидали поле, а спутники победителя просто стояли и смотрели, как удаляется их враг, при том что оба войска находились в крайнем возбуждении, означало бы отмахнуться от любых рассказов о боевых соприкосновениях у кельтов и игнорировать саму психологию древних воинов. В *Táin Bó Cúailnge* содержится весьма наглядное описание боевой лихорадки, охватившей героя Кухулина:

И нашло на него безумство сражения. Тебе показалось бы, что каждый волос его вонзился ему в голову и каждый из них колот его острием из искорки огня. Он закрывал один глаз, пока тот не становился похож на игольное ушко, он открывал другой так широко, что тот будто делался величиной с деревянную чашу, он скалил зубы так, что можно было заглянуть в его глотку (Кинсела, *Táin Bó Cúailnge*).

Неизбежным последствием боевого безумия становилась неудержимая атака кельтских воинов. Ярость их броска вошла в легенды и вызвала заслуженный страх повсюду в классическом средиземноморском мире. Тем не менее, если те, кто встречал такую атаку, оказывались готовыми к ней, обладали должной выучкой и дисциплиной, тогда у них имелись все шансы сдержать вражеский натиск. Когда подобное происходило, собственная военная психология кельтов начинала работать против них. Кельтские армии отличались определенного рода хрупкостью и нестабильностью в организационном плане, поскольку состояли из массы индивидуумов, каждый из которых мечтал затмить другого славой и выдвинуться вперед в общественном положении. Если первый вал атаки не приводил к крушению неприятельских порядков, кельты были склонны утрачивать задор. Боевая лихорадка спадала, инициатива переходила к обороняющимся, что обычно вело к поражению кельтов. Несмотря на подтвержденные случаи, когда кельтские армии дрались до последнего, недостаточное упорство в обороне перед лицом более дисциплинированного войска создало им у римлян репутацию довольно нестойкого противника. Концепция сражения самих римлян сильно отличалась от галльской, и обе стороны считали, что оппонент «бьется не по правилам».

Амфревилльский шлем, найденный в реке на севере Франции. Он изготовлен из бронзы, украшен железными деталями, золотом и красной эмалью. Датируется IV столетием до н.э. (ark-images / Эрих Лессинг).

Цезарь так писал о сражении с нервиями на реке Самбра во время Галльской войны:

...они (галлы) вдруг всей массой выскочили из леса и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением (*«Записки о Галльской войне»*).

Однако, несмотря на отчаянные броски воинов и их стремление сблизиться с противником, Тацит в рассказе о битве у Граупийских гор говорит следующее: «...бой велся ими на расстоянии, и британцы при помощи своих огромных мечей и небольших щитов упорно и вместе с тем ловко или перехватывали пущенные нашими дротики, или отбивали их на лету, одновременно осыпая нас градом стрел» (*«Жизнеописание Юлия Агриколы»* [цит. по изд. под общ. ред. С.Л. Утченко. — *Прим. пер.*]).

Метнув дротики с близкой дистанции, воин бросался на вражеский строй, чтобы прорубиться через ряды неприятеля, обрушивая на него удары щита и разя мечом. Если речь шла о столкновении с другими кельтами, то битва быстро распадалась на множество отдельных поединков и боев между небольшими группами или просто схваток один на один. Хаос и невообразимое кровопролитие, которые творились на поле боя, хорошо отражает текст одного оставшегося неизвестным ирландского автора IX века н.э.:

Два войска сошлись одно с другим. Страшным образом порубали и покололи они друг друга. Горькие картины открывались там: словно белый туман мела и извести исходил от щитов, когда на края их обрушивались мечи и копейные острия, кои мастерски отбивали герои; слетали и раскалывались бобыли щитов под ударами мечей и камней; далеко разносился гром скрещиваемого оружия; летели в стороны куски тел и отрубленных членов, рекой лилась кровь великих мужей и храбрых воинов (Джексон, *«Кельтский сборник»*).

Против дисциплинированных и старающихся сохранять порядки сомкнутых частей войск Греции и Рима подобная тактика оказывалась менее действенной. Достигнуть прорыва, прорвать брешь в строю неприятеля было куда сложнее, потому что ни легионеры в когортах, ни гоплиты в фалангах не выражали готовности рассеяться и позволить кельтам схватиться с ними в одиночных поединках. Упоминание Цезаря о галлах как о воинах, сражающихся плотной массой, следует понимать в том контексте, что кельты, остановленные стеной щитов римлян, в большом количестве скапливались там, не имея возможности повсеместно сойтись с ними один на один. Рассказывая о сражении у Граупийских гор, Тацит отмечал беспорядок и даже панику в рядах бриттов, вспыхнувшую после того, как провалилась их первая атака. Тем не менее у нас есть несколько свидетельств о том, как кельтские воины с ре-

шимостью продолжили биться с неприятелем, готовые скорее умереть в бою, нежели бежать с поля. Вот как Цезарь отозвался о нервях:

Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались, стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их металлические копья и пускали назад в римлян («*Записки о Галльской войне*»).

Та убежденность, с которой воины продолжали битву, и готовность их к принятию смерти трудно поддаются нашему пониманию. В конечном итоге они уходят корнями в вопрос личной доблести и чести и объясняются — хотя бы в какой-то мере — прочными узами, связывающими патрона и клиента, в желании воина обрести или поддержать свой престиж и оказаться достойным товарищей, а возможно, также и снискать восхищение врагов.

ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ

Тацит писал о том, что главная сила кельтов заключалась в их пехоте. В то время как такое утверждение верно для кельтского мира на протяжении всего латенского периода, существуют тем не менее свидетельства того, что они славились и как отличные всадники. Для элитных могил еще ни много ни мало как в VIII веке до н.э. характерна конская упряжь и повозки, а это акцентирует внимание на важности лошади как символа положения для гальштатских вождей и показывает рост значения конницы в военном деле, вероятно, под влиянием кочевников скифов. Изображения конников мы встречаем как на гальштатских ножах, так и на гундеструпском котле, что позволяет нам составить мнение о внешнем виде верховых воинов.

Кельты испытывали почтение к коням за их храбрость, скорость и половую энергию. Животное символизировало бога солнца, который часто изображался как всадник с молнией вместо копья и с солнечным колесом вместо щита. В валлийском мифе герой Кульвих в таком виде появился при дворе Артура. Ирландская богиня лошадей Маха выступала по совместительству и как богиня войны. Ее имя появляется в упоминании Павсания о конной тактике галатов, которую он называет тримаркисия (15):

Британская монета I столетия н.э. с изображением кельтского всадника. Обратите внимание на шлем классического стиля (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Украшение конской сбруи из бронзы с эмалевой инкрустацией. Британия. Конец I века до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

К каждому коннику приданы два помощника, которые и сами искусные наездники. Когда галатийские всадники вступают в бой, такие помощники остаются позади их порядков. Если какой-то из всадников погибает, один из помощников заменяет его, когда же он (первый, или главный в тройке всадник) ранен, второй помогает ему вернуться в лагерь. Если же пострадает лошадь, один из помощников приводит ему другого коня («Описание Эллады»).

В дополнение к этому находим упоминание о подобной тактике у Цезаря, так писавшего о кельтской кавалерии, с которой столкнулся в Британии:

К тому же враги никогда не сражались густыми массами, но обыкновенно маленькими группами и на большом расстоянии одна от другой. Повсюду у них были расставлены сторожевые посты, так что одни регулярно сменяли других и место уставших заступали неутомленные бойцы со свежими силами («Записки о Галльской войне»).

За столетие до вторжения кельтов в Грецию они сражались в качестве наемников в греческих армиях, где работодатели особенно высоко ценили их мастерство как всадников. Ксенофонт — греческий писатель, хронист и военный — описывал их тактику «притворного бегства» в бою с фиванцами:

Они ударили на фиванцев, швырнули дротики, а когда неприятель устремился на них, поскакали прочь, поворачиваясь и вновь метая дротики. Выполняя такой тактический прием, они

иногда спешивались. Когда же они подвергались нападению, быстро вскакивали на коней и отступали. Затем, когда противник пускался в погоню, они внезапно разворачивались и осыпали его метательными снарядами. Таким образом они делали своими заложниками все фиванское войско, заставляя его наступать или откатываться, когда хотели («Эллиника»).

Павсаний вспоминал, что «галатой» прибывали к полю боя верхом, а затем спешивались перед боем с врагом, втыкая в землю прикрепленные к конской сбруе колышки и таким образом заставляя лошадей оставаться на месте. Приведенные выше свидетельства показывают нам, что в тот период верховые кельтские воины скорее предпочитали бой по образу и подобию одиночного поединка героев, нежели сталкивались пешими массами.

Кельтская наемная конница — особенно из Иберии и Галлии — пользовалась спросом у средиземноморских полководцев: так, она сражалась на стороне Ганнибала во Второй Пунической войне (218–202 годы до н.э.), а позднее оказывала услуги Риму, обеспечивая Цезарю большую часть его кавалерии. В битве при Рафии в 217 году до н.э. контингент из 4000 кельтских всадников воевал в составе египетской армии Птолемея IV против селевкидского царя Сирии Антиоха III. Атака их на дезорганизованную сирийскую фалангу стала важным вкладом в разгром Антиоха. На исходе I столетия до н.э. 400 кельтских всадников образовывали личную стражу царя Ирода Великого. Прежде они в том же качестве служили царице Египта Клеопатре и были отданы Ироду как презент от Октавиана — будущего императора Августа.

Растущий упор на конницу в военном деле собственно у кельтов подтверждается с конца III века до н.э. и далее фактом удлинения клинков мечей, некоторые из них достигают 90 см. Такие мечи слишком длинны для рукопашной схватки и потому неудобны для пешеходных воинов. На монетах, отчеканенных в I столетии до н.э. боями в Паннонии, мы находим конников, атакующих с длинными мечами. Введение седел с четырьмя выступами-луками отчасти объясняет подобное новшество. Седла такого типа — а они, как считается, пришли в Центральную и Западную Европу от кочевых племен из азиатских степей во второй половине I тысячелетия до н.э. — позволяли всаднику уверенно держаться на спине лошади почти так, как если бы он располагал стременами, изобретения которых кавалеристам пришлось дожидаться еще почти целую тысячу лет. Шпоры, однако, появились у кельтов гораздо раньше. Отмечались также и явные подвижки в области выведения лучших пород, которые тоже служили фактором подъема кавалерии. Есть убедительные археологические свидетельства выведения новых пород лошадей в последние два века до н.э., особенно в Центральной Галлии. Что важно, почти нет данных

Бронзовый щит из Чертси, еще один дорогостоящий предмет, извлеченный из реки в Британии и скорее предназначенный некогда в дар богам, чем для применения в бою (© Совет попечителей Британского музея / PS232422).

по такого характера подвижкам в Британии, где высокопоставленные воины воевали на колесницах во взаимодействии с легкой конницей, используя приемы вроде тех, которые выше описывали Павсаний и Ксенофонт.

Признаки смещения баланса с тактики верховых застрельщиков, использующих дротик, в сторону ударного броска с колющим копьем и длинным мечом можно наблюдать в описаниях Цезарем конных боев в ходе кампаний в Галлии. К тому периоду элита галльских воинов — представителей городской аристократии с их последователями — сражалась почти исключительно верхом, вооруженная копьем и длинным рубящим мечом, защищенная железным шлемом и кольчужной рубахой и восседавшая на более крупных, чем прежде, лошадях, способных нести всадника со всем его выросшим в весе снаряжением. Для римлян такие воины ассоциировались с их собственным всадническим сословием. Нельзя не отметить того интересного обстоятельства, что образ облаченного в доспехи кельтского «рыцаря» невольно воскрешает в памяти тяжелого конника Средневековья, который облачался в кольчужную рубаху и железный шлем и сражался копьем и длинным мечом. Возникает соблазн выдвинуть предположение, что происхождение рыцарей, господствовавших на полях боев в Средние века, особенно во Франции, уходит корнями в эпоху кельтского всадника позднего железного века.

Галльские конники, входившие в состав римского войска Марка Красса во время вторжения в Парфию в 53 году до н.э., по всей вероятности, экипировались так, как описано выше. В катастрофическом сражении при Каррах кельты сами пали жертвами тактики притворных отступлений, превосходно использованной парфянскими конными лучниками. Их разочарование и реакция напоминают поведение гесатов в битве при Теламоне. Греческий автор Плутарх так описывает происходившее там:

...он (Марк Красс) велел своему сыну постараться заставить неприятелей принять бой... молодой Красс, взяв тысячу триста всадников, в том числе тысячу прибывших от Цезаря, пятьсот лучников, а из тяжеловооруженных — ближайше восемь когорт, повел их обходным движением в атаку. Парфяне... повернули назад и поспешно ускакали. (Публий) Красс... погнался за ними... (Когда Публий с конницей оторвался от пехоты), враги, которых они считали убегающими, повернули против них, и сюда же устремились другие, в еще большем числе. (Парфяне) выстроили против римлян лишь своих броненосных конников (катафрактов)... Тогда Публий, ободлив конницу, стремительно ринулся на врагов и схватился с ними врукопашную. Но не равны были его силы с неприятельскими ни в нападении, ни в обороне: галлы били легкими, коротенькими дротиками в панцири из сыромятной кожи или железные, а сами получали удары копьем в слабо защищенные, обнаженные тела... Галлы хватались за вражеские копья и, сходясь вплотную с врагами, стесненными в движениях тяжестью доспехов, сбрасывали их с коней. Многие же из них, спешившись и подлезая под брюхо неприятельским коням, поражали их в живот... Но галлов жестоко мучила непривычная для них жажда и зной. Да и лошадей своих они чуть ли не всех потеряли, когда устремлялись на парфянские копья (*«Сравнительные жизнеописания»* [Цит. по пер. В.В. Петуховой. — *Прим. пер.*]).

КОЛЕСНИЦЫ БОГОВ

Археологические данные позволяют видеть, что кельтские колесницы представляли собой специализированные версии двух- и четырехколесных повозок, применявшихся в погребальных обрядах на ранней стадии железного века. Использование при захоронении двухколесных колесниц в могилах элиты от Шампани до Богемии есть одна из принципиальных составляющих, характеризующих развитие латенской культуры в середине V столетия до н.э. Подобная практика получила распространение, вероятно, от кельтов культуры Голасекка, где повозки обнаруживаются в могилах воинов с конца VII века до н.э., хотя в Британии колесницы почти наверняка применялись в военных целях по меньшей мере с середины бронзового века — во II тысячелетии до н.э. Колесница представляла собой парадную повозку, подчеркивавшую высокий статус того, кто разъезжал на ней, однако она также предназначалась

Чеканная серебряная фалера из Италии. I век до н.э. На подобных дисках часто появляется орнамент в виде кольца из человеческих голов. Отметьте строенную композицию из трех «S» в центре (Художественный архив / Музей римского города [Брешия] / Дальи Орти).

для применения в битве в качестве как транспортного средства, так и боевой платформы. Диодор Сицилийский писал о том, что галлы применяли колесницы с упряжкой из двух лошадей для поездок и для сражений. Колесница несла двух человек — воина и возницу.

Кельтская колесница представляла собой платформу где-то метр на метр с осью и двумя колесами до 0,9 м в диаметре со спицами и металлическим ободом; упряжь состояла из оглобли с хомутом. Борта повозки были представлены двумя скобами из гнутого дерева. По изображениям на монетах можно судить, что, по крайней мере отчасти, боковины прикрывали плетенные из ивовых прутьев или обтянутые кожей панели. Сзади и спереди платформа оставалась открытой для удобства доступа экипажа. Пол ее, вероятно, тоже изготавливался из кожи, что обеспечивало хоть какую-то, пусть самую примитивную, амортизацию. Согласно одной из наиболее свежих теорий, к скобам по бокам от днища шли кожаные постромки. Они поддерживали платформу, делая ее независимой от остальной рамы, к которой крепились ось и оглобля. Опыты, поставленные на полномасштабной реконструкции колесницы, доказали разумность подобной конструкции и основательность догадки. Символическая природа элитной повозки находит отражение в тщательной работе и в качестве отделки. Металлические детали часто инкрустировались эмалью, стеклом и кораллом; уцелевшее колесо из Шотландии, как оказалось, изготавливалось из трех различных сортов дерева. Упряжь тоже покрывалась богатыми украшениями.

Цезаря поразило сделанное им открытие относительно продолжавшегося применения колесницы для военных целей у бриттов, тогда как такая практика отмерла у континентальных кельтов почти за два столетия до этого. Он не поленился дать подробное описание того, как повозки действовали на поле боя:

Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы малопомалу выходят из боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты (*«Записки о Галльской войне»*).

Колесницы особенно успешно использовались против дозоров и заготовителей провизии:

...когда наши солдаты сняли с себя оружие и, рассеявшись в разные стороны, были заняты жатвой, британцы внезапно напали на них, несколько человек убили, а остальных привели в замешательство, тем более что они не могли построиться в ряды; вместе с тем они окружили их конницей и боевыми колесницами.

Неприятельские всадники и колесницы атаковали нашу конницу на походе и вступили с ней в жаркий бой, в котором, однако, наши повсюду вышли победителями и отбросили неприятеля в леса и на высоты. Впрочем, перебив много неприятелей и увлекшись погоней, они сами понесли некоторые потери. Но те спустя некоторое время, когда наши ничего не подозревали и были заняты укреплением лагеря, вдруг выскочили из лесу, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Два приведенных выше отрывка служат хорошей иллюстрацией тактического взаимодействия британских всадников и воинов на колесницах, которые отслеживали и атаковали римлян, прокладывая себе путь по незнакомой территории. Применение конницы и колесниц вместе для оказания взаимной поддержки друг другу показывает, что последние считались более подобающими по статусу для высокопоставленных воинов. Засада и неожиданный наскок из-за укрытия служили излюбленной тактикой кельтов, которые предпочитали неожиданность и малый бой широкомасштабному столкновению. В упоминаниях о колесницах, раскатывавших по полю битвы, чувствуются отзвуки робости, которая забиралась в сердца противника, когда он слышал шум и становился объектом отчаянного броска боевых повозок. Цезарь писал о панике, вызываемой мчавшимися на порядки римлян колесницами. Одновременно практика оставления колесницы знатным воином для рукопашного боя в пешем строю после обмена метательными снарядами, тем не менее державшим повозку поблизости, чтобы при необходимости вновь запрыгнуть в нее, заставляет вспомнить тактику конных воинов, называемую тримаркисией. Можно предположить существование также и в этом случае обычая поединка один на один между знатными воинами или героями равного статуса. В общем, однако, применение бриттами в битве колесниц больше соответствовало старой традиции междоусобиц между кланами и племенами, чем подходило для войны с римлянами. Ритуальный аспект боя между воинами на колесницах отражается в замечании возницы королевы Тары: «Подожди немного, прежде чем разверну колесницу вправо по солнцу,

Бронзовая пластина с украшением из эмали, служившая, вероятно, частью конской упряжи. Найдена на севере Франции, но считается по происхождению британской. Датируется I или II столетием до н.э. (Архив Вернера Формана / Археологический музей г. Бретей).

дабы напитаться мощью от этого знака» (Кинсела, *Táin Bó Cúailnge*). Поворот колесницы вправо, или по часовой стрелке — так, как, считалось, следует вокруг земли солнце, — означал привлечение сил потустороннего мира. Одновременно воин, выполняя такой маневр, обращал к противнику левую сторону со щитом. Подобные действия перед лицом неприятеля могли истолковываться только одним способом. Возница колесницы Кухулина, Луг, согласно ирландской легенде IX века, произнес: «И вот снова колесница тут, и она повернута к нам левой стороной». «Подобного оскорбления терпеть невозможно», — отозвался Кухулин» (Кинсела, *Táin Bó Cúailnge*).

Эффективность колесниц против не привычных к подобным техническим средствам солдат в значительной мере объясняется мастерством возниц, как писал Цезарь:

И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгивать в колесницу («*Записки о Галльской войне*»).

Диодор Сицилийский говорил о возницах как о людях свободных, выбираемых знатью из рядов представителей низших классов и используемых также и в качестве щитоносцев. Между воином и его возницей складывались особенно тесные взаимоотношения. Фактически воин вверял в его руки собственную жизнь, в то время как мастерство и опыт обеспечивали тому особый статус. Ценность возницы подчеркивается в ирландском манускрипте IX столетия, где говорится о встрече Кухулина с вражеским возницей. Несмотря на репутацию беспощадного бойца, Кухулин уверяет противника, что возниц он не убивает. При всем своем мастерстве возницы принадлежали к другому общественному классу. В *Táin Bó Cúailnge* мы находим упоминание об особом их статусе: «Он надел знак возницы на свое чело... темно-желтый обруч, форму которому придали на краю наковальни». Стоимость колесницы, лошадей, содержание их и еще к тому же опытного возницы, не говоря уже об интенсивных тренировках, о которых свидетельствует Цезарь, однозначно указывают на знать как на источник сил для конной элиты, бывший единственным классом в кельтском обществе, располагавшим как временем, так и средствами для того, чтобы посвятить себя подобной службе.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Из рассказов греческих и римских комментаторов становится очевидным, что кельтский воин не страшился смерти в сражении. Война и риск гибели являлись неотъемлемыми составляющими его жизни. Умереть в бою как герой означало покрыть себя славой и обеспечить себе вечную память.

Отношение война к смерти проиллюстрировано, кроме того, устными народными преданиями кельтов более поздней эпохи и археологическими свидетельствами. Как уже упоминалось выше, кельты обитали в среде, в понятиях представителей которой жизнь и смерть не разделялись барьером, а взаимно переплетались. Загробный мир казался очень и очень похожим на тварный мир смертных, но лишенным боли, болезней и старости. Однако тех, кого постиг позор попасться в руки врага живыми, ждала иная — печальная — участь.

Фрагмент каменной скульптуры в виде головы с положенной на нее рукой из оппидума Антремона. Датируется III или II веком до н.э. (akg-images / Эрих Лессинг).

ВОЕННАЯ ДОБЫЧА

Победителю доставалась добыча. Помимо голов побежденных, особенно желанными считались скот, золото и женщины. Стяжание богатства и приобретение через него положения и престижа служили основополагающим мотивом, подгонявшим кельтского воина к подвигам, влекущим его в бой. Процветание и блага средиземноморского мира являлись важнейшим фактором кельтских миграций IV и III столетий до н.э., а также служили соблазном для отрядов наемников. Полибий описывает то, как накануне сражения под Теламоном они оказались жертвами собственного успеха:

...водители галатов... собрались на совет. При этом царь Анероест высказал, что со столь большой добычей, — как можно думать, людей, скота и всякого добра взято было невообразимое множество, — не следует, говорил он, вступать в битву и подвергаться опасности потерять все, но лучше возвратиться невредимо домой и, сложив там добычу, снова, если угодно будет, всеми силами идти на римлян (*«Всеобщая история»*) [Цит. по пер. на рус. яз. — *Прим. пер.*].

Довольно мудрое замечание со стороны Анероеста. Однако столь большое количество всевозможной поживы снизило скорость продвижения кельтского войска до такой степени, что позволило римлянам зажать врага в клещи и уничтожить его.

Тем не менее захваченное на поле боя и в набегах не являлось личной собственностью воина, за исключением голов противников, убитых в поединках. Взятые в плен на войне враги посвящались богам вместе с оружием и доспехами, как и с прочими ценными предметами:

Перед решительным сражением они обыкновенно посвящают ему (Марсу) будущую военную добычу, а после победы приносят в жертву все захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освященных местах, и очень редко случается, чтобы кто-либо из неуважения к этому религиозному обычаю осмелился скрыть у себя что-нибудь из добычи или унести из кучи: за это определена очень мучительная казнь (*«Записки о Галльской войне»*).

РИТУАЛЬНОЕ САМОУБИЙСТВО

Хотя предпочтительным считалось сражаться до смерти, нежели покрыть себя позором плена, складывались ситуации, когда желаемый вариант оказывался недостижим. Исходя из этого, чтобы не попасться в руки врага живым, избежать пыток и унижительной смерти или же продажи в рабство, воин отваживался самостоятельно лишить себя жизни. Полибий повествует нам об Анероесте, одном из кельтских вождей под Теламоном, который

НАПРОТИВ

Каменные головы из
оппидума салювиев

Антремона (akg-images / Эрих
Лессинг).

бежал с поля и, «укрывшийся где-то с небольшим числом воинов, лишил жизни присных своих и себя» (*«Всеобщая история»* [Цит. по пер. на рус. яз. — *Прим. пер.*]).

Ходить далеко за прочими примерами тоже не приходится. Взять хотя бы Бренна после отступления «галатой» от Дельф и — наверное, самый известный — Боудику после крушения восстания иценнов. Упоминание Цезаря о смерти вождя эбурунов Катуволка, покончившего с собой через повешение на вязе, носит отчетливый намек на ритуальную природу деяния — жертвоприношение себя в качестве дара богам. Поразительное скульптурное изображение обнаруживаем мы в храме Афины в Пергаме: воин приканчивает себя мечом рядом с только что убитой им женой, в чем мы видим влияние морального кодекса кельтского воина на умы греков и римлян. Никогда не забывавший о собственном месте в мире и об обязательствах по отношению к нему, крепко помнивший о клятвах богам, кельтский воин просто не мыслит себя проигравшим. Понести поражение в битве, в которой он искал возможности выполнить торжественные обязательства, взятые на себя на пиру и празднестве, и по поведению в которой о делах его судили такие же воины — равные с ним товарищи и соперники, — считалось чем-то совершенно неприемлемым как в личном, так и в общественном плане. Честь требовала от него платить высокую цену.

РАБСТВО

Интенсификация сношений между средиземноморским и кельтским мирами послужила росту соответствующей ценности рабов как товарных активов. Данные тенденции способствовали активизации военных действий между самими кельтами. Следовательно, судьба большинства из захваченных в плен воинов состояла в том, чтобы отправиться на невольничьи рынки. В то же время они требовались и для жертвоприношений. Как мы уже знаем из рассказов Диодора Сицилийского, кельт мог обменять раба на амфору с вином, чтобы потом выпить его со своими товарищами и дружиной, поддерживая таким образом собственное положение в их глазах и в глазах всего племени. С увеличением потребностей в вине и в прочих престижных товарах из Средиземноморья росла и необходимость во все большем количестве рабов для бартерных сделок. Скоро кельты и римляне уже не могли обходиться одни без других. К I веку до н.э. последним приходилось отправлять на работы в Италии тысячи невольников. Не все они, конечно, поступали из Британии и Галлии, хотя в результате кампаний Цезаря отмечался огромный приток рабов именно из этих регионов; в отдельных случаях на продажу шли чуть ли не целые племена. Некоторые из воинов встретили честную смерть на аренах цирков, но большинство окончило свои дни на полях и на виноградниках, где производили так чтимое ими вино.

НАПРОТИВ Римская копия греческого оригинала скульптуры из Пергама (Малая Азия), представляющего кончающего с собой кельта, который только что убил свою жену, предпочитая смерть для нее и для себя вражескому плену. Датируется концом III столетия до н.э. Вместе с Умирающим галлом (с. 194–195) скульптура служит отражением видения представителями средиземноморских культур кельта — «благородного дикаря», — воскрешенного почти 2000 лет спустя европейскими романтиками (akg-images / Эрих Лессинг).

Часть 3
Орел и ворон

ГЛАВА 6

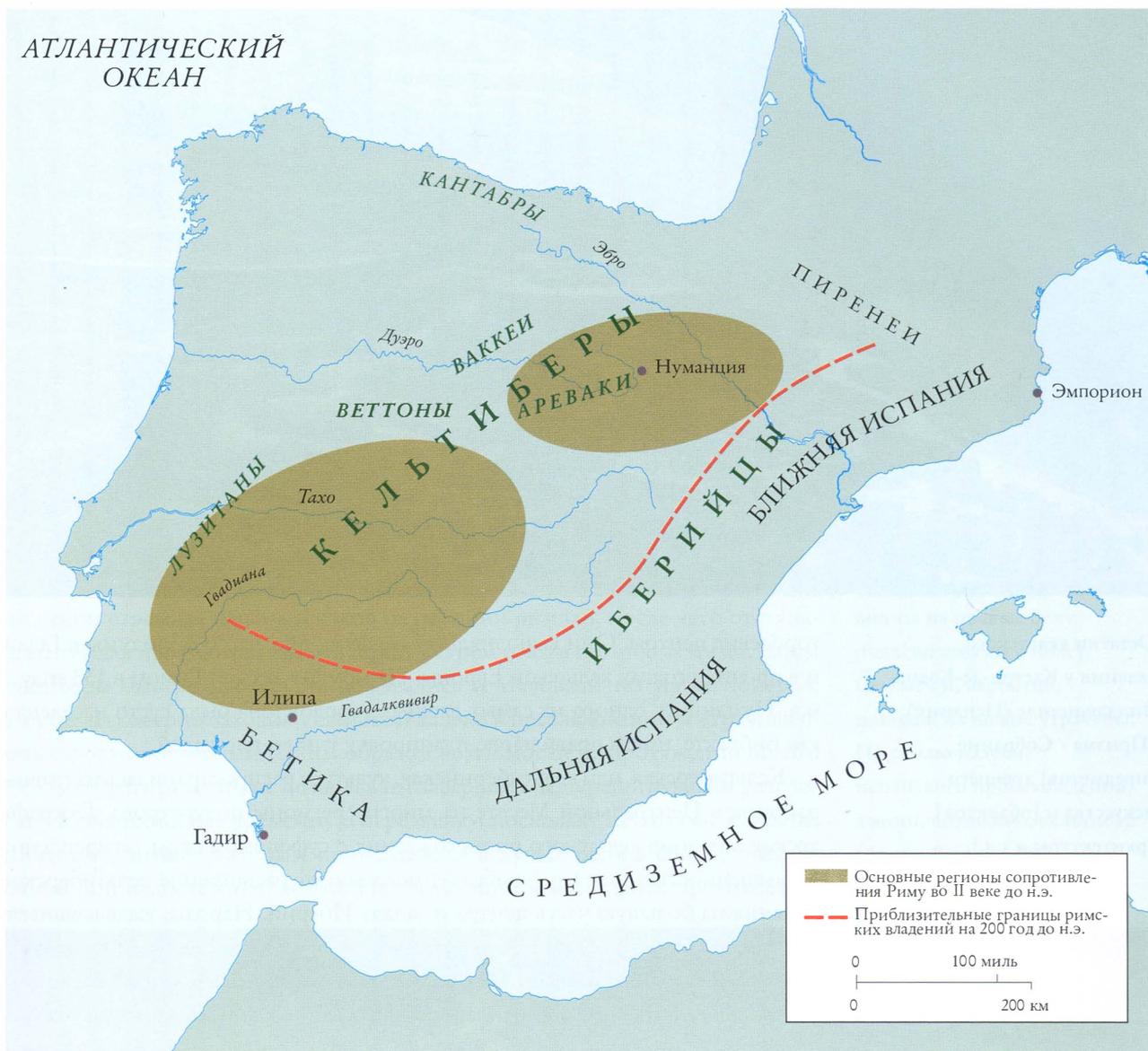
КЕЛЬТИБЕРЫ — ИСПАНСКАЯ ЯЗВА НА ТЕЛЕ РИМА

В древности иберы и кельты воевали друг с другом из-за этой страны, однако затем прекратили распри и стали проживать там совместно, заключая между собой браки, и вследствие смешения и получили такое название (кельтиберы) (Диодор Сицилийский. «Исторические сборники» [По Цыбенко. — Прим. пер.]).

До самого недавнего времени ученые в своих работах проявляли тенденцию обходить вниманием кельтов с Иберийского полуострова. Тем не менее Иберия — единственное место после Галлии, в отношении которого авторы античных источников откровенно используют термин «кельт». Начиная с конца III века до н.э. в работах классических авторов появляются кельтиберы, или *celtiberi*. В действительности же документальные сведения о кельтах на Иберийском полуострове более обширны, чем в прочих регионах, снова, правда, за исключением Галлии. Путем изучения источников представляется возможным выделить три отдельных ареала, расположенных в центре и на западе полуострова, в которых присутствие кельтоговорящих народов недвусмысленно подтверждено фактами: Восточная Месета, северо- и юго-запад. В широком смысле Иберийский полуостров в железном веке можно разделить на две лингвистические зоны: южная и восточная, обращенная к Средиземному морю, населенная не относящимися по языку к индоевропейской семье иберами, или иберийцами, и кельтоговорящие регионы внутренних районов и атлантического побережья. «Пракельтские» сообщества Восточной Месеты занимали удобное положение, позволявшее им контролировать потоки торговли между богатым залежами руд металлов северо-западом и Средиземноморьем, как и те же Гальштатские княжества, служившие посредниками между Заальпийской Европой и Италией. Вероятно, кельтиберы появились в результате тех же процессов, при этом общественные элиты усвоили отдельные культурные составляющие иберийцев, развитие собственной культуры которых обусловлено влиянием гораздо более тесных контактов со средиземноморским миром. В результате возникла культура, являвшаяся в лингвистическом плане кельтской, но значительным образом отличавшаяся в материальных аспектах от гальштатской и латенской культур Центральной и Западной Европы.

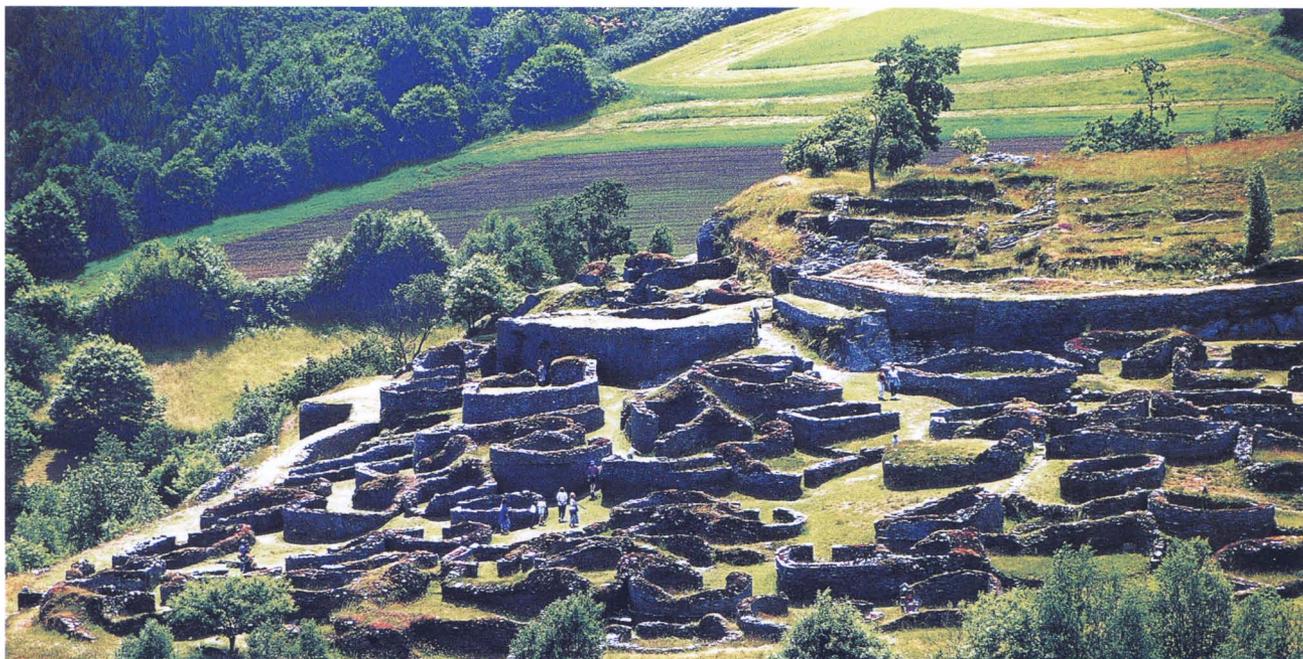
Между тем ряд артефактов, найденных в Иберии, свидетельствует о распространении влияния как гальштатской, так и латенской культур на юг от Пирене-

ПРЕДЫДУЩИЙ РАЗВОРОТ
Шлем из района моста
Ватерлоо. Выполненное из
тонкой бронзы изделие,
скорее всего, предназначалось
для использования
в церемониальных целях
или же как вотивный дар.
Датируется I веком до н.э.
(Архив Вернера Формана /
Британский музей [Лондон]).

ев. Однако ни одна из них не занимала там такого же места, как в Заальпийской Европе. Нельзя исключать возможности миграций групп латенских кельтов на Иберийский полуостров в качестве поселенцев и проникновения их туда в роли наемников. Кельтские отряды присоединялись к кимврам и тевтонам в 104 году до н.э., когда те на короткое время перешли Пиренеи, тогда как Цезарь упоминает о прибытии нескольких тысяч галлов в долину Эбро вскоре после окончания Галльской войны. Тем не менее их воздействие на кельтиберскую культуру представляется минимальным. Кельтиберы строили сильно укрепленные селения на возвышенностях, называемые *castros* и сосредоточенные в долине верхнего течения Дуэро. К исходу III столетия до н.э. некоторые такие крепости — вероятно, ввиду влияния иберийцев — превратились в крупные

Карта Иберии, где показаны места проживания кельтиберов и лузитан, оказывавших сопротивление Риму во II веке до н.э.

Остатки кельтского селения у Кастро-де-Коана, Виллакондиде (Испания). (Призма / Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

городские центры. Они выполняли ту же функцию, что и оппидумы в Галлии и в прочих уголках кельтской Европы. На момент захвата Римом в 133 году до н.э. Нуманции, одного из самых важных городов, она была густо населена и, как Бибракте, имела правильную планировку улиц и площадей.

Кельтиберская, или кельтиберийская, культура распространилась из главных районов в Центральной Месете на многие регионы полуострова. Географические названия кельтского происхождения с суффиксом *briga* («укрепленная возвышенность») или *seg* («победа») показывают расширение кельтиберского влияния на большую часть центра и запада Иберии. Народы, выделявшиеся в работах классических авторов, известны скорее под этническими, нежели узкоплеменными названиями. Исходя из этого верно будет предполагать, что экспансия кельтиберов становилась результатом поэтапного процесса «кельтификации», или «кельтизации», соседних племен, заключавшегося в выдвигании военных элит и захвате власти ими, а не следствием крупных миграций населения. Возрастающее кельтское влияние проявляется также в одежде и оружии при наличии свидетельств об усвоении все более широким кругом племен культа отсеченной головы. Кельтиберы почти не сталкивались напрямую со средиземноморским миром до середины III века до н.э., когда Карфаген начал распространять свое влияние и подчинять себе полуостров. Большое количество представителей местного населения влилось в армии карфагенян в период Второй Пунической войны. Кельтиберским наемникам позднее случилось повоевать в войсках обеих сторон конфликта, когда Рим вторгся в Иберию, все сильнее вмешиваясь в тамошние дела. Письменные источники той поры выводят испанских кельтов как бесстрашных и яростных воинов, сражавшихся с полным презрением к личной безопасности.

Рим положил конец власти карфагенян в Иберии в сражении при Илипе в 206 году до н.э. Регион побережья от Пиренеев до самых Геркулесовых столбов римляне поделили на две провинции — Ближняя и Дальняя Испания (*Hispania Citerior* и *Hispania Ulterior*). Кельтиберы на землях, удаленных от берега, обрели независимость. Однако позиции Рима на полуострове вовсе не были прочными. Враждебные столкновения с иберийскими племенами даже в пределах новых провинций начались почти немедленно и быстро распространились, вовлекая в себя все больше кельтиберов. Прошло еще почти целых 200 лет, прежде чем Рим смог установить полный и безоговорочный контроль над полуостровом. Полибий описывал постоянные конфликты как «войну из-за кустов», или локальную войну, которая характеризовалась не только беспощадностью стычек, но и непривычной природой. Кровавые столкновения перемежались периодами относительного спокойствия, когда сопротивление и противодействие снижались, однако никогда не угасали совсем. Силы и боевой дух легионов постоянно подтачивало упорство кельтиберов, которых никак не удавалось разгромить в решающем сражении. Они предпочитали чрезвычайно действенную тактику, заключающуюся в проведении серии стремительных наскоков на позиции римлян, после чего отступали, вынуждая противника ломать строй, устремляясь в погоню за ними. Затем кельтиберы быстро перегруппировывались и атаковали тех из легионеров, которые легковерно заходили слишком далеко в преследовании и утрачивали связь с формированиями. Таким образом враги могли на протяжении целого дня изматывать римлян, не позволяя им завершить дело решительным разгромом. Ночь приносила временную передышку, поскольку некоторые племена, особенно лузитане, которым принадлежала ведущая роль в войне, считали ночной бой недостойным делом. На следующий день, однако, противостоя-

Золотая брошь с изображением обнаженного воина и его собаки. Ножны видны на правом боку, подвешенными к поясу. Сам меч и, вероятно, плюмаж на шлеме утрачены. По стилю изделие испанского происхождения, а воин, возможно, кельтибер (Архив Вернера Формана / Британский музей).

ние возобновлялось и протекало в том же духе, как и накануне. Только зима приостанавливала боевые действия, но даже и она не всегда.

Завоевание и умиротворение кельтиберов Римом — история глупости, продажности и некомпетентности со стороны гражданских и военных властей, ответственных за это. Полководцы и губернаторы часто больше заботились о наживе и приобретении богатства, чем о том, чтобы хорошо делать свое дело. Богатые природные ресурсы Иберийского полуострова, особенно запасы полезных ископаемых, служили источником постоянного привлечения внимания жадных римских управителей. К местным племенам они относились с презрением, не заботясь об их положении и не считаясь с их нуждами. Наиболее серьезные вспышки восстаний и бунтов являлись неизменно реакцией на самые худшие эксцессы властей, тогда как мирные интерлюдии всегда становились последствиями проявления обеими сторонами какой-то степени взаимного уважения.

ВИРИАТ И ЛУЗИТАНСКАЯ ВОЙНА

Вириат возглавлял лузитан — одну из наиболее могущественных кельтоговорящих племенных групп на западе полуострова. Из-за его противодействия Риму Вириат удостоился чести сделаться национальным героем современных Португалии и Испании по типу Верцингеторига во Франции или Амбиорига в Бельгии. Однако в отличие от них он, как считается, происходил не из высших слоев общества. Тем не менее, учитывая высокий статус воина у кельтов вообще, он и до своего выдвижения на первые роли все же занимал какое-то не самое низкое положение.

Примерно около 150 года до н.э. новый римский губернатор Дальней Испании Сульпиций Гальба предпринял ряд усилий, направленных на пресечение набегов лузитан на территорию римлян, что привело к одному из унижительных поражений легионов. Избегая попыток встретиться с противником в открытом сражении, Гальба и его коллега из Ближней Испании, губернатор Лициний Лукулл, решили объединить усилия и провести в жизнь политику грабежа и уничтожения.

Фальката — недоброй памяти рубящий меч односторонней заточки, грозное оружие кельтиберов. (Фотоархив Археологического музея Мадрида).

Действия дали желаемый результат — лузитане согласились на условия: мир и обрабатываемые земли в обмен на обязательство разоружиться. Собралось около 30 000 лузитан. Отделенные друг от друга в трех лагерях, они сложили оружие, после чего Гальба приказал убить воинов, насчитывавших до 9000 человек, а прочих продать в рабство (16).

Известие о резне вызвало обеспокоенность даже в сенате, но Гальба избежал наказания, несмотря на очевидный факт присвоения большей части доходов, извлеченных из успешно проведенной операции. Размах злодеяния спровоцировал вспышку беспорядков, вылившихся в одно из ужаснейших восстаний, которые только помнил Рим в Иберии.

Вираиат оказался среди тех, кому удалось избежать побоища. Три года спустя он сделался одним из главных вождей вторжения лузитан в Дальнюю Испанию. Возглавляя крупный отряд конницы, он искусным маневром сумел уклониться от тесного соприкосновения с римскими войсками Гая Ветилия, что позволило племенным силам ускользнуть от легионов и успешно отступить. За вышеописанные действия и решимость любой ценой противостоять подчинению Риму Вираиат удостоился избрания в верховные вожди восстания. Горя желанием отомстить за неудачу, Ветилий вернулся к наступательной тактике. Уверенный в том, что численный перевес обеспечит ему победу, Ветилий повел армию вдоль реки Гвадиана. И вновь римляне недооценили противника. Поленившись выслать вперед значительные отряды разведки, Ветилий не сумел эффективно развернуть легионы в боевой порядок, когда Вираиат устроил засаду на узком перевале. Ветилий оказался отрезанным с 6000 своих солдат (его взяли в плен, но, не опознав как главного, убили. — *Прим. пер.*). Заместитель командующего отступил, прикрывая отход силами вспомогательных иберийских отрядов. Их лузитане тоже перебили в назидание тем, кто вздумает служить Риму.

Из Рима на полуостров отправились подкрепления. Так удалось залатать бреши в рядах, появившиеся в результате восстания, однако сил на решительное подавление его не хватило. Римляне вступили в последнюю фазу борьбы с Карфагеном и направляли основные усилия на завершение длительного противостояния с главным соперником за гегемонию в Западном Средиземноморье. Сейчас они могли позволить себе лишь до поры до времени сдерживать Вираиата и лузитан Иберии.

Искусно сработанный бронзовый бобыль кельтиберского щита из Андалузии (Испании). Небольшие круглые щиты, называемые «цетра», пользовались спросом у лузитан (Фотоархив Археологического музея Мадрида).

Однако и этого достигнуть не удалось. Римляне продолжали терять людей и — что еще важнее — утрачивать инициативу. Вириат воспользовался обстановкой и договорился о союзах с кельтиберскими племенами в Центральной Месете. Римские гарнизоны подвергались набегам и попадали в засады; потерпело поражение очередное войско из Ближней Испании. Боевой дух легионов все больше снижался. Следующая анекдотичная история как нельзя лучше показывает плачевное состояние дел у римлян:

В узком проходе 300 лузитан встретили лицом к лицу 1000 римлян. В результате столкновения погибло 70 человек у первых и 320 у последних. Когда одержавшие верх в схватке лузитане отступили, один из них — пеший — оказался окружен отрядом конных преследователей. Одинокий воин поразил коня одного из вражеских всадников копьем и ударом меча отсек голову всаднику, вызвав такой страх у прочих, что они предпочли отступить под его надменным и презрительным взглядом (Кассий Дион. *«История Рима»*).

Вириат переживал пик успеха. Престиж и слава, которые стяжал он, вновь и вновь побеждая римлян, служили причиной, заставлявшей стекаться под его знамена воинов со всего полуострова. Однако скоро маятник начал обратное движение. В 146 году до н.э. Рим в итоге сокрушил и уничтожил Карфаген. Так высвободилась живая сила и прочие ресурсы, необходимые для подчинения лузитан.

В 145 году до н.э. Фабий Максим Эмилиан — сын покорителя Македонии и брат младшего из прославленных Сципионов, сыгравших ведущую роль в разгроме карфагенян в Иберии и в Африке, — получил назначение командующим войсками в Дальней Испании. Наконец у Рима на полуострове появился дельный военачальник. Приняв командование, он потратил год на подготовку необученных новичков и превращение их в боеспособное войско, а также на поиск необходимых связей на местах, при этом отказываясь попадаться на удочку лузитан с их партизанской тактикой. Усилия окупились. В первом же столкновении Вириат потерпел поражение и был вынужден перейти к оборонительным действиям. Победа эта стала для римлян первой на полуострове за почти десять последних лет. Произошло несколько стычек, не давших решительного выигрыша ни той ни другой стороне. Вириат избегал открытых столкновений, предпочитая тактику ударов исподтишка, в которой так поднаторели его воины. Тем не менее годы боев тоже сказали свое слово, унеся жизни многих лузитан. Реальная боевая численность войск Вириата снизилась, ему пришлось отступать в сердце лузитанской территории, где он надеялся получить передышку и пополнить потрепанные отряды. Римляне воспользовались паузой для повторного занятия и замирения территорий, которые им пришлось оставить. «Умиротворение» обычно подразумевало под собой умерщвление воинов и продажу в рабство их семей. Продвижение римлян на собственно лузитанские земли столкнулось с отчаянным сопротивлением. Но вот неожиданно Вириат предложил противнику заключить

Скульптурное изображение кельтиберского воина. Обратите внимание на фалькату и типичный длинный кельтский щит. Головной убор заставляет пускаться в догадки, что там на гребне шлема, конская грива или хвост (Фотоархив Археологического музея Мадрида).

мир. Он настаивал на соблюдении границ Лузитании и предоставлении ее жителям статуса *amici populi romani*, или «друзей римского народа» — иными словами, независимых союзников. Условия были приняты, договор отправился в Рим, где удостоился ратификации в сенате.

Однако покой продлился недолго. Римляне не могли позволить Вириату за здорово живешь наслаждаться жизнью в тени былых побед над легионами. В 140 году до н.э. римляне развернули действия, направленные на провоцирование реакции со стороны лузитан. Вириату пришлось оставить богатый

ВЫШЕ И НАПРОТИВ
Кельтиберский керамический боевой рожок из Исаны и Нуманции. Он мог присоединяться к трубе, подобно галльскому и британскому карниксу (Фотоархив Археологического музея Мадрида).

регион Бетики на юге Дальней Испании, который Рим особенно стремился вернуть. Сама Лузитания вновь подверглась нападению. Измотанные войной племенные вожди лузитан потребовали от Вириата открыть переговоры. На обсуждение новых условий мира он отправил трех подчиненных командиров — Авдакса, Диталько и Минура. Римляне применили принцип «разделяй и властвуй», впоследствии возведенный в догму Цезарем, подкупив вожаков из стана противника с целью убийства Вириата. Хотя о нем говорили, будто он даже спал в полных доспехах, убийцы зарезали его ударом в шею, после чего сбежали в римский лагерь. Они мало выгадали от совершенного злодеяния, получив ответ, что Рим не вознаграждает предателей.

Для лузитан же потеря Вириата означала огромную утрату. Без его таланта и неизбежной решимости драться и долго противостоять врагу они не могли. Возможно, и римляне чему-то научились в ре-

зультате восстания, потому что впоследствии относились к лузитанам с большей терпимостью, чем ко многим другим племенам.

ОСАДА НУМАНЦИИ

Тогда как Вириат и его лузитане угрожали провинции Дальняя Испания, кельтиберы нанесли римлянам унизительные поражения и в Центральной Иберии. Смерть Вириата и окончание войны с лузитанами не принесли передышки на севере. В 137 году до н.э. попытка овладеть опорным пунктом кельтиберов, Нуманцией, закончилась тем, что 4000 кельтиберов сумели поймать в западню и принудить к капитуляции 20 000 римлян.

Нуманция становилась объектом приложения сил римлян, уже несколько раз пытавшихся осадить ее в прошлых войнах с кельтиберами. Как и в противостоянии с лузитанами, римские командующие из раза в раз недооценивали противника и демонстрировали просто невероятную недалекость, что

то и дело оборачивалось скверными ситуациями, когда в засады умудрялись угодить целые армии. Все это обходилось римлянам в исчислявшиеся тысячами человек потери. Обстановка на полуострове сделалась нестерпимой для Рима, так что в 134 году до н.э. назначение консулом в Ближнюю Испанию получил лучший из римских солдат, Сципион Эмилиан Африканский, или Сципион Младший, поставивший точку в истории Карфагена, внук еще более прославленного воителя, Сципиона Старшего, победителя Ганнибала в битве при Заме в 202 году до н.э. Новый консул получил должность повторно в обход закона, поскольку Риму приходилось идти на чрезвычайные меры для восстановления поруганной чести и репутации армии.

В мае Сципион развернул кампанию против Нуманции. Под его началом находилось 14 000 римских и итальянских солдат, плюс к тому такое же количество воинов в местных вспомогательных частях. Многие из них происходили из иберийских племен долины Эбро, подчинившихся Риму. Ценность таких отрядов и их надежность представлялись в лучшем случае сомнительными. Сципион подступил к Нуманции окольным путем, стремясь избежать засад, а заодно и с целью нагнать страху на другие племена — такие, как ваккеи, — которые в противном случае, скорее всего, выступили бы в поддержку нумантинцев.

Оппидум Нуманция располагался на возвышенности, господствовавшей над местом слияния рек Дуэро, Мерданчо и Тера, примерно в 9 км к северу от современного испанского городка Сория. В середине II века до н.э. Нуманция являлась главным городским центром кельтиберского племени ареваков. И сегодня видны еще остатки укреплений и зданий города, расположенных в соответствии с правильным геометрическим планом и могущих служить

свидетелями былого богатства и процветания его жителей. Археологические раскопки показали, что Нуманция занимала площадь в 22 га и имела постоянное население не менее 10 000 человек. Надежно защищенная природой и усилиями человека с трех сторон, она оставляла противнику лишь один подход с северо-востока. Крепость на возвышенности располагала несколькими поясами валов и стен с находящимися на важных участках большими круглыми башнями. Несмотря на наличие у него численного превосходства, Сципион отказался от попытки немедленного штурма оппидума. Недостаточная уверенность в большей части своего войска и репутация ареваков как яростных бойцов, которым к тому же приходилось защищать собственную территорию, убедили консула в том, что осада — лучший способ достижения победы. Римляне возвели временный палисад, отрезав с его помощью подход к Нуманции с северо-востока. Затем они построили вокруг всего оппидума опоясывающую стену протяженностью 9 км (17) и высотой 3 м, защищенную с внутренней стороны 3-метровой глубины рвом. Линия сдерживания проходила и по мостам, наведенным через реки, протекавшие у Нуманции. На 300 деревянных башнях с внешней стороны, расположенных через каждые 120 шагов, установили легкие катапульты. Стена связывала в единую осадную систему семь разбитых на высотах укрепленных лагерей. И сегодня остатки впечатляющего по размаху военно-инженерного сооружения поражают воображение и позволяют понять степень упорства римлян, решившихся во что бы то ни стало подавить сопротивление кельтиберов.

Нумантинцы не оставались безучастными зрителями дневных трудов врага, направленных на их удушение. Перед отрядами строителей приходилось выставять боевые охранения, которые стояли с оружием в руках, готовые отражать постоянные вылазки осажденных. Предпринимались и попытки прорыва на наиболее уязвимых участках укреплений — в местах, где те ограничивались реками, — с целью добыть продовольствие и провести подкрепления. Для противодействия таким неприятельским поползновениям Сципион велел закрепить между берегами на якорях деревянные балки с вделанными в них лезвиями мечей и остриями копий (18). Когда Нуманцию удалось окончательно отрезать от внешнего мира, положение внутри оппидума на протяжении наступившей зимы стало постоянно ухудшаться. Запасы продовольствия истощились, и жители начали умирать от голода. Осажденные предприняли последнюю отчаянную попытку заручиться помощью извне и снять осаду. Небольшая группа воинов сумела ночью перебраться через римские укрепления, украсть лошадей и добраться до городов ваккеев. Хотя страх перед римскими репрессалиями перевесил значение традиционного института подчиненности и пересилил узы верности, отчаянный призыв не остался совершенно не услышанным. 400 молодых воинов из Луции вызвались поддержать осажденных против воли правившей там олигархии. Стремясь уберечь город от беды и не лишиться собственного положения, правители послали весточку Сципиону. Римский командующий быстро подошел к

Замечательной работы кельтиберский серебряный нагрудник I века до н.э., найденный в Шао-де-Ламаш (Португалия) (akg-images / Ниматаллах).

Луции и потребовал выдачи бунтовщиков, которые к тому времени бежали из города. Напуганные перспективой штурма и разграбления города, жители выдали Сципиону оговоренное количество ни в чем не повинных молодых людей, которым отрубили правые руки, чтобы другим было неповадно.

В осажденном оппидуме поняли, что никакой помощи извне они не получат. Ближе к концу весны 133 года до н.э. изнемогающим от голода нумантинцам пришлось отряжать делегацию для переговоров о мире со Сципионом. Рим выдвинул обычные для него условия: безоговорочная капитуляция с конфискацией всего оружия. Как и всегда, подобное было совершенно неприемлемо для кельтиберских воинов, которые считали утрату оружия равносильной потере положения и права называться мужчинами — позором, который хуже смерти. Когда послы вернулись в Нуманцию, сообщив о выдвинутых неприятелем условиях, горожан охватила такая ярость, что выходом для нее послужили сами делегаты, которых сограждане обвинили в сговоре с римлянами и перерезали на месте за все их старания. И все же после девяти месяцев осады, в июле или августе 133 года до н.э., Нуманция сдалась — и сдалась безоговорочно. Греческий историк Аппиан утверждал, что население дошло до каннибализма. Он писал, кроме того, что в безмерной любви к свободе

Умбон кельтиберского щита из золота и серебра. I столетие до н.э. (akg-images / Ниматаллах).

многие предпочитали добровольно уйти из жизни, чем сдаться на милость врага. Целые семьи принимали яд, оружие уничтожалось, а сам город был подожжен. Всех уцелевших продали в рабство, за исключением 50 воинов, которых Сципион оставил для участия в своем триумфе в Риме.

Римляне постановили скрыть Нуманцию и воспретили восстановление, а прилегавшую территорию разделили между соседями.

Падение Нуманции, однако, не ознаменовало собой прекращение сопротивления Риму в Иберии, или в Испании, как она стала называться. Племена Кантабрианских гор на самом севере полуострова удалось окончательно покорить не ранее конца I века до н.э. усилиями войска, возглавляемого императором Августом. Трагический финал борьбы кельтских народов Иберийского полуострова описал римский историк Кассий Дион:

Лишь немногие кантабры были взяты в плен, ибо, когда узрели они, что потеряна всякая надежда на свободу, утратили также и желание сохранить жизнь. Некоторые поджигали собственные крепости и перерезали себе горло, другие добровольно оставались со своими соратниками и умирали в пламени или принимали яд. И таким образом кончило великое большинство и наиболее яростные среди воинов (*«История Рима»*).

ГЛАВА 7

БИТВА ЗА ГАЛЛИЮ

Цезарь не нашел никаких нестроений в Галлии, там было все совершенно тихо. Состояние мира, однако, не продлилось долго. Сначала против него (Цезаря) сама по себе разгорелась одна война, потом к ней прибавилась другая, так что его величайшее желание вести войну и добиваться успеха исполнялось весь период его командования (Кассий Дион. «История Рима»).

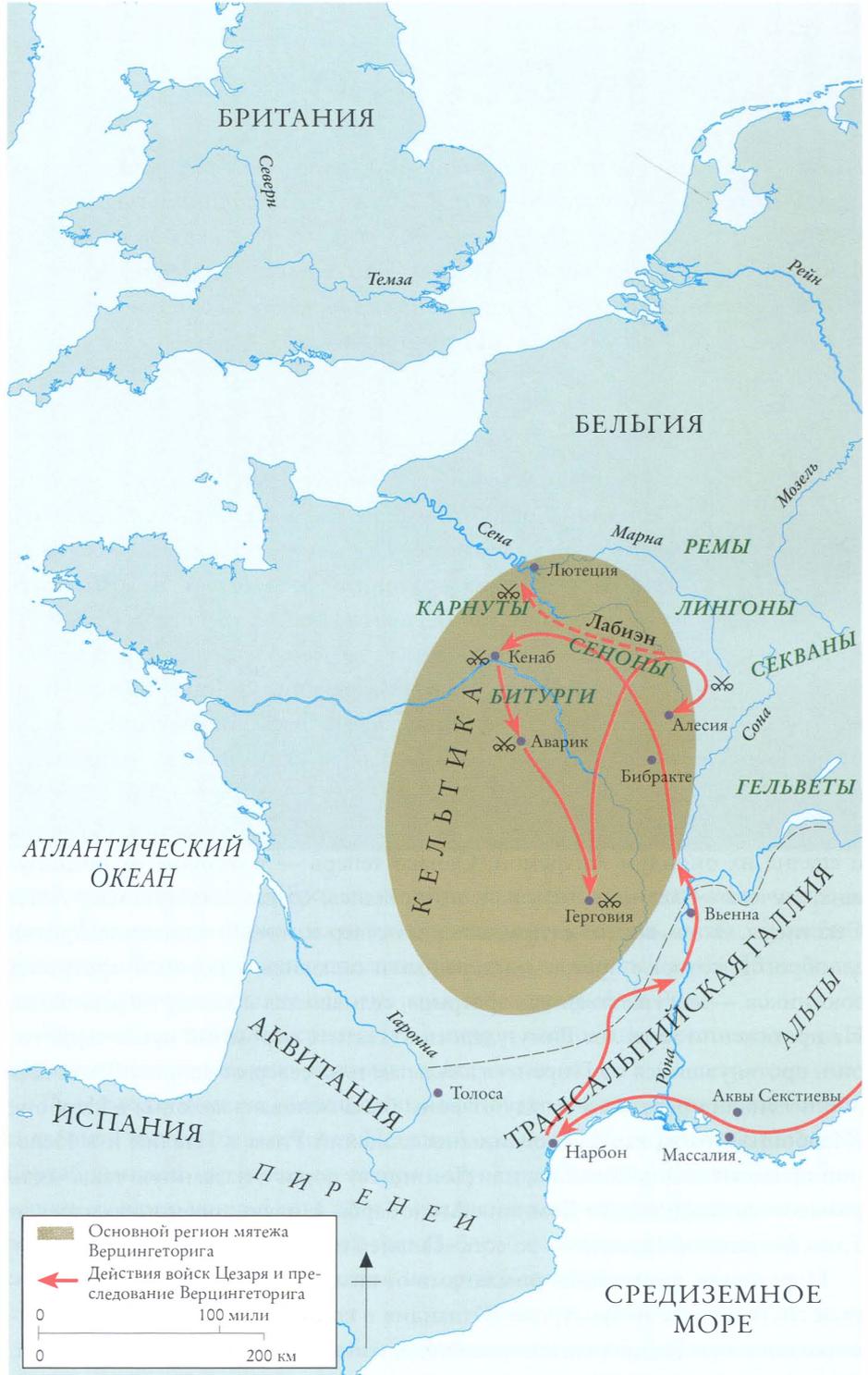
С разрушением Карфагена в 146 году до н.э. гегемония Рима в Западном Средиземноморье сделалась полной. Поражение кельтиберов в Нуманции 13 годами спустя обеспечило безопасность испанских провинций республики. Чтобы связать их с Цизальпийской Галлией в Италии, требовалась сухопутная дорога, которая находилась бы под полным контролем римлян.

Греки Массалии долгое время оставались союзниками Рима. В 125 году до н.э. город попросил помощи против салювиев — племени смешанного кельтского и лигурийского происхождения, которое господствовало на пролегавших по побережью торговых маршрутах, ведших к Альпам и от них. Отправленный на зов союзников римский контингент нанес поражение салювиям и спалил их оппидум Антремон. Однако теперь — в отличие от предыдущих случаев — легионы не ушли, но остались, создав военную базу Аквы Секстиевы. Затем войска отправились на север и начали кампанию против аллоброгов, которые прежде поддерживали салювиев, а потом и против их союзников — могущественных арвернов, селившихся к западу от реки Рона. На протяжении пяти лет Риму удалось отхватить огромный кусок территории, протянувшийся от Пиренеев к Альпам и на север от долины Роны. Для обеспечения побережья к западу от Роны была основана колония в Нарбоне (Нарбонна), тогда как для соединения владений Рима в Италии и в Испании проложили Виа Домиция, или Домициеву дорогу, названную так в честь римского командующего Домиция Агенобарба. Новую провинцию нарекли Трансальпийской Галлией — то есть «Галлией по ту сторону Альп» (19).

Поражения, понесенные римлянами от кимвров и тевтонов в ходе их путешествия на юг с полуострова Ютландия в конце II столетия до н.э., подтолкнули к восстанию галльские племена, изнывавшие под властью римлян. Многие присоединились к мигрирующим ордам. Другие — и прежде всего аллоброги и вольки-тектосаги с юго-запада, отряды предков которых рыскали по Европе, предлагая услуги в качестве наемников, — решили воспользоваться представившейся возможностью и нанести ответный удар римлянам.

КЕЛЬТЫ

Карта Галлии, на которой показаны основные районы сопротивления галлов и направления действий войск Цезаря против Верцингеторига в 52 г. до н.э.

Победы под Аквами Секстиевыми и Верцеллами, одержанные легионерами под руководством наиболее талантливого военачальника, Гая Мария, реформы которого преобразовали римские войска, позволили Риму вновь вернуть утраченные позиции. Тем не менее на протяжении следующих 50 лет провинция продолжала оставаться местом постоянных беспорядков и возмущений, поскольку один за другим сменявшие друг друга на постах губернаторов коррумпированные наместники не видели необходимости сдерживать антикельтские предрассудки римлян, ненавидевших галлов все те 300 лет, что прошли с разграбления ими Рима. Аллоброги вновь взбунтовались, так что лишь с большим трудом их удалось умиротворить в 61 году до н.э., тогда как арверны оставались постоянным источником угрозы за пределами Трансальпийской Галлии. Чтобы обезопасить себя, Рим вступил в союз с одним из наиболее могущественных и благоденствующих племен Галлии — эдуями, бывшими традиционными врагами арвернов. Их земли в Центральной Галлии, в современной Бургундии, располагались в регионе, через который протекали три главные реки страны — Луара, Сона и Сена, — что давало эдуям возможность безраздельно господствовать над главными торговыми путями. Эдуи подталкивали римлян к вмешательству в дела в Галлии еще до образования Трансальпийской Галлии. За давнюю верность они удостоились звания «братьев и друзей Рима». Рим неумолимо влекло в самое сердце кельтского мира.

В те 50 лет, что прошли со времени вторжения кимвров и тевтонов, германоговорящие народы продолжали мигрировать в южном направлении, вторгаясь на кельтские земли к северу от Альп. Проникновение германцев в область верховий Рейна создало давление на гельветов, которые изначально жили за Рейном. Вынужденные к отступлению на территорию современной Швейцарии, гельветы стали искать путей избавления от постоянной угрозы со стороны германцев и задумали переселиться на крайний запад через Центральную Галлию. Миграция тщательно планировалась на протяжении трех с лишним лет, так что, возможно, она позволяет составить представление о том, как готовились кельты к подобным переселениям, когда собирались двинуться в Италию более чем за 300 лет. Гельветы рассчитывали осесть на территории сантонов — племени, жившего на западе Галлии около атлантического побережья. Сумели ли стороны предварительно достигнуть договоренности о мирном переселении гельветов или же те намеревались добыть землю силой, не вполне ясно. Так или иначе, весной 58 года до н.э., когда все было готово для путешествия гельветы снялись с мест, предварительно спалив города и селения и уничтожив излишки урожая зерновых. Они не собирались возвращаться и уже не могли сделать этого. Тем не менее передвижение 300 000 человек (согласно Цезарю) просто не представлялось возможным не заметить, тогда как обстановка в Центральной Галлии и без того уже складывалась нестабильная. Вековая распря между эдуями и их соседями на северо-востоке, секванами, приняла новый оборот, когда последние обратились

к услугам германских наемников из севов — того самого племени, из-за которого, главным образом, и пришли в движение гельветы, — пообещав тем землю в обмен на услуги.

Возглавляемые королем Ариовистом, германцы изрядно потрепали эдуев, после чего обратились против прежних нанимателей. Очередное и более глубокое вмешательство римлян в дела в Галлии стало просто неизбежным. Эдуи обратились за помощью к новому губернатору Цизальпийской и Трансальпийской Галлии, Гаю Юлию Цезарю.

В то время Цезарь вырос в одну из трех наиболее могущественных фигур в Риме. Цезарь, Гней Помпей Магнус (Помпей Великий) и Марк Лициний Красс сговорились заправлять политикой республики, составив так называемый Первый триумвират — неустойчивый альянс политиков, направленный на адаптацию конституции в соответствии с их личными интересами. Из всех трех наиболее слабую позицию занимал как раз Цезарь, не пользовавшийся еще громкой репутацией удачливого военного, как Помпей, и не располагавший несметными богатствами, подобно Крассу. Цезарь надеялся на то, что губернаторство в Галлии принесет ему и то и другое, а значит, поможет усилить политический вес.

Наиболее короткий путь гельветов лежал через земли аллоброгов и дальше через римскую территорию. Так у Цезаря появился шанс спровоцировать войну с галлами. Он запретил им продвижение через Трансальпийскую Галлию, а также предупредил в отношении последствий нарушения границ территории римских союзников эдуев. Когда гельветы продолжили путешествие, обходя римскую провинцию, Цезарь последовал за ними и вынудил принять битву во время переправы через реку Сону неподалеку от столицы эдуев Бибракте. Гельветов постигло полное поражение. Уцелевших — едва ли треть из тех, кто отправился в поход, — отослали обратно в земли, из которых они вышли, восстанавливать там разрушенные селения. Аллоброги же получили

Римские легионеры периода поздней республики изображены на алтаре Домиция Агенобарба. Солдаты Цезаря, надо полагать, снаряжались как-то подобно. Обратите внимание на кольчужные рубахи, которые римляне позаимствовали у кельтов (akg-images / Эрих Лессинг).

наказ снабжать гельветов зерном до тех пор, пока те не обретут способность кормиться самостоятельно.

Из такого решения совершенно очевидно намерение Цезаря использовать гельветов как буфер против дальнейших проникновений германцев через Рейн. Следующей целью Цезаря стали свевы Ариовиста, которые в предыдущем году заняли территорию секванов. Они тоже подверглись разгрому в одном-единственном решительном сражении и были выброшены вон из Галлии.

Обрадованный успехом, Цезарь вознамерился подчинить всю Галлию. Задача его значительно упрощалась готовностью к сотрудничеству со стороны ряда галльских племен, в особенности эдуев и ремов — одного из главных племен бельгов на севере Галлии. Кампания Цезаря в 57 году до н.э. нацеливалась на другие племена бельгов. Из всех них наиболее могущественными являлись нервии, которые, как писал сам Цезарь, с особым презрением относились к прочим — к тем, кто обменял храбрость на римскую дружбу. Благодаря союзу с атребатами и вермандуями, нервии собрали войско из 60 000 человек, с которым стали ждать марша армии на свою территорию. Легионы едва не постигло поражение, когда противник неожиданно атаковал их во время сооружения римлянами лагеря около реки Самбра, однако воинская дисциплина и личное вмешательство Цезаря в боевые действия спасли войско. Бельги понесли серьезные потери и вынуждены были отступить. В следующем году Цезарь открыл кампанию против венетов и прочих племен на атлантическом побережье. Римские галеры, построенные в устье Луары, сумели сокрушить могучий галльский флот, когда внезапный штиль сковал вражеские парусники в заливе Морбиган, на южном берегу современной Бретани. В 55 и 54 годах до н.э. Цезарь предпринял две экспедиции в Британию и дважды переходил Рейн, чтобы проучить германцев.

С военной точки зрения кампании не отличались продуктивностью, хотя произведенное ими воздействие на общественное мнение в Риме оказалось просто потрясающим: никогда прежде римский полководец не уводил легионы с их орлами так далеко за пределы цивилизованного мира. Однако выбор времени для походов оказался не вполне удачным. В отсутствие Цезаря несколько племен бельгов подняли восстание, разозленные реквизициями римлян, отбиравшими у кельтов слишком много зерна в особенно неурожайный год. Возглавляемые вождем Амбиоригом эбуроны устроили засаду

Отчеканенный в Нарбоне римский денарий с изображением фрагмента победной битвы Домиция Агенобарба с арвернами под Битуитом. Датируется примерно 118 годом до н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

НАПРОТИВ Фигура благородного галльского воина из Вашера в Южной Франции, датируемая I столетием до н.э. (Музей Кальве [Авиньон] / Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

и вырезали пять когорт (20) вновь созданного легиона на марше. Цезарь так рассказывает об обстоятельствах страшной битвы, детали которой узнал от немногих уцелевших:

[Храбростью и боевым пылом наши не уступали врагам]: покинутые вождем и счастьем, они видели свое спасение исключительно в храбрости; и каждый раз, как какая-либо когорта выступала из каре, там много врагов падало мертвыми. Как только Амбиориг это заметил, он приказал объявить своим, чтобы они стреляли издали, не подходили слишком близко к неприятелю и там, где он будет наступать для атаки, подавались назад; при их легком вооружении и ежедневном упражнении им никакого вреда не будет; а когда римляне будут снова отступать к своей линии, вот тогда пусть они их и преследуют. Это распоряжение исполнялось со всей точностью: каждый раз, как какая-либо когорта выходила из каре для атаки, враги с чрезвычайной быстротой отбегали. А тем временем этот бок неизбежно обнажался и, будучи неприкрытым, подвергался обстрелу. А когда когорта начинала отступать на свое прежнее место в каре, то ее окружали как те, которые перед ней отступали, так и те, которые стояли поблизости от нее. Если же римляне хотели оставаться в каре, то там не было места для проявления личной храбрости, и вследствие своей скученности они не могли избавиться от снарядов, пускаемых в них неприятельскими массами (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Римский командир, Сабин, которого Амбиориг выманил из лагеря под гарантии неприкосновенности, попытался вступить в переговоры с эбурунами:

А тем временем, пока они вели переговоры и Амбиориг намеренно их затягивал, Сабина мало-помалу окружили и убили. Но теперь эбуроны, по своему обыкновению, закричали: «Победа, победа!» — и, бросившись с диким воем на наших, прорвали их ряды. Здесь был

Кельтские мечи из Бибракте (из коллекции автора).

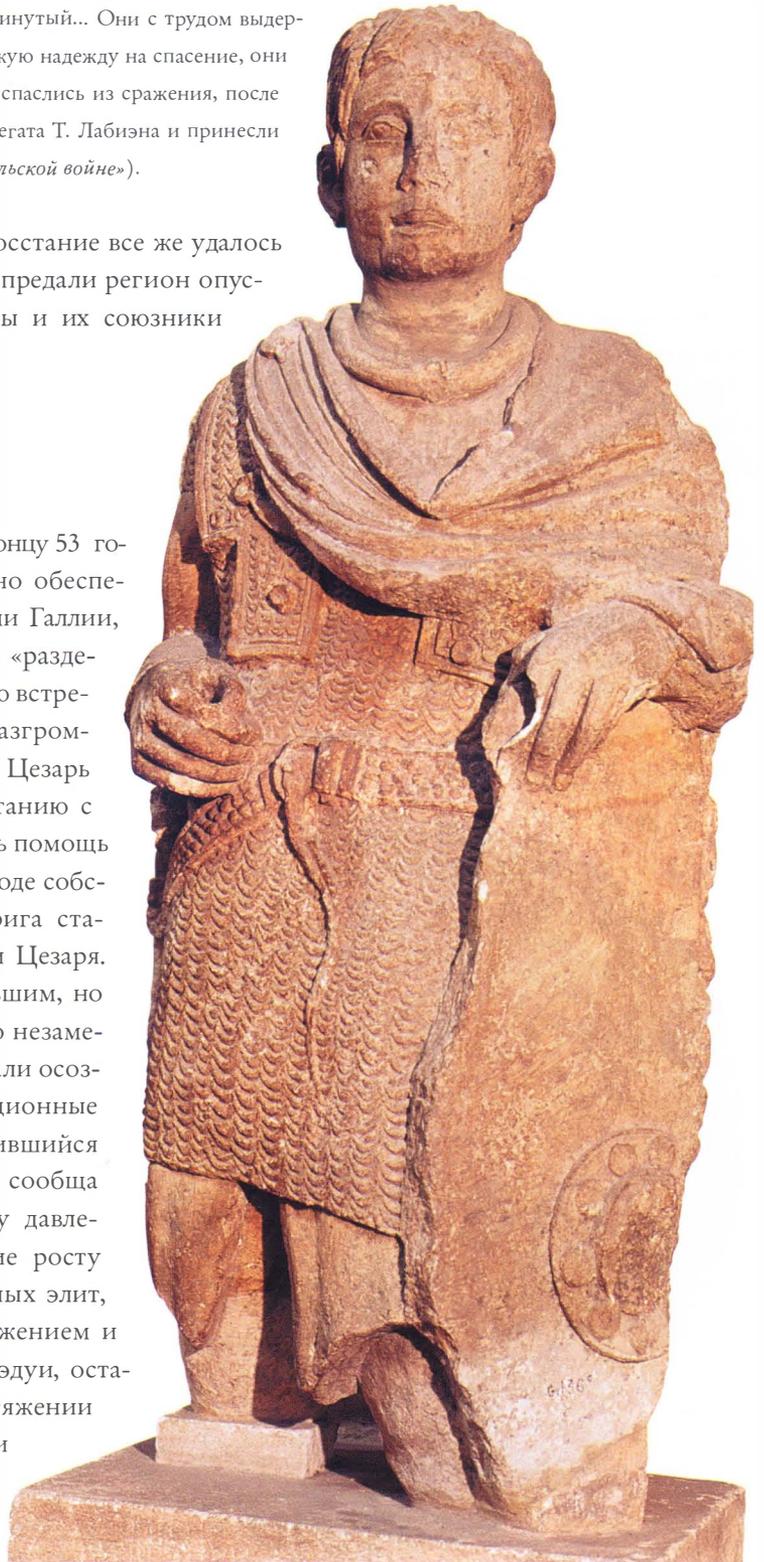

убит с оружием в руках Л. Котта (заместитель командира) и большая часть его отряда. Остальные отступили в лагерь, перед этим ими покинутый... Они с трудом выдерживали штурм вплоть до ночи, а ночью, потеряв всякую надежду на спасение, они все до одного покончили с собой. Лишь немногие спаслись из сражения, после блужданий по лесам добрались до зимнего лагеря легата Т. Лабиезна и принесли ему известие о случившемся (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Хотя и со значительными трудностями, восстание все же удалось подавить, но только после того, как римляне предали регион опустошению. Если верить источникам, эбуроны и их союзники подверглись почти полному уничтожению.

МЯТЕЖ ВЕРЦИНГЕТОРИГА

После расправы с бунтовщиками эбуронами к концу 53 года до н.э. положение Цезаря казалось прочно обеспеченным. Он добился господства над кельтами Галлии, последовательно проводя в жизнь стратегию «разделяй и властвуй». Все племена, с враждебностью встретившие вмешательство римлян, были либо разгромлены, либо приведены к покорности силой. Цезарь же переходил Рейн и водил легионы в Британию с целью помешать тамошним кельтам оказывать помощь племенам в стране, которую считал чем-то вроде собственного удела. Однако восстание Амбиорига стало крупным ударом по слаженной стратегии Цезаря. Оно ознаменовалось первым пусть и небольшим, но поражением римлян в Галлии; это не прошло незамеченным прочими племенами, которые начинали осознавать, что, лишь отложив в сторону традиционные взаимные противоречия и веками укоренившийся обычай войны одних с другими, они смогут противостоять все возраставшему римскому давлению. Предметы роскоши, способствовавшие росту престижа и укреплению положения племенных элит, были чем-то одним, а выбор между уничтожением и подчинением — совершенно другим. Даже эдуи, оставшиеся верными союзниками Рима на протяжении более чем полстолетия, с неохотой приходили к убеждению, что ситуация достигла такой точки, когда надо браться за оружие ради боя за независимость Галлии (21). Пред-

Римская монета образца 46 года до н.э., отчеканенная в ознаменование окончательной победы Цезаря в Галлии. Предположительно изображающий Верцингеторига, аверс отражает стереотипное представление римлян о варваре-кельте с пропитанными известью волосами, длинными усами и торквесом. Фигура героя на колеснице помещена на реверсе монеты (akg-images).

ставители руководства многих племен Центральной Галлии встретились в столице эдуев Бибракте. Только ремы и лингоны решили остаться в стороне — после разгрома бельгов положение этих племен между реками Сена и Марна не только стабилизировалось, но и упрочилось. К тому же они видели последствия провалившегося восстания могущественных северных соседей. Все эти факторы имели достаточный вес, чтобы ремы и лингоны почли за благо сохранить лояльность Риму.

Осознавая факт политических брожений в Риме и нарастание трений между Цезарем и Помпеем, совет в Бибракте пришел к заключению нанести удар не мешкая. Собравшиеся договорились поручить верховное командование молодому вождю арвернов по имени Верцингеториг. Само имя его, если он вообще не принял его в стремлении показать важность возложенных на себя обязанностей, говорит о многом. Оно переводится как «великий воин-царь» или «великий царь воинов». Отца его, Кельтилла, предали смерти за сговор со сподвижниками в целях восстановления монархии и провозглашения себя царем. Находя обстановку в завоеванных землях благоприятной, Цезарь вернулся в Цизальпийскую Галлию, чтобы заняться административными проблемами провинции.

Первый удар бунтовщики нанесли в начале января 52 года до н.э. в Кенабе, современном Орлеане, бывшем тогда главным оппидумом карнутов. Ввиду важности территории карнутов, считавшейся символическим центром Галлии, предполагается, что значительную роль в деле привлечения на сторону восстания этого племени сыграли друиды. Сотни римских граждан — в большинстве своем купцы и торговцы — простились с жизнью, как и другие римляне в городках и селениях по всей Центральной Галлии. В то же самое время Верцингеториг послал отряды на юг через Севеннские горы (иначе Кевеннские. — *Прим. пер.*) в Трансальпийскую Галлию, чтобы беспокоить римлян там, подталкивая к участию в восстании местных галлов. Как только новости о мятеже достигли ушей Цезаря, он тотчас же вернулся, сначала навестив Нарбон с тем, чтобы поставить барьер на пути вторгшихся галлов, а затем пошел далее на север на соединение со своей армией, стоявшей на зимних квартирах в центре Галлии. Застигнув Верцингеторига внезапно, Цезарь перешел еще покрытые глубоким снегом Севенны и в сопровождении лишь малого эскорта поскакал через земли арвернов к городку Вьенна, что южнее Лиона, где сумел переправиться на восточный берег Роны — на более безопасную территорию.

Первейшая задача Верцингеторига, заключающаяся в том, чтобы отрезать Цезаря от его легионов, оказалась невыполненной. Не рискуя сталкиваться с Цезарем в открытой битве, царь с войском предпочел движение и тактику выжженной земли, предавая огню городки и хутора в стремлении лишить римлян запасенного там зерна, в котором они особенно нуждались в столь раннее время года. Однако, несмотря на избранный подход, Верцингеториг откликнулся на слезные мольбы жителей Аварика (Буржа), столицы битуритов, пощадить город, который, как они уверяли его, обладал способностью выдержать любую осаду. Соответственно, римляне обложили Аварик. Горожане слишком понадеялись на мнимую неприступность города: после того как через 27 дней осады римляне отклонили предложение о сдаче, все население — 40 000 человек, по оценкам Цезаря, — было предано мечу. Верцингеториг отступил на юг в сердце владений арвернов, преследуемый Цезарем с шестью легионами, который поставил четыре других легиона под началом наиболее доверенного помощника, Тита Лабизна, чтобы развернуть боевые действия против сенонов и парисиев вдоль долины Сены. Неспособный одолеть римлян, Верцингеториг отступил под защиту мощных укреплений главного оппидума арвернов, Герговии, располагавшейся неподалеку от современного города Клермон-Ферран.

Не имея достаточных сил для планомерной осады, Цезарь решил штурмовать город с ходу, рассчитывая на упорство воинов. Однако план его не удался, операция превратилась в серию плохо скоординированных приступов вверх по крутым склонам холма, на котором высился оппидум; противник

Заросшие растительностью валы оппидума Бибракте (из коллекции автора).

Железный шлем из
Алеси (Государственный
музей древностей, Сен-
Жермен-ан-Лэ [Франция] /
Художественная библиотека
Бриджмена).

отбросил римлян с чувствительными потерями (22). Цезарь тотчас же отошел для соединения с Лабиеном, которому также пришлось отходить от Лютеции — современного Парижа — вдоль по линии реки Сены, так и не сумев обеспечить главнокомандующему северный фланг. Верцингеториг расценил действия неприятеля как отступление. По-прежнему не желая принимать открытое сражение с легионами, он попытался отрезать римлян от снабжения и подкреплений из Италии, блокировав маршрут их подхода. Рассказ Цезаря о последовавшем затем столкновении показывает, сколь возросла роль элитных кавалерийских частей среди племен Галлии:

Всей коннице числом в пятнадцать тысяч человек (Верцингеторигом) отдается приказ немедленно собраться (под Бибракте); что же касается пехоты, то, по его словам, ему будет довольно той, которая была у него до сих пор; он не думает пытаться счастья и давать открытое сражение, но при численном перевесе его конницы ему очень легко затруднять римлян в добывании хлеба и фуража...

Так как Цезарь знал о численном превосходстве неприятельской конницы и, будучи отрезан от всех дорог, не мог получить никакой поддержки ни из Провинции, ни из Италии, то он послал за Рейн к покоренным в предшествующие годы германским племенам гонцов, чтобы получить от них конницу и легковооруженную пехоту, сражающуюся в ее рядах. Когда германцы прибыли, то их лошади оказались не вполне удовлетворительными. Поэтому Цезарь взял лошадей у военных трибунов и прочих римских всадников, а также у добровольцев-ветеранов и распределил их между германцами.

Тем временем неприятельские отряды, двинувшиеся из страны арвернов, соединились с всадниками, которых должна была поставить вся Галлия. И вот, когда Цезарь шел в область секванов окраинной земли лингонов, чтобы, в случае надобности, немедленно подать помощь Провинции, Верцингеториг... созвав на совет начальников конницы... указал им, что настал час победы... Всадники дружно кричат, что надо обязать себя священной клятвой — не принимать в дом и не пускать к детям, родителям и женам никого, кто два раза не проскачет сквозь неприятельскую колонну.

На следующий день галльская конница разделена была на три отряда, из которых два стали угрожать римлянам с обоих флангов, а третий задерживал походную колонну с фронта. При известии об этом Цезарь разделил и свою конницу на три отряда и бросил их на врага. Сражение началось на всех пунктах. Колонна остановилась, обоз был принят легионами в середину. Там, где нашим было трудно и их слишком теснили враги, туда Цезарь поворачивал фронт и направлял атаку; это задерживало напор врагов и ободряло наших надеждой на помощь. Наконец на правом фланге германские всадники овладели гребнем возвышенности и сбили оттуда неприятелей; бежавших они преследовали — и многих при этом перебили — вплоть до реки, где Верцингеториг стоял со своей пехотой. Заметив это, остальные галльские всадники из боязни быть окруженными также пустились бежать. Всюду идет резня...

Оппидум Герговия с юго-востока. Основное направление штурма Цезаря пролегло вверх по склону возвышенности справа (из коллекции автора).

Вид места расположения Алесии с воздуха — с юго-запада. Один из главных лагерей Цезаря располагался на склоне холма в центре на заднем плане (© Археология с птичьего полета Рене Горе).

Когда, таким образом, вся галльская конница была обращена в бегство, то Верцингеториг отвел свое войско, как оно стояло перед лагерем, и двинулся прямо к городу мандубиев — Алесии... Цезарь... пока еще было светло, преследовал неприятеля и, перебив в его арьергарде около трех тысяч человек, на следующий день разбил лагерь под Алесией. Осмотрев местоположение города и пользуясь паникой врагов, которую причинило поражение самой надежной части их армии — конницы, он решил обложить Алесию... (Цезарь. *«Записки о Галльской войне»*).

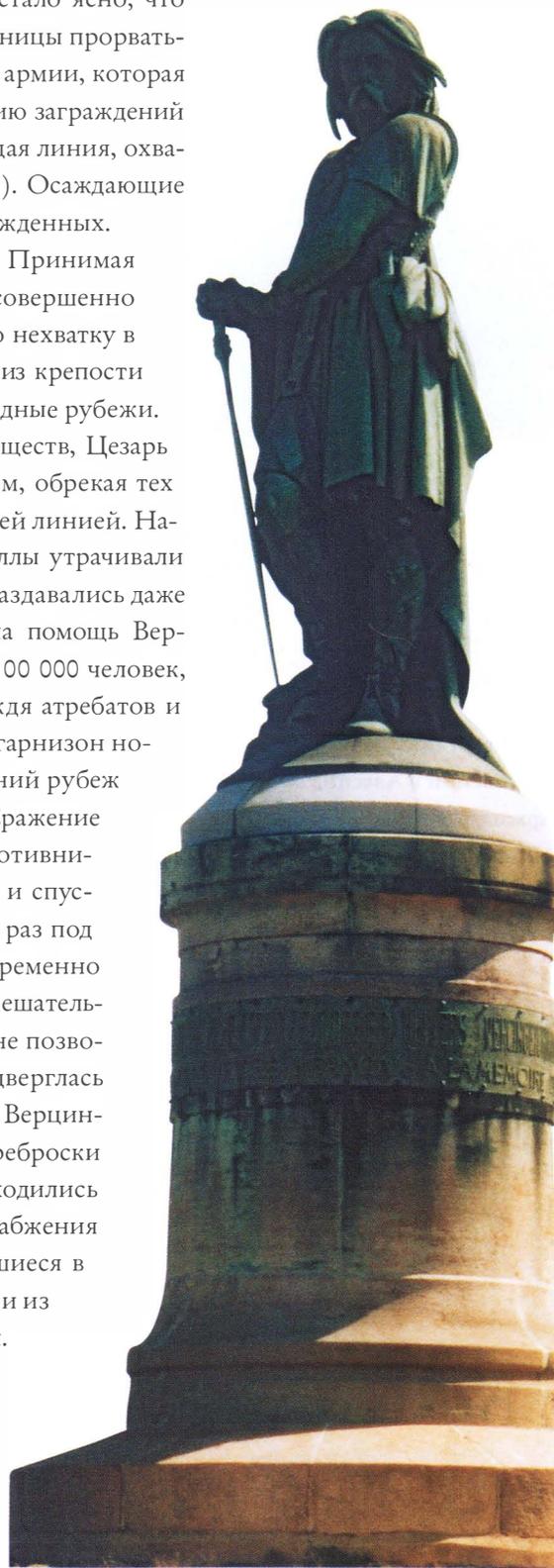
Верцингеториг отступил к Алесии с войском примерно в 80 000 человек. Как и легко предположить, Цезарь пошел за ним. На сей раз при главнокомандующем находились все его силы, и он приступил к блокаде города так, как некогда поступил Сципион Эмилиан под Нуманцией. Цезарь приказал выстроить линию укреплений вокруг Алесии, чтобы полностью отрезать ее от внешнего мира. Внутренний опоясывающий пояс простирался на 18 км, а высота стен его достигала 4 м. На равном удалении одна от другой вдоль стены стояли деревянные башни. С внутренней стороны имелись два рва, каждый шириной 4,5 м, располагавшийся ближе к укреплениям заполнялся водой из ближайших речушек. Полосу препятствий дополняли выкопанные перед рвами ямы со спрятанными в них острыми колючками и шипами. Осадные работы продолжались около месяца. Рассказ Цезаря подтверждается археологическими раскопками, проводившимися в середине XIX столетия. Галлы

НАПРОТИВ Статуя Верцингеторига из Алесии (из коллекции автора).

пытались предотвратить полное окружение Алесии. Когда стало ясно, что ничего у них не получится, Верцингеториг отослал часть конницы прорваться, чтобы привести помощь. Предвидя возможность подхода армии, которая могла снять блокаду, Цезарь велел воздвигнуть внешнюю линию заграждений для прикрытия армии от угрозы извне. Внешняя опоясывающая линия, охватывавшая первую, внутреннюю, достигала в длину 21 км (23). Осаждающие приготовились к тому, чтобы в свой черед превратиться в осажденных.

Положение дел внутри Алесии стало быстро ухудшаться. Принимая во внимание население да и размер войска Верцингеторига, совершенно естественно, что скоро осажденные стали испытывать острую нехватку в продовольствии. Галльский вождь отправил женщин и детей из крепости с просьбой к Цезарю позволить им проследовать римские осадные рубежи. Не желая давать в руки галлов каких бы то ни было преимуществ, Цезарь велел не пропускать нонкомбатантов и ничем не помогать им, обрекая тех на медленную смерть между валами оппидума и опоясывающей линией. Наблюдая за мучениями несчастных и слушая их стенания, галлы утрачивали боевой дух, на что и рассчитывал Цезарь; среди мандубиев раздавались даже голоса в пользу прекращения сопротивления. Прибытие на помощь Верцингеторигу галльского войска, оцениваемого примерно в 100 000 человек, хотя Цезарь и приводит данные в 250 000, под началом вождя атребатов и недавнего союзника Цезаря, Коммия, вселило в осажденный гарнизон новую надежду. Когда Коммий развернул наступление на внешний рубеж римлян, Верцингеториг попытался прорваться из Алесии. Сражение кипело весь день, но к закату римлянам удалось отбросить противника на всех направлениях. Однако галлы перегруппировались и спустя два дня вновь попытались штурмовать укрепления, на сей раз под покровом ночи. Застигнутому врасплох Цезарю пришлось временно оставить участок заграждений. Лишь только оперативное вмешательство римской конницы под командованием Марка Антония не позволило Коммию совершить прорыв. Внутренняя линия тоже подверглась атаке, но темнота и полосы заграждений задержали воинов Верцингеторига, что дало римлянам достаточно времени для переброски подкреплений на угрожаемый участок. Солдаты Цезаря находились на пределе сил и возможностей: лишены достаточного снабжения с самого начала кампании, а теперь к тому же сами очутившиеся в осаде, что вынудило еще сильнее сократить размеры пайка, они из последних сил сдерживали натиск Верцингеторига и Коммия.

На следующий день галлы предприняли еще одну попытку прорвать кольцо осады Алесии. Под началом двоюродного брата Верцингеторига, Веркассивеллана, огромное скопление воинов — 60 000 человек — устремилось в самую слабую точку римских укреплений — на северо-западный участок, где ре-

Реконструкция римских укреплений в Алесии. Археодром (Бон) (из коллекции автора).

льеф местности не позволил обойти сплошной стеной высокий холм, вследствие чего римлянам пришлось разбивать лагерь на склоне. И снова штурм разворачивался во взаимодействии с силами Верцингеторига, которые бросались на приступ со своей стороны в том же месте. Отряды Веркассивеллана прорвали внешнюю линию укреплений. Победные возгласы их были слышны повсюду в оппидуме. Цезарь послал Лабие́на с шестью когортами (номинально около 2500 человек) помочь товарищам остановить поток галльских воинов, текущий внутрь римского лагеря, тогда как сам возглавил контратаку против наступающего изнутри противника. Присутствие на поле боя командующего вселило веру в легионы. Галлов отбросили, удержав внутренний рубеж. Однако участок, где действовал Лабие́н, находился на грани падения. Римляне теряли контроль за полем битвы перед лицом многих тысяч галлов, которые напирали и напирали, продолжая наступать через брешь. Стрелка весов исхода сражения за Алесию склонялась в пользу кельтов. В отчаянной ситуации Цезарь принял личное командование над оставшимся конным резервом — всего около 6000 всадников — и повел их за пределы осадных рубежей, чтобы ударить во фланг и в тыл деблокирующим силам галлов. Поставив все на последний козырь, Цезарь выиграл. За какие-то мгновения атака Веркассивеллана захлебнулась: тех, кто ворвался в лагерь, римляне перебили, а оставшихся снаружи отрезали, когда те пытались отступить.

Верцингеториг наблюдал за разгромом своего войска из крепости. Надежд на спасение не осталось, как не осталось и шанса сохранить независимость племен Галлии. Окружение царя страдало от голода, пришедшие ему на вы-

ручку отряды частью погибли, частью рассеялись. Ждать помощи извне было бессмысленно. На следующий день Верцингеториг один покинул Алесию и сдался Цезарю, как принято полагать, бросив оружие к ногам римлянина и сорвав с себя доспехи прежде, чем преклонить колени в знак покорности. Вероятно, считавшегося предателем по причине прежней службы у Цезаря Верцингеторига отвезли в Рим, где он шесть лет гнил в недоброй славы Марметинской тюрьме до тех пор, пока Цезарь не смог наконец отпраздновать триумф в ознаменование победы в Галлии. Приняв участие в праздничном шествии, галльский вождь был подвергнут ритуальному удушению — человеческому жертвоприношению во имя величия Рима. Остатки гарнизона Алесии и попавшие в плен воины из деблокирующей армии пошли, что называется, с молотка. Эдуи и арверны в целом отделались легким испугом. Цезарь сделал жест доброй воли, пожелав возобновить союз с этими могущественными племенами, взаимодействие со стороны которых, учитывая их влияние и власть над подчиненными им племенами, очень требовалось Риму, если он хотел окончательно утвердиться в Галлии. Битва под Алесией стала концом организованного сопротивления римскому господству в Галлии, хотя ряд операций еще потребовалось провести в 51 году до н.э., среди которых особенно заметная — осада Укселлодуна в самом дальнем юго-западном регионе страны. С его падением Галльская война окончательно завершилась.

Семь лет постоянных боевых действий — с 58 по 51 гг. до н.э. — привели к опустошению сердца кельтского мира. Принято считать, что из трех миллионов населения, проживавшего в Галлии к моменту начала кампаний Цезаря, до одного миллиона человек погибло или было угнано в рабство. В экономическом плане Галлии понадобилось 50 лет на восстановление, политически же она уже никогда больше не стала прежней. Те, кто, как Коммий, не желали смириться с потерей независимости, не имели выбора, кроме бегства в Британию — в последнюю землю кельтов, солнце которой еще не заслонила тень Рима.

ГЛАВА 8

«ЗА ОКЕАН»

До Священного Острова, называемого так древними, по воде кораблем два дня пути. Остров велик размером и лежит между волн. Живет там народ иернов. Поблизости расположен остров Альбион (Авиен. Ora Maritima / «Морские берега»).

Древним грекам и римлянам Британия представлялась страной, окутанной загадкой и лежавшей на самом краю ойкумены. Во второй половине IV века до н.э. греческий автор Гекатей Милетский описывал остров, расположенный за морем от земель кельтов и считавшийся по размерам таким же, как Сицилия. Прочитываемую выше поэму «Ора Маритима» сочинил латинский поэт Авиен в IV столетии н.э. Автор опирался на ряд более ранних текстов, включая «Массалиотский перипл», где описывались путешествия жителей Массалии вдоль атлантического побережья Европы железного века от Южной Иберии до Бретани, Ирландии и Британии. В V веке до н.э. карфагенянин Гимилькат стал первым из упомянутых в истории средиземноморских мореплавателей, рискнувшим пуститься в путь к островам «за океаном». Он добрался до островов Эстримнида, расположенных, по всей видимости, вблизи южного побережья Бретани. Туземное население торговало с островами Альбион и Иерне, что располагались в двух днях пути по воде на север. Ближе к концу IV столетия до н.э. греческий путешественник Питей из Массалии обследовал атлантические берега далеко на север вплоть до легендарной Ультима-Туле (Исландии), продвигаясь непосредственно вдоль побережья Британии. Наблюдения, сделанные Питеем в ходе его героического вояжа, позднее использовал Диодор Сицилийский, написавший следующее:

Жители Британии, обитающие у мыса Белерий, отличаются исключительным гостеприимством, нравы же их по причине присутствия иноземных купцов мягкие. Олово они получают, умело обрабатывая рудную породу. Порода эта каменистая с землистыми прожилками, из которых посредством обработки и плавки удаляют породит. Придав олову форму бабок, его доставляют на остров, который находится перед Британией и называется Иктис... Купцы покупают там олово у местных жителей и доставляют его в Галлию. Наконец, уже по суше, через Галлию, двигаясь приблизительно тридцать дней, груз доставляют на лошадях к устью реки Родана (Роны) («Исторические сборники» [по Цыбенко. — Прим. пер.]).

За плечами у жителей Британских островов долгая история торговли металлами с континентальной Европой (особенно оловом, необходимым при

производстве бронзы), которые вывозились морем из юго-западных районов Британии в расположенные на атлантическом побережье порты тартесцев, а позднее финикийцев, после чего их посуху везли через Галлию в Западное Средиземноморье. Мыс Белерий считается сегодняшним Лизард-Пойнт в Корнуолле, а остров Иктис, должно быть, Мон-Сен-Мишель. Если догадки верны, то наиболее вероятный маршрут торговцев оловом пролегал вокруг Арморика к Эстримниду в устье Луары. Венеты из Южной Бретани пользовались славой особенно опытных мореходов, располагавших крупными, пригодными для хождения по морю судами для регулярных плаваний в опасных водах Армориканского полуострова и через Ла-Манш.

Диодор пользуется термином *Pretannia* — латинизированной формой «Преттанике» Питейя — для обозначения страны и *pretani* — говоря о ее обитателях. Признанно, что «претани» означает «окрашенные» или «татуированные» и указывает на использование бриттами голубого красителя, добываемого из растений. В таком случае наиболее вероятно, что прозвище они получили скорее от чужаков — возможно, от континентальных кельтов, — а не пользовались им для определения самих себя как исконных жителей Британии. Можно провести сравнение со словом *picti* — пикты, — под которым римляне в III веке н.э. подразумевали народы за границами в Северной Британии. Мы слышим отголосок «претани» в валлийском названии Британии, *Prydein*, как и в римском *Britannia* и современном английском *Britain*. Названия Альбион и Иерне, скорее всего, кельтские и, возможно, использовались самими жителями. Самым первым рассказом очевидца о Британии и ее обитателях для нас служат воспоминания Цезаря о двух его экспедициях из Галлии в 55 и 54 годах до н.э.:

Внутренняя часть Британии населена племенами, которые, на основании древних преданий, считают себя туземцами, а приморские — выходцами из Бельгии, переправившимися для грабежей и войны [все они носят здесь названия тех племен, от которых они происходят]; после войны они там остались и стали заниматься земледелием... Наиболее цивилизованные из всех этих народов — жители Кантия (совр. Кент), местности целиком береговой, и их образ жизни немногим отличается от галльского. Жители внутренней части Британии большей частью не засевают полей, а питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

Высказывания Цезаря в отношении групп кельтов, переправившихся в Британию с континента и расселившихся среди туземных кельтоговорящих народов, подтверждаются данными в отношении названий племен и археологическими свидетельствами. Бельги и атребаты из центральных районов Южной Британии и парисии из Йоркшира — все имели связь с севером Галлии. Согласно Цезарю, Дивитиак — вождь бельгов-суеционов — также правил частями Британии, что заставляет вспомнить о кельтском обычае зависимости одних от других не только отдельных личностей, но и целых

племен. Как одно время считалось, бельги переместились в Британию между концом II и началом I века до н.э. Некоторые, вероятно, и в самом деле покинули пределы Галлии, где стало очень небезопасно в результате миграции кимбров и тевтонов и из-за роста конфронтации между галлами и римлянами вследствие создания римской провинции Трансальпийская Галлия. Тем не менее артефакты континентального и даже дунайского происхождения, датируемые уже III столетием до н.э., недвусмысленно указывают на то, что бельги переселились в Британию примерно в то же самое время, когда они обосновались в Северной Галлии. Речь идет не о широкомасштабном вторжении, а о прибытии довольно небольших отрядов воинов, которые быстро интегрировались в элиту местных сообществ. В могилах, например, парисиев обнаруживается много континентальных артефактов, в особенности остатки искусно сработанных двухколесных колесниц, хотя тела и погребались в соответствии с местными обычаями.

В отношении же Ирландии карта греческого географа Птолема, жившего во II веке н.э., подтверждает факт по меньшей мере осведомленности людей в средиземноморском мире о существовании земли, называемой римлянами Ибернией. На карту нанесены не только наиболее важные особенности ирландской береговой линии, но и названия некоторых особенно крупных и влиятельных племен. Особенно интересны упоминания о бригантах и менапиях, поскольку такое же имя носила могущественная конфедерация в Северной Британии, тогда как название последних почти идентично с манапиями — племенем бельгов на севере Галлии. Исходя из этого, можно констатировать очевидное: процессы больших кельтских миграций III столетия до н.э. не обошли стороной и Ирландию. В средневековой ирландской «Книге вторжений» описывается традиционный приход гэлов (также гаэлы, галлы, или гойделы. — *Прим. пер.*) и Фир Болг в Ирландию, что может служить отражением древней народной памяти о прибытии бельгов и прочих отрядов континентальных кельтских воинов. Тем не менее археологические данные не подтверждают широкомасштабного переселения кельтоговорящих народов в железном веке ни в Британию, ни в Ирландию.

Несмотря на замечание Страбона о будто бы характерной для обитателей Ирландии еще большей дикости даже по сравнению с бриттами и о готов-

Этот бронзовый бобыль II–I вв. до н.э. — все, что осталось от извлеченного из Темзы в районе Уондзуорта кельтского щита, который бросили туда, судя по всему, как дар богам. Он украшен изображением двух птиц, крылья которых перерастают в орнамент в виде завитков (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Это богато украшенное зеркало из Десборо с абстрактным чеканным орнаментом представляет собой великолепный образчик островного латенского искусства. Ровный бронзовый «Экран» должен был быть весьма тщательно отполированным (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

ности ирландцев предаваться каннибализму, остров вовсе не являлся некоей неизвестной и совершенно изолированной страной. Тацит говорил о заметной схожести ее по климату, характеру и материальной культуре жителей с Британией. Побережье Ирландии и ее бухты хорошо знали торговцы. Насколько известно, Агрикола был единственным римским полководцем, замышлявшим поход туда. В ходе кампании на шотландских низменностях он сделал прикидку и пришел к выводу, что для овладения страной и удержания ее в повиновении понадобится всего один легион и сильное формирование вспомогательных войск. Если учесть тот факт, какие усилия потребовались от римлян для завоевания Британии, подобные оценки кажутся чрезвычайно оптимистическими.

К I веку до н.э. кельты из южных и юго-восточных районов Британии мало чем отличались от своих родичей и соседей по ту сторону Ла-Манша в том, что касается материальной культуры и общественного, экономического

и политического развития. Появлялись города-государства — укрепленные оппидумы вроде Камулодуна и Веруламия (Сент-Олбанс) уже стали центрами сосредоточения власти, сравнимыми с континентальными городами. Кельты усвоили эмиссию денег на основе континентальных стилей. Надписи на латинском языке сохранили имена царей и знати, включая Коммия — государя атребатов — и вождя катувеллаунов Кунобелина, спустя столетия послужившего прообразом шекспировского Кимбелина.

ЭКСПЕДИЦИИ ЦЕЗАРЯ

Утром 27 августа 55 года до н.э. эскадра из 80 судов с двумя римскими легионами на борту — приблизительно 10 000 человек — под личным командованием Цезаря бросила якоря в виду побережья Британии. Перед ними высились белые меловые скалы неподалеку от будущей гавани Дувра. В ряд по верхушкам скал выстроились тысячи британских воинов, изготовившихся к битве. В поисках подходящего места для высадки римляне прошли несколько миль на северо-восток вдоль берега, однако часть неприятельского войска последовала за ними. Римляне попробовали было выбросить корабли на гладкий и покрытый галькой берег возле Диля, но ничего не получилось из-за слишком глубокой осадки судов. Тем временем бритты выдвинулись на мелководье, провоцируя римлян покинуть безопасные корабли. Встревоженные незнакомой ситуацией, легионеры держались в отдалении, не желая предпринимать попыток высаживаться на глубину, что поставило бы их в очень невыгодное положение перед противником. Как говорит нам источник, именно в тот момент аквилифер — орлоносец — любимого Цезарем 10-го легиона швырнул штандарт в гущу вражеских воинов (24) и прыгнул за борт, криком призывая прочих последовать за ним. Мысль о позоре, которым они покроют себя, если столь почитаемый священный символ легиона останется у бриттов, развеяла робость римлян, которые один за другим попрыгали в воду и с боем проложили себе путь на сушу.

Бриттов удалось отбросить, но Цезарь не имел возможности отправить погоню без конного контингента, который еще не прибыл. Римляне создали и расширили береговой плацдарм, выволакивая на берег все больше и больше кораблей, и заключили перемирие с бриттами, которые обязались выдать заложников. Через четыре дня на горизонте показались транспорты с римской кавалерией. Однако в процессе их приближения разыгрался ужасный шторм, разметавший корабли и заставивший их уйти обратно через Ла-Манш. Волны и ветер потрепали и оставшиеся на якорях суда, погнав их и выбросив на берег, где они повредили уже находившиеся там корабли. В отсутствие конницы Цезарь не мог рассчитывать на широкомасштабные действия. Любое продвижение в глубь земли, какое бы он ни запланировал, становилось невозможным, даже фуражировка превращалась в довольно рискованное занятие. Римляне

Белые скалы Альбиона, какими увидел их Цезарь, впервые оказавшись в Британии (© Рик Эрджебрайт / CORBIS).

заялись спасением и приведением в порядок материальной части флота. Тем временем бритты, увидев, в сколь неудобном положении очутились чужаки, решили забыть о заключенном перемирии и принялись стягивать подкрепления с намерением сбросить легионы в море. Не готовые к прямому штурму укрепленного лагеря, они постоянно тревожили римские дозоры и отряды фуражиров, отряжаемые на заготовку жизненно необходимых запасов зерна. Через несколько дней Цезарь развернул войска перед лагерем, надеясь спровоцировать атаку бриттов на удобные для легионеров позиции. Бритты устремились в бой, но не сумели прорвать строя римлян. Атакующие откатились в беспорядке, потом и вовсе побежали, а легионеры бросились в погоню. На следующий день бритты снова отправили посольство для переговоров. Туземцы очень бы хотели избавиться от римлян, тогда как и Цезарь понимал, насколько неблагоприятна для него складывающаяся ситуация. Наступать он не мог, вместе с тем приближалась зима, которая грозила отрезать его от Галлии и происходивших в ней событий. Он потребовал вдвое больше заложников, чем накануне, и, посадив легионы на корабли, за исключением признанных негодными для применения двенадцати судов, отправился в обратный путь.

Цезарь встал на зимние квартиры на территории бельгов в северо-западной Галлии. Из обещанных бриттами заложников прибыли лишь очень немногие. Цезарь решил использовать данное обстоятельство как главный повод вернуться в Британию в следующем году, поскольку, как можно с уверенностью предположить, искал способа усилить личные позиции и добиться более весомых результатов, чем в не увенчавшейся большими победами первой экспедиции. В начале июля 54 года до н.э. армада из 800 кораблей вышла из Гесориака (Булонь) с пятью легионами и 2000 всадников. Как и в прошлый раз, высадка происходила в районе Диля с той лишь разницей, что теперь в

отсутствие вражеского противодействия. Цезарь с основными силами войска двинулся в глубь территории от берега, преследуя отступавших бриттов. Те попытались преградить путь противнику на реке Стур — вероятно, поблизости от современного Кентербери, — но тот вынудил их отойти за укрепления оппидума Бигбери. Не без некоторых усилий 7-й легион овладел этой крепостью на возвышенности. Бриттам вновь пришлось отходить, тогда как Цезарь предпочел не рисковать продолжать продвижение по незнакомой местности. Ночью на Ла-Манше опять разыгрался жестокий шторм, повредивший некоторые из кораблей. Прежде чем разворачивать какие-то дальнейшие операции, предстояло консолидироваться на береговом плацдарме и приступить к крупным ремонтным работам по приведению в порядок плавучей матчасти. На сей раз бриттам удалось временно преодолеть межплеменные розни и умерить соперничество, назначив верховным главнокомандующим антиримских сил Кассивеллауна — короля, или царя, могущественного племени, позднее известного как катувеллауны. Бритты вновь заняли позиции на линии реки Стур, но после упорного сражения Кассивеллаун оказался вынужден перейти к отступлению с боями в направлении Темзы. От пленных и перебежчиков Цезарь узнал, что перейти Темзу можно только в одном месте, и то не без трудностей. Бритты построились на противоположном берегу, укрепленном воткнутыми в него над и под водой острыми деревянными кольями. Тем не менее, напор легионов и римской конницы позволил им форсировать реку, причем с таким воодушевлением, что войско Кассивеллауна оказало лишь символическое противодействие, перед тем как прекратить бой и поспешить искать спасения в бегстве в прилегающие леса.

Большая часть бриттов была рассеяна или, что более вероятно, разбежалась по причине утраты веры в способность вождя одолеть римлян. С Кассивеллауном осталось 4000 воинов на колесницах — возможно, его собственная дружина. В лесистых районах к северу от Темзы он взял на вооружение тактику неожиданных набегов, против чего римляне мало что могли предпринять, и тактику выжженной земли с намерением лишить врага продовольствия и прочего снабжения. Однако тут стали проявляться старые разногласия. Племена, которым вовсе не улыбалась перспектива господства катувеллаунов, — в особенности не менее могущественные, чем те, тринованты, — начали пробовать заручиться дружбой Цезаря в обмен на защиту от Кассивеллауна. От них римский командующий узнал о существовании оплота катувеллаунов — вероятно, крепости на возвышенности в Уитгемстеде, располагавшейся неподалеку от современного Сент-Олбанса. И снова бритты не сумели устоять перед яростным напором легионеров, хотя сам Кассивеллаун и избежал пленения. Не унывая перед лицом неудачи, он послал весточку союзникам на юго-востоке с просьбой развернуть наступление на римский базовый лагерь на побережье в попытке вынудить Цезаря воздержаться от дальнейшего продвижения. Атака провалилась. Перед лицом больших потерь, опустошения территории и ухода вчерашних союзников Кассивеллаун отправил посоль-

ство Цезарю для обсуждения условий капитуляции. Тот выдвинул довольно скромные требования.

Цезарь получил известия о возобновлении беспорядков в Галлии и, зная неудобные обстоятельства позднего времени и ненадежность погоды, хотел теперь побыстрее вернуться через Ла-Манш со всеми возможными силами. Кассивеллауну приказали выдать заложников в знак обеспечения лояльности и запретили воевать с триновантами, которые отныне пользовались поддержкой и покровительством Рима.

Цезарь покинул Британию в первых числах сентября. Возвращению его в Галлию вновь мешала скверная погода, и ему пришлось разделить процесс на два этапа по причине большого количества пленников и утраты некоторой части судов в предыдущий шторм. Римляне удалились, чтобы вернуться лишь почти через столетие. Когда же они пришли снова, происходившее уже не походило на разведку боем, а являлось самым настоящим полномасштабным вторжением. Во многом планы его руководителей строились на информации, собранной Цезарем относительно характера местности, особенностей обитателей Британии и их политических и военных обычаев.

Бронзовый конский наголовник из Северной Британии, датированный II веком до н.э. Он, скорее всего, использовался как элемент парадных доспехов впряженной в колесницу лошади (Государственный музей Шотландии [Эдинбург]).

Вторжение войск Клавдия

Почти целый век Британия оставалась в стороне от прямого римского влияния. Гражданская война и попытки подавить сопротивление германских племен по ту сторону Рейна не позволили римлянам после смерти Цезаря предпринять дальнейшие попытки по овладению островом. Тем не менее экономические связи Британии с Римской империей расширялись и упрочивались, поскольку Британия превратилась в главный источник поступления зерна в гарнизоны на Рейне. Золото, серебро и железо — как, конечно же, и рабы — также входили в перечень британского экспорта.

В Центральной и Южной Британии мы можем наблюдать те же экономические и политические эволюционные процессы, которые происходили в Галлии до начала там кампаний Цезаря: на острове во владениях могущественных племен шло развитие городов-государств. Несмотря на поражение, которое нанес Цезарь катувеллаунам, и протекцию, оказанную им их соперникам, триновантам, первые продолжали господствовать в богатых юго-восточных районах страны. В первые годы I века н.э. катувеллауны, возглавляемые Кунобелином, захватили территорию триновантов и отобрали их главный оппидум, Камулодун. Поступив таким образом, они оказались в более благоприятном положении в смысле удобства контроля над торговыми операциями с населением земель за Ла-Маншем, большинство из которых осуществлялись тогда через устье Темзы. В пределах жизни поколения власть катувеллаунов распространилась и на юг от Темзы. Кантии Кента, похоже, стали племенем-клиентом, тогда как часть северных территорий атребатов тоже отхватили усиливающиеся соседи. Атребатами правил Верика — потомок Коммия Атребатана из Северной Галлии, — который бежал в Британию после того, как повоевал на стороне Верцингеторига против Цезаря. Борьба между двумя могущественными племенными группировками на юге Британии послужила поводом для новой римской интервенции.

Около 40 года н.э. Кунобелину наследовали сыновья Каратак и Тогодунм. Они разгромили Верика, который бежал в Галлию и обратился к новому императору, Клавдию, за помощью против катувеллаунов. Появление изгнанника и еще заносчивое требование Каратака к Верике немедленно вернуться не могли оказаться более своевременными. Клавдия провозгласила императором преторианская стража после убийства его предшественника — безумного племянника Гая Калигулы. Клавдий считался политическим нулем, что, возможно, и правда, а кроме того, дураком, что есть явная ошибка. Вожак преторианцев видели в нем временный выход или — в самом лучшем случае — средство для обеспечения гарантий их собственной власти и влияния. Чтобы удержаться на троне и сохранить жизнь, Клавдию требовались пути для обретения возможности щедро вознаграждать преторианцев и в то же время упрочивать собственное положение в глазах армии и народа Рима. Победоносное вторжение в Британию могло бы стать так нужным ему решением.

Золотая монета из Британии с выбитой на ней аббревиатурой имени Верики — короля, или царя, атребатов, — датируемая I столетием н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

Бронзовая пластинка, найденная в Стэнуйке (Северный Йоркшир). Предназначалась она, вероятно, для украшения колесницы, плавные изгибы линий формируют абстрактное изображение конской головы (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

В отличие от экспедиций Цезаря в Британию, в отношении вторжения Клавдия рассказа очевидца не осталось. Нам приходится полагаться на данные археологических находок и на тексты историка Кассия Диона, писавшего более чем 150 лет спустя. Войско в составе четырех легионов — около 20 000 человек — и, наверное, такого же количества воинов во вспомогательных частях, отправилось из Гесориака под началом Авла Плавция. Местом не встретившей противодействия высадки традиционно считается Ричборо, расположенный на северо-восточном побережье Кента. В последнее время, однако, появилось альтернативное мнение в пользу другой точки, находящейся западнее — неподалеку от современного Чичестера в Вест-Суссексе. Там правил Верика, и, исходя из этого, есть основания предполагать, что она считалась дружественной территорией. Не называя точного места, Кассий Дион говорит зато, что римляне шли по воде тремя дивизионами. Последующие действия на юго-западе дают основания считать не лишённой оснований мысль о высадке одного из подразделений на южном берегу. Но в общем суммарный вес данных склоняет книзу чашу весов мнений в пользу традиционного места. Римлянам предстояло вступить в боевое соприкосновение с основными силами катувеллаунов, быстро продвинуться к Камулодуну и овладеть им. Конечно же, подкрепления и снабжение поступали к ним через Ричборо, который превратился в один из самых важных римских портов в Британии.

Римляне дошли до реки, опознанной как Медуэй, которую батавские вспомогательные отряды Плавция из дельты Рейна переплыли невидимыми для бриттов и неожиданно для последних появились у них на фланге. Главной целью служили лошади для колесниц и конницы. Значительно утратив подвижность, бритты оставили поле жаркой битвы. Как некогда Кассивеллан до него, Каратак отошел на северный берег Темзы где-то неподалеку от Лондона. И вновь римляне сумели переправиться без особых сложностей, рассеяв бриттов, которые бросились искать убежища в лесах и среди болот. Затем Плавций остановил легионы, желая дожидаться подхода подкреплений и прибытия императора, который явился в сопровождении свиты и нескольких слонов. Теперь, приняв личное руководство кампанией, Клавдий надзирал за последним актом драмы — наступлением на Камулодун. Завершив дело триумфом и усилив собственные позиции — по крайней мере на какое-то время, — Клавдий, не теряя времени, поспешил обратно в Рим. После поражения катувеллаунов ряд племен либо капитулировали, либо поспешили отдаться под протекцию Рима. Занимаясь упрочением положения на юго-

Тяжелый бронзовый браслет из Пертшира (Шотландия), украшенный эмалью и цветным стеклом. I или II век н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

востоке, Плавций тем временем отправил 2-й легион «Августа» под началом Веспасиана на юго-запад для обеспечения тамошнего региона.

Веспасиан покорил дуротригов из сегодняшнего Дорсета, благополучно взяв штурмом расположенный на холме форт — Мейдн-Касл.

Каратак пережил разгром и бежал через реку Северн в земли силуров. Из-за его подстрекательства сопротивление римлянам начало расти. Широкомасштабному восстанию предстояло совпасть с прибытием в 47 году н.э. нового губернатора Остория Скапулы. Быстрые действия Скапулы позволили разгромить иценгов в Норфолке и отбить охоту к бунту у прочих племен, которые колебались между миром и войной. Далее на запад события складывались по-иному. Наилучшим образом используя неровный рельеф местности современного Уэльса, силуры, ордовики и декеанглы упорно сдерживали удары легионов. Тацит живо описывает характер боевых приемов бриттов и меры, принимаемые со своей стороны римлянами:

Затем был предпринят поход против силуров, чью воинственность поддерживали надежды на силы Каратака, которого выдвинули многочисленные, не завершившиеся нашей победой битвы и столь же многочисленные успехи в действиях против нас, так что он затмил своей славою остальных полководцев Британии. Превосходя нас в том, что вследствие пересеченности местности мог использовать ее в своих целях, но уступая нам в силе войска, Каратак... готовится дать решительное сражение, избрав для него место, подход к которому и отступление от которого, равно как и все прочее, были неудобны для нас и выгодны для его воинов: с одной стороны его прикрывали крутые горы, а где, продвигаясь по более отлогому склону, на них можно было взобраться, там он навалил камни наподобие вала; с другой стороны перед нами протекала река с ненадежным руслом и за укреплениями стояли толпы вооруженных врагов («Анналы» [По Утченко. — Прим. пер.]).

К тому же вожди племен обходили своих с увещаниями, укрепляли их дух, стремясь рассеять в них страх и воспламенить их надеждою и боевым пылом; сам Каратак носился взад и вперед, провозглашая, что этот день, эта битва положат начало либо отвоеванию ими свободы, либо вечному рабству; при этом он называл имена предков, изгнавших диктатора Цезаря, тех, чья доблесть избавила их от римского топора и от податей и сохранила им неоскверненными тела их жен и детей. И когда он говорил это и подобное этому, толпа отвечала ему криками одобрения и каждый клялся верой своих отцов, что ни копья, ни раны не заставят его отступить.

Это воодушевление в стане врага смутило римского военачальника; вместе с тем его страшили и преграждавшая ему путь река, и вновь возведенное неприятелем укрепление, и нависавшие над головой горы — все это, казавшееся ему грозным препятствием и обороняемое многочисленными защитниками. Но римские воины рвались в бой: они кричали, что доблесть все преодолевает; им вторили префекты и трибуны, укрепляя в войске боевую решимость. Тогда Осторий, определив на взгляд, что действительно неприступно и где можно пройти, повел за собою воодушевленных отвагой воинов и без труда переправился через реку. Когда наши подошли к валу и пока бой велся при помощи метательных копий и стрел, наши потери ранеными и убитыми превышали потери врага; но после того как, построившись черепахою, они раскидали кое-как сложенные и лишённые связи каменные завалы и разгорелась рукопашная схватка в равных условиях, варвары начали отступать на горные кручи. Но и туда устремились наши застрельщики и тяжеловооруженные воины, одни — осыпая противника стрелами, другие — наступая сомкнутым строем, между тем как ряды британцев,

Необычный торквес из Северной Британии, скопированный, вероятно, с римских жемчужных ожерелий. I век н.э. (Архив Вернера Формана / Британский музей [Лондон]).

не прикрытых ни панцирями, ни шлемами, пришли в расстройство; если они оказывали сопротивление воинам вспомогательных войск, их разили мечи и дротики легионеров; а если оборачивались к легионерам, их поражали обоюдоострые мечи и копья воинов вспомогательных войск. Победа была полной; наши взяли в плен жену и дочь Каратака и принудили его братьев сдаться на милость победителя (*«Анналы»* [По Утченко. — Прим. пер.]).

Каратак снова ускользнул с поля битвы и нашел пристанище у бригантов — могущественной племенной конфедерации на севере Британии. Среди бригантов отсутствовало единодушное отношение к Риму. Один из главных их вождей, Венуций, предпочитал сопротивление. Его жена Картимандуа — женщина высокого положения и большого влияния в силу собственного рода — стремилась к усилению своих позиций путем нахождения договоренности с захватчиками. Она велела схватить Каратака и в цепях выдать римлянам. Через девять лет после вторжения многие тысячи жителей вышли на улицы Рима, желая посмотреть, как он проезжает по городу, ибо слава Каратака опережала его. Клавдий проявил мудрость и не только не казнил пленника, но, встретив как почетного гостя, даровал вместе с жизнью поместье и содержание.

В Уэльсе декеанглы, ордовики и силуры продолжали сопротивляться натиску стремившихся покорить их римлян на протяжении еще целого десятилетия. Последнее противостояние стало следствием решения нового губернатора, Светония Паулина, развернуть операцию против самого сердца британского сопротивления — острова друидов Мона, — дабы одним ударом уничтожить класс священников и интеллектуалов у кельтов. В освещении кампании Тацит живо рассказывает о том, какой противник противостоял легионам:

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары (*«Анналы»* [По Утченко. — Прим. пер.]).

Под призывы Паулина римские солдаты двинулись вперед через отмели пролива Менай. Когда они пошли, их страх обратился в ярость. Легионеры принялись резать всех защитников без разбора: воинов, друидов и жриц. Затем, действуя в духе Цезаря в Галлии, римляне вырубili священные рощи.

Один из пары бронзовых удиц, извлеченных их торфяного болота в Голуэе. Украшенный узором из стилизованной листвы, данный предмет, возможно, входил в сбруи лошади из упряжки колесницы. Датируется II или III веком н.э. (Архив Вернера Формана / Государственный музей Ирландии).

ВОССТАНИЕ БОУДИКИ

В пределах зыбких границ начала действовать римская гражданская администрация. С целью высвобождения как можно большего количества солдат срочной службы для действий на западе Скапула основал в Камулодуне колонии легионеров-ветеранов. Они получали возможность обрабатывать землю, дарованную им благодарной империей, и заодно служить силой, способной оказать противодействие любым вражеским поползновениям на занимаемом ими ареале. Британской элите часто позволяли сохранять номинальное управление на племенных территориях и способствовали тому, что ее представители усваивали римскую культуру и соответствующий стиль жизни. «Королям-клиентам» давалось право оставаться у власти при условии, если они поддерживали мир и выплачивали установленные Римом налоги.

Двумя такими зависимыми королями, или царями, являлись Тогидубн — наследник Верики и правитель атребатов, который, возможно, приложил руку к строительству великолепной виллы в Фишборне, в Суссексе, — и Прасутаг — вождь иценов, земли которых простирались на территории современного Норфолка и отчасти Суффолка и Кембриджшира. Лица, ответственные за управление в завоеванных Римом странах, беспокоились не только об обеспечении исправных поступлений податей с новых подданных в казну императора, но и — что, вероятно, было куда важнее для них — заботились о получении кое-какого личного выигрыша от исполнения должностных обязанностей. Одним словом, систему пользовали и в хвост и в гриву, к большому неудовольствию и раздражению туземного населения. Возможно, в попытке обеспечить положение семейства и народа Прасутага назначил императора Нерона — преемника Клавдия — наследником и соправителем собственного царства наряду с двумя своими дочерьми. Тут он здорово просчитался. После его смерти в 59 или 60 году н.э. римляне довольно грубо поставили точку в истории хрупкой независимости иценов. Сокровищницу Прасутага конфисковали, а дочерей его, как говорят, изнасиловали, вдову же, Боудику, били плетью. Знать лишилась позиций и влияния, а народ угодил в рабство.

Бритты отреагировали тотчас же и так, как только могут отреагировать те, кому нечего терять. Ицены обратились за помощью к соседям, триновантам, столицу которых Камулодун фактически прибрали к рукам римские ветераны, тогда как и само племя это пало жертвой алчности прокуратора Ката Дециана — главного распорядителя финансов провинции. Тысячи бриттов под началом Боудики устремились на юг к Камулодуну, горя желанием отомстить. Напуганные движением колонисты послали гонцов к прокуратору. Тех 200 человек, которых он отрядил из Лондиния, было до смешного мало. Взбунтовавшиеся бритты быстро захватили и разграбили Камулодун. Некоторые солдаты и гражданские лица укрылись в храме обожествленного императора Клавдия — в особенном объекте ненависти и символе римской тирании. Бритты разнесли его до основания. Недоукомплектованный

9-й легион, выступивший на выручку Камулодуну, попал в засаду и подвергся резне. Боудика и британское войско пошли на Лондиний, откуда Кат бежал за пролив в Галлию.

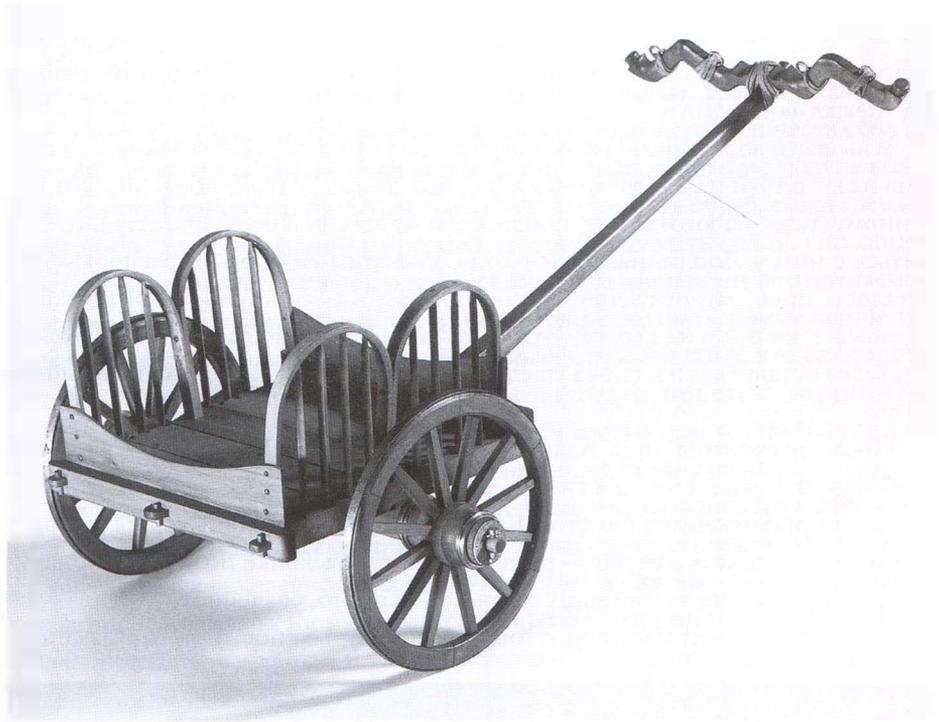
Услышав о восстании, Паулин быстро свернул действия на Моне и поспешил на юг с 14-м и 20-м легионами, послав приказ 2-му легиону, дислоцированному далее на юго-западе, поблизости от сегодняшнего Эксетера, соединиться с ним у Лондиния. Каким-то необъяснимым образом распоряжение осталось лишь распоряжением и не повлекло за собой никакой реакции. Прибыв с конницей, Паулин убедился в невозможности защитить город. Он велел оставить его и снова ушел на север навстречу легионам по Уотлинг-Стрит (25).

После вторжения при Клавдии Лондиний быстро рос и развивался. К 60 году н.э. население достигало уже, возможно, 10 000 человек. Многие бежали с приближением бриттов. Как и Камулодун, город подвергся разграблению, а оставшиеся жители — резне. Недавние раскопки позволили обнаружить несколько слоев сгоревших обломков и мусора, спаленного дерева — все это следы тогдашней мести бриттов. Такая же судьба постигла Веруламий —

Золотой торквес из Нока в графстве Роскоммон (Ирландия). Видны сходства в конструкции с континентальными изделиями вальдальгесхаймского стиля. Данный предмет считается одним из наиболее ранних свидетельств проникновения латенского искусства в Ирландию. Датируется III столетием до н.э. (Архив Вернера Формана / Государственный музей Ирландии).

Современная реконструкция британской боевой колесницы, созданная на основе археологических находок, описаний и изображений. Наиболее свежие исследования настаивают на том, что пол поддерживался кожаными ремешками, прикрепленными к отверстиям в боковинах с обеих сторон повозки, и это, несмотря на примитивность решения, обеспечивало определенную степень упругости — словом, приспособление служило амортизатором (© Совет попечителей Британского музея / PS300290).

столицу катувеллаунов. Хотя последние некогда и играли ключевую роль в противодействии вторжению Клавдия, позднее они сумели найти компромисс с Римом. Учитывая давнее соперничество между ними и триновантами, город становился логичной целью бунтовщиков. По разным оценкам, количество римлян и бриттов, перерезанных вместе в Камулодуне, Лондини и Веруламии, насчитывало 70 000–80 000 человек. Войско Боудики не видело интереса в пленных, единственное, чего оно хотело, — отомстить римским захватчикам и тем из бриттов, которых оно считало помощниками врага и предателями.

Власть Рима в Британии почти полностью была уничтожена — способность империи вернуть провинцию под контроль висела на волоске. Не видя никакого следа 2-го легиона, Паулин был вынужден противостоять ордам Боудики, численность которых, по данным из одного римского источника, превышала 200 000 человек, имея не более чем 10 000 солдат: 14-й и 20-й легионы и вспомогательные войска из местных гарнизонов. Каковым бы ни было количество бриттов, в их ряды входили не только воины, но также семьи — женщины и дети, — а кроме того, огромное количество повозок. С целью снизить влияние на ситуацию численного преимущества бриттов и свести на нет опасность со стороны особо подвижных сил — колесниц и конницы — Паулин развернул имевшиеся части так, чтобы максимально использовать особенности местности. Он избрал позицию в проходе между окружавшими его горами, при этом перед легионерами лежала открытая местность, а с тыла их прикрывали густые лесные заросли. Место битвы, решившей судьбу римлян в Британии, остается неизвестным. В соответствии с традиционной теорией считается, что сраже-

ние протекало около Мансеттера в Уорикшире. Однако авторы более свежих изысканий склоняются в пользу переноса поля боя ближе к Лондинию — в район неподалеку от Тоустера в Нортгемптоншире, — где местность в большей степени отвечает описаниям, данным Тацитом.

Возглавляемые Боудикой на колеснице, на которой королева находилась вместе с дочерьми, бритты приготовились сближаться с римлянами. Королева объезжала боевые порядки, проверяя развертывание отрядов племени, их готовность к схватке. Позади воинов находилось множество повозок лагеря — своеобразные трибуны для детей, женщин и стариков, которые приготовились стать свидетелями предстоящей победы их справедливого дела. О событиях битвы нам расскажут так живо описавшие ее Тацит и Кассий Дион:

Сначала легион, не двигаясь с места, стоял за тесниною, заменявшей ему укрепления, но, выпустив все свои дротики в подступивших на расстояние верного удара врагов, бросился на них в боевом порядке наподобие клина. Столь же стремительным был натиск воинов вспомогательных войск; ринулись на неприятеля и всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказывавших сопротивление (Тацит. *«Анналы»* [По Утченко. — *Прим. пер.*]).

Сражение принимало разнообразные формы. Легковооруженные воины обменивались метательными снарядами с такими же легковооруженными, тяжеловооруженные противостояли тяжеловооруженным, конница сталкивалась с конницею же, а римские лучники вступали в перестрелки с варварами на колесницах. Бритты устремились на римлян на колесницах, разворачивая их в стороны, но — коль скоро бились без нагрудных пластин, — встреченные тучами стрел, бывали отражены. Всадники бросались на пехотинцев, а пехотинцы — на всадников. Римский отряд, построенный тесно и плотно, выдвигался навстречу колесницам, когда те рассеивали прочих, толпа бриттов сближалась в рукопашной с лучниками и громила их, тогда как другим приходилось избегать их стрел вдалеке. Борьба шла долго, ибо обе стороны исполнились решимостью и воодушевились. Но в итоге по прошествии времени в тот день верх взяли римляне (Кассий Дион. *«История Рима»*).

Когда бритты стали откатываться, путь их оказался заблокирован обозом. Тотчас же возникла паника и воцарился хаос — убегая, воины пытались спасти семьи. Преследуя бегущих, римляне не жалели никого. Тацит исчисляет потери убитыми у варваров в битве в 80 000 человек, за что солдаты Паулина заплатили жизнями 400 товарищей. Боудика ускользнула с поля и, как и прочие побежденные кельтские предводители, покончила с собой, приняв яд. Бритты горько оплакивали утрату, похоронив королеву со всеми почестями.

Подкрепления из гарнизонов на Рейне и разыгравшийся среди мятежных племен голод помогли умиротворить Южную Британию. Больше никто и никогда не бросал серьезного вызова римлянам с территории их провинции. Из победителя Паулина сделали козла отпущения и освободили его от командования. Наверное лучшим свидетельством того, как близко подошла Боудика к тому, чтобы заставить римлян убраться из Британии, может служить

НАПРОТИВ Фрагмент шита
из Баттерси (Архив Вернера
Формана / Британский музей
[Лондон]).

политика губернатора, сменившего Паулина: она характеризовалась мягкостью, бездеятельностью и готовностью к компромиссу с бриттами.

АГРИКОЛА И СРАЖЕНИЕ ПРИ ГРАУПИЙСКИХ ГОРАХ

Дальнейшие попытки приведения под власть римлян остальных территорий Британии отсрочила гражданская война, разгоревшаяся в Риме после свержения в 68 году н.э. Нерона. Восхождение на трон Флавия Веспасиана, во времена вторжения Клавдия служившего командиром 2-го легиона и ставшего императором год спустя после смерти Нерона, ознаменовало собой начало продолжительного периода сильного правления в империи и возобновления кампаний против непокорных племен — источников хлопот для провинции Британия. Силуров и ордовиков удалось наконец поставить на колени, тогда как бриганты вынужденно признали над собой римскую власть после окончательного поражения, нанесенного Веницию — бывшему мужу Картимандуа.

В 78 году н.э. назначение на пост губернатора Британии получил Гней Юлий Агрикола. Он считался талантливым как полевой командир и слыл гуманным человеком. Агрикола успел послужить под началом Паулина во время восстания Боудики, а позднее командовал 10-м легионом. Нажитый опыт убеждал его в возможности избежать беспорядков со стороны бриттов при условии достойного обращения с ними, а кроме того, и в том, что мир и процветание провинции точно так же в интересах аборигенов, как и Рима. С одной стороны, он занялся искоренением несправедливости, некомпетентности и глупости в гражданской администрации, а с другой — стал подталкивать британский нобилитет к усвоению ценностей римского общества.

Кампании Агриколы в Британии позволили ему зайти на севере дальше, чем удавалось это кому бы то ни было из римских командующих до него. После подчинения племен в равнинных районах современной Шотландии он приступил к строительству оборонительного рубежа из фортов вдоль довольно узкой полоски суши, разделяющей устья рек Форт и Клайд (район сегодняшнего Глазго. — *Прим. пер.*). Используя линию как средство обеспечения тыла, Агрикола вступил в регион, называвшийся у римлян Каледонией. Пока легионы в кампании британских наемников и прочих вспомогательных отрядов шли маршем примерно на северо-восток, оставляя у себя слева Грампианские горы, римская эскадра следовала рядом параллельным курсом, занимаясь обследованием побережья и поиском подходящих гаваней для обеспечения должной тыловой поддержки. Перед лицом нашествия Агриколы, исполнившегося решимости покорить весь остров Британия, разнообразные горные племена создали союз под началом Калгака — вождя каледонов, одного из самых могущественных народов в регионе. Он собрал войско численностью, как считается, до 30 000 человек и дал римлянам битву

у Граупийских гор (в русском переводе «гора Гравпий, на которой засел неприятель». — *Прим. пер.*). Место сражения вновь остается неустановленным. Традиционно им считают гору Беннахи в Абердиншире, хотя недавно был выдвинут довольно убедительный аргумент в пользу окрестностей Перта.

Силы Агриколы насчитывали около 20 000 солдат, включая 8000 во вспомогательных частях и 3000 конницы. Легковооруженные воины стояли впереди, кавалерия размещалась на флангах, а легионы — в тылу и служили боевым ударным резервом. Каледоны и их союзники заняли склоны холмов напротив, дав возможность колесницам маневрировать в передних рядах. Тацит так описывал разыгравшееся сражение:

Сначала, пока противники не сошлись вплотную, бой велся ими на расстоянии, и британцы при помощи своих огромных мечей и небольших щитов упорно и вместе с тем ловко или перехватывали пущенные нашими дротики, или отбивали их на лету, одновременно осыпая нас градом стрел, пока Агрикола не обратился наконец к четырем когортам батавов и двум — тунгров, призвав их пустить в ход мечи и вступить в рукопашную схватку, в чем благодаря длительной службе в войске они были опытны и искусны и что давало им перевес над врагами, ибо лишенный острия меч британцев непригоден для боя, в котором враги, столкнувшись грудью с грудью, вступают в единоборство. И вот батавы стали обрушивать удары своих мечей на британцев, разить их выпуклостями щитов, колоть в ничем не прикрытые лица и, сокрушив тех, кто стоял на равнине, подниматься, сражаясь, по склону холма, а остальные когорты, соревнуясь с ними и поддержанные их натиском, — рубить всех попадавшихся им навстречу; и, торопясь довершить победу, наши оставляли за собой легко раненных и даже невредимых врагов. Между тем и отряды конницы, после того как колесницы британцев были обращены в бегство, ринулись на неприятеля, с которым уже дрались наши пешие. И хотя они своим появлением вселили в него еще больший страх, все же из-за плотных скопищ врага и неровности местности их порыв вскоре выдохся; и все происходившее здесь меньше всего походило на боевые действия конницы, ибо с трудом удерживавшихся на склоне всадников теснили к тому же тела сбившихся в беспорядочную кучу коней; и нередко неведомо как затесавшиеся в эту суматоху колесницы, а также перепуганные, оставшиеся без всадников кони насккивали на них, как кого заносил страх, и сбоку, и спереди.

Тогда те из британцев, которые, не участвуя в битве, все еще занимали вершины холмов и, стоя в бездействии, насмехались над малочисленностью римского войска, стали понемногу спускаться с возвышенностей и обходить побеждающих с тыла, в чем они и успели бы, если б Агрикола, именно этого и опасавшийся, не бросил на наступающего противника четыре конных отряда, прибереженные им на случай возможных в сражении неожиданностей; и чем яростнее враги набегали на них, с тем большим ожесточением были отбиваемы и обращаемы в бегство. Таким образом, замысел британцев против них же и обернулся, и передвинутые с переднего края по распоряжению полководца подразделения конницы врезались в боевые порядки бегущего неприятеля. И тут на открытой местности взорам представилось величественное и вместе с тем страшное зрелище: наши гнались по пятам за врагами, рубили их, брали в плен и, захватив новых пленников, убивали ранее взятых. И в зависимости от твердости духа одни в полном вооружении целыми толпами убегали от уступавших им в числен-

ности преследователей, тогда как другие, безоружные и по своей воле, устремлялись навстречу им и искали для себя смерти... Так, достигнув лесов, они собрались с духом и попытались окружить тех из наших, кто вырвался вперед, увлекшись погоней. И они бы исполнили это; и если бы вездесущий Агрикола не приказал могучим и готовым к бою когортам прочесать леса... Но когда британцы снова увидели, что их преследуют приведенные в порядок и построенные правильными рядами воины, они и на этот раз обратились в бегство... Конец преследованию положили ночь и пресыщение (*«Жизнеописание Юлия Агриколы»* [цит. по изд. под общ. ред. С.Л. Утченко. — *Прим. пер.*]).

Потери по итогам битвы составили, по римским данным, 360 человек у римлян и около 10 000 у бриттов, большинство из которых погибло в ходе преследования, напомилавшего по характеру бегство разгромленного войска Боудики.

После сражения в Риме объявили об окончательном подчинении Агриколой племен Британии. Однако неверный мир, установившийся на протяжении нескольких следующих десятилетий, говорит не в пользу этого утверждения. Сооружение фортов на входе в узкие горные долины Хайленда и огромная крепость легионеров в Инчтутиле (в Пертшире) показывают стремление римлян поставить барьер на пути противника, который так и остался до конца не разгромленным (26). Пусть Агрикола и вышел победителем из битвы у Граупийских гор, однако, не сумев или не пожелав нейтрализовать потенциальную угрозу для римлян на севере Британии, оставил без контроля нечто, что повлекло в дальнейшем серьезные последствия.

Бронзовая статуя Боудики и ее дочерей. Набережная Виктории в Лондоне (Р. Шеридан / Собрание [предметов] древнего искусства и [объектов] архитектуры л.т.д.).

GALATA MORIBONDA

Часть 4
Сумерки

ГЛАВА 9

УГРОЗА С СЕВЕРА

Они (эдуи и арверны) много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбили галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек (Цезарь. «Записки о Галльской войне»).

На исходе II века до н.э. кельты из сердца их мира в Заальпийской Европе столкнулись с даже большей угрозой, чем та, которую представляла собой растущая мощь Рима, — с экспансией германоговорящих народов севера. Впервые опасность эта приняла угрожающие формы около 120 года до н.э., когда населявшим полуостров Ютландия в современной Дании кимврам пришлось сняться с насиженных мест под влиянием постоянных наводнений, вызванных переменами климата. Они начали мигрировать на юго-восток, сопровождаемые разнообразными племенными образованиями, называемыми тевтонами, что у древних германцев означало всего лишь «народы» или «племена». К миграции присоединилось и значительное количество кельтов, в особенности амброны с низменностей у побережья в северо-западной Европе. Выдвинувшись в Богемию, они столкнулись с весьма и весьма могущественным кельтским племенем Центральной Европы — бойями, — которые вынудили мигрантов повернуть в сторону — в направлении царства Норик, где те вступили на территорию таврисков. Тавриски многие годы являлись союзниками Рима. Однако легионы, посланные на помощь угрожаемым племенам, потерпели в 113 году до н.э. поражение от кимвров и тевтонов около города Норейя на Дунае. Несмотря на то что альпийские перевалы в Италию лежали открытыми для вторжения, мигранты предпочли двинуться на запад вдоль Альп, оставляя их у себя слева на юге и держа путь в Галлию. По мере приближения их к центру кельтского мира прочие кельты и германцы пополнили ряды искателей счастья в новых землях. Огромное войско из раза в раз побеждало в Галлии высланные против него римские армии. В 105 году до н.э. в битве при Аравзионе (Оранж) в провинции Трансальпийская Галлия они наголову разгромили самое крупное войско, которое только выставляли в поле римляне со времен войны с Ганнибалом. Поражение стало и самым дорогостоящим в смысле потерь после Канн. Известие о катастрофе

ПРЕДЫДУЩИЙ РАЗВОРОТ
«Умирающий галл». Римская
копия с греческого оригинала
из Пергама (Малая Азия).
Исход III века до н.э.
В представлении жителей
средиземноморского мира
кельт являлся таким
«благородным дикарем».
Подобную точку зрения
спустя около двух тысяч
лет возродили европейские
романтики (akg-images / Эрих
Лессинг).

Бюст римского
полководца Гая Мария
(157–186 годы до н.э.)
(Собрание предметов]
древнего искусства
и [объектов]).

под Аравзионом потрясло Римскую республику до самого основания. *Terror cimbricus* — страх перед кимврами — охватил население, и римляне уже видели кошмарные сны, в которых кимвры и тевтоны являлись к стенам самой столицы и начинали требовательно стучаться в ворота рукоятями мечей. В атмосфере паники и отчаяния руководство объявило режим чрезвычайного положения. Конституцию отложили в сторону, чтобы избрать консулом Гая Мария, победителя нумидийского царя Югурты и самого талантливого из полководцев Рима в то время, чего не бывало и теоретически не могло быть — в пятый раз подряд, начиная со 104 года до н.э.

Но кимвры и тевтоны не пошли в Италию сразу. Вместо этого они в 103 году до н.э. перевалили Пиренеи и принялись разбойничать в северных районах Иберии. В следующем году они возвратились в Галлию. На сей раз их целью действительно стала Италия. Они разделились, при этом тевтоны и амброны намеревались вторгнуться в Италию через западные альпийские перевалы, тогда как кимвры собирались проделать то же самое севернее и восточнее. Тевтонов встретило римское войско под началом Мария, который сумел навязать им сражение и наголову разгромить под Аквами Секстиевыми — современный Экс-ан-Прованс. Тем не менее кимвры все-таки перешли Альпы и, не встречая противодействия, вступили в пределы Северной Италии. Местный римский командующий отступил за реку По, ожидая подхода Мария. В 101 году до н.э. под Верцеллами, в месте слияния По и Сесии, кимвры очутились зажатыми между двумя римскими армиями и были уничтожены. Как говорят источники, многие женщины лишали жизни себя и своих детей, чтобы не попасть в рабство.

Миграцию кимвров и тевтонов одно время представляли как главную причину развития оппидумов в Центральной и Западной Европе. Однако, как мы с вами пронаблюдали, их появление стало результатом процесса общественной, политической и экономической эволюции, начавшегося задолго до того момента. Более того, не удалось обнаружить никаких значительных археологических следов, оставленных мигрантами. Нельзя с уверенностью сказать, не были ли размах и значение переселения переоценены и преувеличены римскими авторами. Вполне возможно, объективный взгляд римлян на происходившее исказили прошлые вторжения с севера и *terror gallicus*.

Тем временем германцы продолжали напирать в южном и юго-западном направлении, проникая на земли, уже полтысячелетия обживаемые кельтами. Одними из первых почувствовали на себе натиск чужаков жители региона к северу от реки Майн, откуда Ариовист вторгся в Восточную Галлию в 70-е годы до н.э. и откуда племя его угрожало гельветам. После отражения попытки миграции гельветов галлы попросили Цезаря помочь избавиться от германцев Ариовиста, которые заняли территорию вчерашних незадачливых нанимателей — галльского племени секванов. Еще не забывший эпопеи с вторжением кимвров и тевтонов, Рим не менее галлов хотел ограничить территории пребывания германцев правой стороной Рейна. Далее на восток

кельтская Тюрингия продолжала, похоже, жить и процветать, не затрагиваемая всеми этими пагубными процессами, еще на протяжении столетия. Примерно в тот же период германская племенная конфедерация, известная как маркоманны, вторглась в Богемию, где уничтожила крупнейший оппидум Завист около Праги. Моравию тоже захватили германоговорящие квады.

В то же самое время германцы продолжали экспансию на юг и в центр Европы, тогда как кельты среднего течения Дуная стали испытывать натиск со стороны другого агрессивного и напористого народа — даков. Родственные фракийцам даки происходили из мест, называемых теперь Румынией. Племена эти начали расширение в западном направлении через Карпаты в Трансильванию ближе к концу II века до н.э., поглощая в процессе местное кельтское население. Около 60 года до н.э. возглавляемые царем Бурбистом даки напали на бойев, скордиков и тавриков в Северной Венгрии и в Словакии и победили их. Археологические предприятия позволили выявить сильнейшие разрушения ворот оппидума Братислава и обнаружить дакского стиля гончарные изделия и их обломки среди руин. Многие кельты бежали, надеясь найти убежище у гельветов, поддержав последних в их намерении откочевать в Галлию.

Экспансия римлян к северу от Альп (то есть кроме Галлии, конечно. — *Прим. пер.*) случилась не ранее окончания гражданских войн, поставивших конец в истории республиканского периода Рима. Могущественное кельтское царство Норик представляло собой очень удобное буферное государство, контролировавшее перевалы через Австрийские Альпы, а кроме того служило важным экспортером железа. В 15 году до н.э. римляне аннексировали его, когда император Август счел уместным поставить альпийские племена под прямое правление римлян. Процесс продолжился в 12 и в 9 годах до н.э. завоеванием Иллирии и Паннонии (современные Хорватия, Сербия и отчасти Венгрия). С выходом римлян на Дунай на исходе I столетия до н.э. крушение независимого кельтского мира почти завершилось.

Монета с изображением Верцингеторига — признанного вождя галлов в их борьбе против Цезаря (akg-images).

ГЛАВА 10

ЗАКАТ КЕЛЬТСКОГО МИРА

И все же, если припомнить все войны, которые мы вели, то окажется, что ни одной из них мы не завершили в более краткий срок, чем войну с галлами; и с того времени у нас с ними нерушимый и прочный мир. Пусть же, связанные с нами общностью нравов, сходством жизненных правил, родством, они лучше принесут к нам свое золото и богатство, чем владеют ими раздельно от нас!.. За речью принцепса (Клавдия) последовало сенатское постановление, в силу которого эдуи первыми получили право становиться сенаторами, в уважение к старинному союзу и к тому, что они единственные из галлов именовались братьями римского народа (Тацит. «Анналы» [По Утченко. — Прим. пер.]).

К 100 году н.э. кельтский мир, который на протяжении полтысячелетия включал в себя большую часть Европы от Атлантического океана до Балканских гор, сделался историей. Из всех кельтговорящих земель только Ирландия и Шотландия оказались вне сферы владычества Рима, тогда как на бывших кельтских землях за Рейном и Дунаем безраздельно господствовали германские и дакские племена. Латенский художественный стиль и кельтские языки, характеризовавшие и определявшие кельтскую культуру, поблекли и растворились в небытии, замененные классической цивилизацией и ее культурными ценностями, принесенными Римом. Романизация проходила неспешно, но уверенно, особенно в Галлии после опустошения, произведенного во время завоевания страны Цезарем. Традиционные способы приобретения и поддержания положения и богатства, особенно через военную удаль, оказались запрещенными под *Pax Romana*, или римским миром. Кельтскую элиту подталкивали к усвоению римского образа жизни — *modus vivendi* средиземноморских урбанистических аристократий — с соответственными символами статуса, как это понимали южане. Красивые здания — как общественные, так и личные — вот что становилось свидетельством важности и занимаемой в обществе позиции; обучение детей в школах заменило обычай выращивания их в семьях патронов, место празднеств заняли театр и спортивные игры. Система зависимости тем не менее сохранилась, поскольку являлась в такой же степени присущей римлянам, как и кельтам. Романизация кельтов в значительной степени облегчалась развитием урбанистического общества у многих кельтских племен в последние два столетия до н.э. Уже существовавшие институты — та-

кие, например, как выборность представителей правящей и законодательной верхушки — легко приспособивались к политическим обычаям римлян. Городской аристократии позволили сохранить имущество и привилегии, подтолкнув ее к более активному участию в делах правительств на местах. Тому, кто принимал и поддерживал новый режим, даровалось римское гражданство — наивысший символ особого положения — вместе с шансами продвижения по политической лестнице и освобождением от налогообложения.

Ношение оружия всегда являлось неотъемлемым правом любого свободного человека в кельтском обществе. Уступить его завоевателям было, наверное, самым тяжелым из всего, что приходилось принимать кельтам. Для тех, кто не мог или не хотел отказаться от наиглавнейшей привилегии, существовало два пути: бегство или же участь наемника во вражеской армии. Последний вариант также предлагал решение для тех, кто по-прежнему искал славы на поле битвы. Подобный компромисс вполне устраивал обе стороны. Кельт сохранял способность идти путем воина вполне приличествовавшим ему способом — в роли наемника. Римляне же всегда стремились удалить готовый плодоносить источник недовольства, а затем, вероятно, мятежа и восстания подальше от дома. При этом желание потенциальных смутьянов драться, возможно, осуществлялось в далеких провинциях, а то и вовсе на самых границах империи. Кельтские всадники всегда пользовались высокой репутацией как бойцы, а потому многие молодые представители знати вступали во вспомогательные кавалерийские части. Находясь рядом с орлами легионов, они проникались римской культурой, а после выхода в отставку могли рассчитывать на то, что удостоится гражданства.

Остатки стены Адриана
в Уоллтаун-Крэгс,
Нортумберленд (© Сандро
Ваннини / CORBIS).

Между тем трансформация кельтского общества под воздействием римского завоевания не всюду протекала одинаково — не носила универсального характера. Испанские кельты абсорбировались довольно быстро из-за сравнительно давнего существования у них прочных связей с урбанизованными регионами средиземноморского побережья. Галлия тоже легко воспринимала новшества по причине влияния и примера провинции Трансальпийская Галлия. В Британии сложилась не столь четкая картина. Удаленный от средиземноморского мира, остров сохранил свой отличительный характер, что поставило его жителей особняком от континентальных кельтов. Интенсивное сельское хозяйство и государственная централизация стали скорее исключительными явлениями везде, кроме Южной Британии; урбанизация протекала еще более вяло. На севере и на западе страна была довольно скудно населена и весьма произвольно организована, обработка сельскохозяйственной земли носила характер самодостаточности, а местами уступала первенство скотоводству. Контраст между «горными» и «равнинными» зонами Британии хорошо прослеживается во время вторжения войск Клавдия в I веке н.э. Тогда как юг и восток вплоть до линии устья Северна и до Уоша (залив в Северном море у восточного берега Великобритании. — *Прим. пер.*) удалось быстро привести к повиновению, Уэльс и север Англии оставались непокоренными еще на протяжении поколения. Несмотря на все усилия, Каледония сопротивлялась попыткам оккупации, и в конце концов ее просто исключили из границ империи. Ни одной экспедиции в Ирландию римляне так фактически никогда и не предприняли. К концу I столетия н.э. экономические и военные ресурсы Рима достигли предела, когда расширение империи стало казаться не просто трудным, но и невозможным делом. На смену напористой наступательной стратегии, находившейся на вооружении Рима со времен образования республики более 500 лет назад, пришла оборонительная политика, направленная на сохранение приобретений и охрану границ.

В Британии цель удавалось достигать — хотя и с переменным успехом — за счет строительства стены Адриана. Построенная по приказу императора Адриана после посещения им Британии в 122 году н.э. стена являлась самым могучим пограничным укреплением империи. Она тянулась на 80 римских миль (118 км) между устьем реки Тайн на востоке до Солуэй-Фирта на западе. Помимо собственно стены границу прикрывали огромные земляные валы и глубокие рвы, а также 16 крупных крепостей и воротных фортов, расположенных на расстоянии одной римской мили (1475 м) друг от друга. Строительство, как считается, заняло десять лет. Археологические данные свидетельствуют о том, что стену несколько раз успешно штурмовали. Однако она никогда не задумывалась как совершенно непроницаемый барьер. Главное предназначение состояло в сдерживании враждебных племен с севера и регулировке, а не полном предотвращении движения через границу. Гарнизоны стены состояли из вспомогательных отрядов, которые могли, если требова-

НАПРОТИВ Один из узлов оборонительной системы вала Адриана — барьера Рима на северо-западной границе Британии (© Джейсон Хоукс / CORBIS).

лось, вызвать для поддержки легион, дислоцированный в Йорке. На протяжении всего римского периода в Британии базировались три легиона, местами постоя которых служили крупные крепости — Керлеон, Честер и Йорк, — расположенные стратегически с расчетом доминировать над кельтским севером и западом. Если учесть еще вспомогательные отряды, общее количество войск на острове достигало почти одной восьмой от всех вооруженных сил Римской империи. Наличие таких крупных по численности гарнизонов есть указание на то, что в глазах римлян Британия не казалась полностью умиротворенной, а бритты продолжали служить источником угрозы для провинции.

Степень размаха романизации в Британии и по сей день остается предметом для споров. Уровень ее, определенно, намного меньше, чем в Галлии, где к 300 году н.э. исчезли последние следы кельтской общественной структуры, хотя собственно галльский язык отмер только к 500 году н.э. Так называемое кельтское возрождение в Британии в V и VI веках н.э. — период между окончанием действия централизованной имперской гражданской и военной администрации и появлением ранних англосаксонских королевств в сегодняшней Англии — есть результат вынужденного возвращения римско-британского населения к местному муниципальному управлению, основанному на бывшей племенной структуре, но ориентированному все же на римские идеалы, а не продукт сознательного стремления к возвращению в доримское прошлое. Самоназвание народа — *combrogii* — можно перевести как «сограждане», что намекает на продолжение идентификации населением себя как принадлежащего по статусу к римским гражданам. Термин, пусть и видоизмененный, сохранился в слове *Cymru* (Кимру) — валлийском названии современного Уэльса.

В тех частях кельтского мира, которые вошли в Римскую империю, жители постепенно усвоили новые отличительные культурно-общественные черты и новый язык. Как результат, любое осознание себя как культурной общности, которое могло прежде существовать у кельтоговорящих народов Европы железного века, почти полностью отмерло на протяжении римского периода. Кельтские языки и культура сохранились только на крайнем западе, где власть Рима либо отличалась слабостью, либо вовсе отсутствовала, как в Бретани, в западных районах Британии, в Шотландии и — прежде всего, конечно, — в Ирландии. Вместе с тем довольно трудно с уверенностью утверждать, до какой степени народы этих регионов считали себя кельтами. Не существует никаких намеков на то, что они ассоциировали себя с принадлежностью к таковым. Однако культурное возрождение, в значительной мере питавшееся своеобразной формой «кельтского» христианства в Ирландии на раннем этапе Средних веков, обеспечило сохранение мифов, легенд и искусства, которые отражали системы верований и поведенческие стереотипы в кельтском обществе. Благодаря им мы имеем бесценную возможность установить связь с миром древних кельтов.

ГЛАВА 11

РОМАНТИКА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Что только не становится возможным в проникнутых загадкой кельтских сумерках (Дж.Р.Р. Толкиен).

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ КЕЛЬТОВ

Древние кельты покинули подмостки истории почти на 1500 лет. Знания об их существовании в далеком и безвозвратном прошлом лежали сокрытыми в классических манускриптах, хранившихся в библиотеках христианских монастырей до тех пор, пока Возрождение XIV и XV столетий не пробудило новый интерес к греческим и латинским текстам. Изобретение книгопечатания сделало книги доступными — в оригинале или в переводе — ученым повсюду в Западной Европе, многие из которых интересовались историческим происхождением своих стран. Первым, кто начал писать о кельтах, оказался шотландский историк Джордж Бьюкенен (может встречаться как Буханан. — *Прим. пер.*). В своей *Rerum Scoticarum Historica* («История шотландского королевства». — *Прим. пер.*), опубликованной в 1582 году, Бьюкенен выдвигал предположение, что кельты были народом, который изначально жил в Южной Галлии, откуда они переселились сначала в Иберию, а затем в Ирландию и Шотландию. Другие мигрировали непосредственно из Галлии в Британию.

Современный подход к кельтам возможно проследить в публикации в 1707 году *Archaeologia Britannica* валлийским антикваром Эдвардом Ллойдом (возм. вар. Ллуид и т.п. — *Прим. пер.*). В этой работе Ллойд обрисовал сходства между валлийским, гаэльским, корнуоллским (также корнским) и бретонским языками с языками древней Галлии. Он назвал языковую группу «кельтской» от *celtae* — термина Цезаря, которым тот пользовался для обозначения племен Центральной Галлии. В то же самое время, однако, ни один из кельтоговорящих народов Британских островов или Бретани к кельтам себя не причислял, и все же к середине XVIII века «кельтскими» стали называться не только языки, но и сами говорившие на них народы. Вскоре после публикации *Archaeologia Britannica* Ллойда Акт об унии между Англией и Шотландией привел к созданию Соединенного Королевства Великобритании. Валлийцы, считавшие себя истинными потомками древних бриттов, возражали против термина «Великобритания», а новая концепция понимания кельтства дала им способ под-

Ранние ученые ошибочно приписывали создание Стоунхенджа друидам, теперь заблуждение очевидно, что совершенно не мешает современным друидам собираться в этом месте для празднования летнего солнцестояния (© Адам Вулфитт / CORBIS).

черкнуть их собственную национальную принадлежность. Примеру валлийцев последовали гаэльскоговорящие ирландцы и шотландцы, корнуольцы и бретонцы, стремившиеся сохранить свои культурные отличия перед лицом растущего политического и культурного господства соседей — англичан и французов.

«Новое открытие» кельтов имело и другое воздействие помимо поисков исторической самобытности. Классический стереотипный образ варвара, созданный в сознании греков и римлян, был воскрешен в представлении о кельте как о «благородном дикаре» романтиками, искусство которых и литература отражали процессы противодействия философам Просвещения и росту загрязнения окружающей среды, ставшего следствием промышленной революции. Поэтов вроде Блейка и Вордсворта вдохновляли образы друидов в священных рощах. Уильям Стьюкли стал первым ученым, попытавшимся провести систематическое изучение мегалитических памятников Эйвбери (27) и Стоунхенджа в середине XVIII века. Он и отнес их к разряду друидских — ошибочная гипотеза, сохранившаяся, однако, и в добром здравии дошедшая до наших дней. Возникли целые общества, посвященные возрождению религии друидов, основанные на воображении, подогретом скудными сведениями о вопросе, которые возможно получить из классических источников. В 1792 году валлийский каменотес по фамилии Эдвард Уильямс основал первое «Мин Горседд», или «общество бардов», которое и по сей день составляет часть валлийского Национального Айтстедфода (праздников

культуры. — *Прим. пер.*) Уильямс — лучше известный по своему имени как бард Айло Морганнуг (или Ило — искаженное Эдвард. — *Прим. пер.*) — не смирился с действительностью и утверждал, что друидские традиции уцелели в Уэльсе, несмотря на римское завоевание и даже на введение христианства. Еще одна эксцентричная претензия исходила от Джеймса Макферсона, в 60-е годы XVIII века опубликовавшего «Поэмы Оссиана», которые будто бы являлись переводом текстов легендарного Оссиана — гаэльского барда, жившего, как считается, в раннем Средневековье. Вирши распространились по Британии и по Европе, оказав сильное влияние на публичное мнение о кельтах, правда, потом «поэтическое наследие прошлого» разоблачили как подделку.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И НАЦИОНАЛИЗМ

Романтизация кельтов пользовалась довольно заметной популярностью в Шотландии. Успех «Роб Роя», написанного сэром Вальтером Скоттом и опубликованного в 1818 году, очень много сделал для раскрутки образа гаэльскоговорящего горца-хайлендера в килте. Именно благодаря Скотту и его усилиям килт стал считаться национальной формой одежды в Шотландии, хотя в действительности изобретена была мужская юбка столетием ранее английским промышленником, Томасом Роулинсоном, который хотел, чтобы работавшие на него шотландцы носили более практичный вариант традиционного плаща с поясом или пледа. Небольшой килт, или *philabeg* (от *feileadh beag* — маленькое покрывало. — *Прим. пер.*) пришелся по душе аристократии из равнинных районов, которая ухватилась за возможность подчеркнуть собственную самобытность и отделить себя от всех прочих шотландцев и тем более англичан. Традиционный шотландский тартан, или шотландка, подобно килту, есть изобретение XIX века. Хотя тартаны существовали во многих районах Европы и Азии уже на протяжении более чем 3000 лет и представляли и представляют собой наиболее удобный шаблон при изготовлении материала на ручном ткацком станке, клановая шотландка в том виде, в котором мы ее знаем сегодня, есть плод дизайнерской работы умов производителей тканей из равнинных районов, поспешивших извлечь выгоду из новой моды. Волянка служит еще одним неотделимым признаком современной шотландской культуры, хотя на самом деле обязана своему изобретению Ближнему Востоку, откуда распространилась по Европе и сделалась популярной в Средние века. Особенно долго волянка загостилась в Шотландии во многом потому, что была принята в состав оркестров британской армии как инструмент горных полков по воле королевы Виктории. Вклады как горных, так и низменных районов страны в создание культурной символики современной Шотландии, в которой важную роль играли кельты, послужили делу преодоления исторического разделения и враждебности между двумя отличными регионами и посредством этого подстегнули процесс развития единого шотландского самосознания.

Бронзовая статуя Кухулина из Главного почтамта Дублина. Новое открытие кельтов в XVIII столетии сыграло важную роль в формировании современного кельтского национального единства в Ирландии (© 2003 «Топэм Пикчерпойнт» / «Топфото»).

Возвращение из забвения древних кельтов подстегнуло процесс развития современного ирландского национального самосознания. Правда, в отличие от Шотландии, романтическое кельтское возрождение скорее только больше разделило страну, а не сплотило ее. На исходе XVIII века идея кельтского национального самосознания встречала поддержку католического и протестантского населения Ирландии. В 1795 году группа ольстерских протестантов основала первое общество за сохранение ирландского языка. По мере течения лет XIX столетия тенденция использовать гаэльский получала все большую поддержку как способ продвижения «всего ирландского», основанного на кельтском прошлом в противовес отвергаемому английскому правлению и влиянию. Древние ирландские мифы и легенды — особенно истории о Кухулине — подогревали национализм, причем преимущественно в среде Финнанских обществ (28). Протестантское меньшинство — преимущественно потомки переселенцев, пришедших в страну в XVII веке из Англии и с шотландских равнин, — чувствовало себе отторгаемым растущим национализмом, пустившим корни среди католического большинства и становившимся все более нетерпимым и неприемлемым для национального самоощущения протестантов. Последствием стала поддержка, оказываемая протестантами юнионизму, и противодействие гомрулю (движению за самоуправление Ирландии. — *Прим. пер.*). Неспособность тенденций национализма в Ирландии создать универсальную национальную общность, которая включала бы в себя и объединяла представителей обеих составляющих, выступала главным из факторов, приведших к разделению страны в 1922 году. Создание независимой Ирландской республики и отход к Соединенному Королевству шести графств Ольстера, которые предпочли остаться в его составе, нежели связывать себя с новой страной, было лишь частичным решением проблемы, сохранившейся и существующей и поныне.

К середине XIX века идеи осознания собственного кельтского прошлого нашли применение в других западноевропейских государствах как средство укрепления национального единства. Кельтские вожди, оказывавшие противодействие господству Рима, начали выдвигаться в национальные герои. Эта тенденция отразилась в изобразительном искусстве, скульптуре и литературе: Верцингеториг во Франции, Амбиориг в Бельгии, а также Вириат в Испании и Португалии (29). В то же самое время шел процесс формирования более объективного понимания кельтов как предмета изучения, а не ажиотажа путем развития методик широких государственных раскопок и усилиями археологов-любителей. Обнаружение и раскопки крупных объектов кельтской культуры в Гальштате и в Ла-Тэне в 40-е и 50-е годы XIX столетия есть важнейшие примеры серьезных шагов в данном направлении. Во Франции в 60-е годы того же века Наполеон III спонсировал работы в Алесии — месте героического сопротивления Верцингеторига и галлов легионам Цезаря. Помимо

личного интереса императора к раскопкам, целью проекта являлось также подогревание национальных чувств в обстановке, когда Франция начинала все сильнее ощущать опасное восхождение прусской власти в Европе.

Возрождение и сохранение кельтских языков послужило базой для развития кельтского национального самосознания в последние 300 лет. Несмотря на это, на протяжении всего периода наблюдался и наблюдается постоянный процесс уменьшения количества кельтоговорящего населения. Причины в вынужденной эмиграции, голоде, индифферентности официальных властей и враждебности соседей. Активная пропаганда и даже финансовая поддержка со стороны правительств уже после Второй мировой войны мало что смогли изменить и сделать для исправления положения. (По существующим оценкам, в Дублине теперь больше людей, которые говорят по-китайски, чем по-ирландски.) Единственным современным кельтским народом, среди которого родной кельтский язык не увядает, остается Уэльс. Исходя из этого, следует признать, что современное осознание себя части людей принадлежащими к кельтам не зависит от процесса выживания кельтских языков. Культурные,

Амбиориг — вождь эбурунов в войне с Цезарем и национальный герой Бельгии. Статуя стоит в Тонгерене — старейшем из городов Бельгии и месте, где находилось главное селение тунгров (© Майкл Николсон / CORBIS).

Статуя лузитанского вождя Вириата, почитаемого как национального героя в Испании и в Португалии, стоит в португальском городке Визеу (© 2002 «Топэм Пикчерпойнт» / «Топфото»).

исторические и политические факторы сделали более важными. Данная тенденция наглядно демонстрируется на примере испанской провинции Галисия, где новое осознание кельтиберского прошлого привело к возрождению кельтства, причем никак не коснулось вопроса языка. Современная принадлежность к всему кельтскому пропагандируется сообществами в ответ на годы, если не столетия, общественного, экономического и политического безразличия. Европейский союз прилагает усилия к тому, чтобы региональные политики дали таким сообществам шанс быть услышанными.

РОМАНТИКА ПРОТИВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На исходе XX века с ростом беспокойности по поводу состояния окружающей среды и с ослаблением позиций официальных религий романтизированный образ кельтов вновь захватил воображение публики. Кельтство произвело впечатление на некоторые более радикальные элементы среди борцов за окружающую среду, а также на новых язычников. Во многих смыслах кель-

ты теперь олицетворяют то, чего так не хватает в современной жизни — особенно духовности и уважения к естественной природе. Вероятно, неизбежен факт противоречия воинственности и нового кельтского образа, в который она весьма трудно вписывается. Действительность же, конечно, заключается в том, что прежде всего кельты являлись воинственным народом: военное дело представляло собой жизненно важный элемент в структурах и в самом существовании древнего кельтского общества, служа для индивидуума самым быстрым способом достигнуть материального благосостояния и престижа. Римляне, превратившие искусство войны в науку, отдали очевидное уважение кельтским воинам и ремесленникам, усвоив кольчатый доспех, шлем их конструкции и кавалерийское седло. Отношение кельтов к естественному миру вокруг них мало чем отличалось от того, которое бытовало и у прочих античных народов, — для них сельское хозяйство служило экономической основой их общества. Пусть для успешного крестьянского труда и требовалось обращение к высшему и сверхъестественному, это не мешало кельтам, как и всем прочим тогда, надеясь на богов, не забывать о кропотливом земном труде. Религия охватывала все аспекты их жизни, но не больше и не меньше,

Монолитный золотой торквес из Викса — одно из бесценных сокровищ раннего кельтского искусства (akg-images / Эрих Лессинг).

чем происходило это в прочих древних обществах. Любовь и пристрастие к красивым предметам, владение которыми красноречиво говорило о положении персоны, — явное свидетельство осознания материальной стороны жизни. Кельтские женщины занимали, очевидно, сравнительно высокое положение — пользовались бóльшим влиянием и сексуальной свободой, чем их сестры в Греции или в Риме, — браки представлялись у кельтов более равным партнерством. Несмотря на все это, в кельтских обществах господствовали мужчины, как и в средиземноморском мире.

НАСЛЕДИЕ КЕЛЬТОВ

Слава, достигнутая кельтским воином при жизни, переживала его и продолжала оставаться в памяти потомков довольно долгое время после смерти бойца. Героические деяния отважных предков увековечивались песнями бардов, звучавшими на празднествах и служившими примером живущим. Некоторые сказания с годами и даже веками обрастали новыми подробностями, чтобы занять прочное место среди кельтских мифов и легенд. Другие навсегда уходили в историю. В VI веке н.э. британский поэт Анейрин оставил подходящую эпитафию для кельтских воинов, когда описывал бойцов из королевства Манау Гододдин, которые выступили на встречу с саксами в битве при Кэтрэте (может встретиться как Катрает. — *Прим. пер.*):

Три сотни воинов в золотых торквесах атаковали, встав на защиту своей земли... началась резня... хотя их и убили, они сразили многих... и их будут помнить до скончанья мира (Э Гододдин).

Кельты оставили нам наследие, которое мы только сейчас начинаем понимать и правильно оценивать. Сложность их искусства, изящество их ювелирных изделий и прочих поделок из металлов, красота их языка, глубина понимания мира вокруг и их боги — все это с полным правом позволяет считать их одной из поистине великих культур Европы, сравнимой с самыми значительными в Античности.

ГЛОССАРИЙ

Ager gallicus	Регион в Италии к востоку от Апеннинских гор, примыкающий к адриатическому побережью и густо населенный кельтскими мигрантами в IV веке до н.э.
Annwn (<i>Эннун/Аннун и т.п.</i>)	Потусторонний мир в валлийских мифах и легендах.
Барды	Поэты, возвеличивавшие или высмеивавшие воинов в песнях, а также напоминающие о деяниях героев кельтских легенд.
Вайда	Растение, из которого получали синий краситель, им бритты раскрашивали или татуировали тела и лица.
Devotio (<i>девоцион</i>)	Клятва верности, приносимая воином-кельтибером вождю с обещанием сложить голову в битве рядом с ним или после его гибели.
Друиды	Привилегированный класс священников, законодателей и хранителей племенных традиций. Известны с определенностью только в Британии, где они, как считается, впервые появились, и в Галлии. У «галатой» имелись племенные судьи, которые, вероятно, хотя бы отчасти выполняли ту же роль.
Друнеметон	Переводится как «дубовое святилище». Дубовые рощи (<i>drus</i> — дуб), почитавшиеся как особенно священные у кельтов.
«Галатой» (<i>галаты</i>)	Греческое название кельтских племен, осевших в Малой Азии после разгрома кельтов в Греции в первой половине III века до н.э.
Galli (<i>галлы</i>)	Римское название кельтских народов в Северной Италии и во Франции.
Гальштат (<i>Гальштатский период</i>)	Место значительных археологических раскопок в Австрии, начавшихся на заре XIX века. Находки идентифицированы как принадлежащие к доримскому периоду железного века (с конца VIII до V века до н.э.), каковому отрезку времени дано это название. Гальштатский период считается сейчас более широким временем, простирающимся на поздний бронзовый век (примерно 1200 год до н.э.), но преимущественно связывается с княжествами раннего железного века — центрами власти в Восточной Франции и в Южной Германии. Многие элементы кельтской культуры начинают появляться с развитием технологий обработки металла с VIII века до н.э. и далее.
Geissi (<i>гейсси</i>)	Табу или священные установки, продиктованные кельтскому воину или принятые им добровольно.
Гесаты	«Копьеносцы» в узком смысле и вообще «воины», поскольку в кельтском обществе человек с копьем принадлежал к классу тех людей, задача которых состояла в том, чтобы сражаться. Можно сравнить с «ясененосцами» в раннем англосаксонском обществе (древки копий делались из древесины ясеня). Также термин обозначает большую группу кельтских наемников, которые перешли через Альпы, чтобы присоединиться к кельтским племенам на севере Италии в их борьбе с Римом на исходе III века до н.э. Характерны практикой биться обнаженными.

КЕЛЬТЫ

Caesum (<i>гесум</i>)	Большое кельтское копье.
Карник	Длинный боевой рог с раструбом в форме головы животного с открытой пастью.
Кельтиберы	Жители центра и севера Испании на позднем доримском этапе железного века. Если не считать кельтского языка, они мало чем отличались от иберийских народов с юга и востока полуострова.
Кельтские миграции	Термин, под которым понимаются крупномасштабные переселения кельтских народов из западных и центральных районов Европы в Северную Италию и регион по течению Дуная в первой половине IV века до н.э. Несколько племен впоследствии осели в Малой Азии. Причина миграций до сих пор полностью не выяснена, хотя одним из основных факторов считается перенаселение.
Кельты (<i>греч. «кельтой», лат. celtae</i>)	Общее название жителей Центральной и Западной Европы севернее Альп в конце доримского железного века (с конца 500 г. до н.э. до примерно 100 года н.э.). Происхождение и идентификация их все еще остаются спорным вопросом. Обычно они определяются как народы, изъясняющиеся на диалектах языков индоевропейской семьи, называемых кельтскими.
Клиентура	Система взаимоотношений между людьми. В основе ее лежало соглашение, по условиям которого член кельтского общества, находившийся на более низкой социальной ступеньке (клиент), обязывался служить тому, кто занимал более высокое положение (патрону), в обмен на обеспечение прочного статуса — патронаж и возможность найти себе применение при более сильном. Такая же система часто связывала не только отдельные личности, но целые кланы и племена.
Ла-Тэн/La Tène (Латенский период)	Место археологических раскопок в Швейцарии с середины XIX столетия. Считается культовым объектом — святилищем. Крупные находки под Ла-Тэном схожи с предметами, обнаруженными в Северной Франции и в Рейнской области — то есть на местах, значение которых возросло с крушением Гальштатских княжеств. Поздний железный век в доримскую эпоху именуется теперь латенским периодом, название это прочно ассоциируется с материальной культурой кельтов.
Люди искусства	См. Человек искусства.
Oppidum (<i>оппидум</i>)	Крупный, часто хорошо укрепленный городской центр.
Potlach (<i>потлах</i>)	Торжественный акт распределения и перераспределения престижных предметов и продуктов потребления, таких как золотые украшения и вино, среди дружины ее господином или же вообще в широком смысле раздача — наделение благами, часто происходившее во время праздника с целью подчеркнуть и упрочить положение дарителя.
Симпозион	Церемония ритуального потребления вина у греков. Многие из характерных черт симпозионов кельты заимствовали в своих празднествах.
Stelae (<i>стелы</i>)	Вертикально стоящие камни или колонны, обычно снабженные надписями, и скульптуры, которыми отмечены места ритуальных действий или захоронения.

Testudo (<i>тестудо</i>)	Римский пехотный строй, в котором воины прикрывали себя от метательных снарядов противника, выставляя щиты впереди, сбоку и сверху над головами. (Одним словом, это «черепаха». — <i>Прим. пер.</i>)
Tír na n'Óg	Потусторонний мир в ирландских мифах и легендах.
Торквес (<i>также торк</i>)	Нашейное кольцо (гривна), обычно выполненное из золота или других драгоценных металлов. Факт ношения торквеса подтверждал высокое звание воина, и еще торквес, вероятно, имел ритуальное значение.
Trimarcisia (<i>тримаркисия</i>)	Переводится как «группа из трех всадников» и происходит от слова <i>mach</i> («лошадь» [судя по всему, ошибка или опечатка, правильно <i>mag</i> . — <i>Прим. пер.</i>]). Термин применяется для обозначения кельтского боевого приема, когда всадника поддерживают два действующих также верхом помощника, которые подают ему свежего коня, прикрывают в случае получения ранения и сменяют в битве при необходимости.
Фальката	Меч с изогнутым лезвием, применявшийся иберийскими и кельтиберскими воинами.
Человек искусства	Ирландский термин, подразумевающий под собой представителя привилегированного класса кельтского общества, включавшего в себя мастеров, ремесленников, работавших по металлу, бардов и друидов.
Экскарнация	Процесс, в соответствии с которым тела погибших оставлялись для воздействия на них стихии или же временно погребались до тех пор, пока мясо на костях не сгнивало, после чего производилось перезахоронение или кости использовались в ритуальных целях.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОРИГИНАЛЬНЫЕ РАБОТЫ (ИСТОЧНИКИ)

- Ammianus Marcellinus, *The Late Roman Empire* (tr. W. Hamilton, Penguin Classics, 1986)
 Aneirin, *Y Gododdin* (tr. K.H. Jackson, Edinburgh University Press, 1969)
 Appian, *Roman History* (tr. H. White, 1912)
 Athenaeus, *Deipnosophistat* (tr. C. Gulick, 1928)
 Avienus, *Ora Maritima* (tr. J. Murphy, Ares, 1977)
 Caesar, *The Conquest of Gaul* (tr. S. Handford, Penguin Classics, 1951)
 Cassius Dio, *Roman History* (tr. E. Cary, 1914)
 Diodorus Siculus, *Historical Library* (tr. C. Oldfather, 1933)
 Herodotus, *Histories* (tr. A. Godley, 1924)
 Livy, *History of Rome* (tr. B. Foster, 1924)
 Lucan, *The Civil War* (tr. J. Duff, 1928)
 Pausanias, *Description of Greece* (tr. W. Jones and H. Ormerod, 1926)
 Plutarch, titles (tr. B. Perrin, 1914)
 Polybius, *The Histories* (tr. W. Paton, 1922)
 Strabo, *Geography* (tr. H. Jones, 1917)
 Tacitus, *Agricola* (tr. H. Mattingly, Penguin Classics, 1948) and *Annals* (tr. J. Jackson, 1931)
 Xenophon, *Hellenica* (tr. C. Brownson, 1918)

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Allen, Stephen, *Celtic Warrior*, Osprey (2001)
- Collins, John, *The European Iron Age*, Batsford (1992)
- Cunliffe, Barry, *Greeks, Romans and Barbarians*, Batsford (1988)
- Cunliffe, Barry, *Iron Age Britain*, Batsford (1993)
- Cunliffe, Barry (ed.), *The Oxford Illustrated Prehistory of Europe*, Oxford University Press (1994)
- Cunliffe, Barry, *The Ancient Celts*, Oxford University Press (1997)
- Cunliffe, Barry, *Facing the Ocean*, Oxford University Press (2001)
- Cunliffe, Barry, *The Celts, A Very Short Introduction*, Oxford University Press (2003)
- Gantz, J. (tr.), *Mabinogion*, Penguin Classics (1976)
- Gantz, J. (tr.), *Early Irish Myths and Sagas*, Penguin Classics (1981)
- Green, Miranda, *Celtic Myths*, British Museum Press (1993)
- Green, Miranda (ed.), *The Celtic World*, Routledge (1995)
- Green, Miranda, *Exploring the World of the Druids*, Thames and Hudson (1997)
- Haywood, John, *The Historical Atlas of the Celtic World*, Thames and Hudson (2001)
- Haywood, John, *The Celts — Bronze Age to New Age*, Longman (2004)
- Jackson, K. H. (tr.), *A Celtic Miscellany*, Penguin Classics (1973)
- James, Simon, *Exploring the World of the Celts*, Thames and Hudson (1993)
- James, Simon, *The Atlantic Celts*, British Museum Press (1999)
- Jones, Martin, *The Molecule Hunt*, Allen Lane, The Penguin Press (2001)
- Kinsela, T. (tr.), *Táin Bó Cúailnge*, Oxford University Press (1970)
- Kristiansen, Kristian, *Europe Before History*, Cambridge University Press (1998)
- Kruta, Venseslas, *Ees Celtes*, Presses Universitaires de France (2002)
- Kruta, Venseslas, *Celts, History and Civilisation*, Hachette (2004)
- Powell, T. G. E., *The Celts*, Thames and Hudson (1980)
- Ritchie, W. F. and N. G., *Celtic Warriors*, Shire (1985)
- Solway, Peter, *Roman Britain*, Oxford University Press (1981)
- Stead, I. M., *Celtic Art*, British Museum Press (1993)
- Tolkien, J. R. R., *Angles and Britons: O'Donnell Lectures*, University of Cardiff Press (1963)
- Trevino Martinez, Rafael, *Rome's Enemies (4): Spanish Armies*, Osprey (1986)
- Wells, Peter, *Beyond Celts, Germans and Scythians*, Duckworth (2001)
- Wilcox, Peter, *Rome's Enemies (2): Gallic and British Celts*, Osprey (1985)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Август, император (в прошлом Октавиан) 92, 112, 131, 156, 199
Августодун (в наст. вр. Отён) 75
Австрия 18, 20, 22, 32, 199
Аварик (ныне Бурж) 118, 165
Агенобарб, Домиций 157, 161
 алтарь (Агенобарба) 160
Агри (Франция) 81, 120
Агрикола, Гней Юлий 15, 92, 176, 190–193
Адриан, император 15, 203
Адриан, стена/вал 15, 201, 203
Адриатическое побережье/берег 14, 39, 40, 43
Азия, Малая 8, 10, 14, 24, 53–54, 60, 79–80
Азовское море 49
Аквитаны (народ) 10
Аквы Секстивы (в наст. вр. Экс-ан-Прованс) 15, 157, 159, 198
Акихорий 51, 52, 55, 61
Алалия (Корсика) 24
 битва при (537 г. до н.э.) 24, 25, 26
Александр Македонский (Великий) 14, 43, 50
Алесия 87, 117, 121, 166, 168, 170, 208
 осада (52 г. до н.э.) 15, 118, 168–171
Аллия, битва при (387 г. до н.э.) 40, 125
Аллоброги (племя) 15, 55–56, 74, 110, 157, 159, 160–161
Альбион *см.* Британия
Альпы 27, 32, 38–39, 40, 45, 198
Амбарры (племя) 37
Амбигат 35, 37, 48
Амбиориг 148, 162, 163, 208, 209
Амброны (племя) 196, 198
Ампуриас (в прошлом Эмпорион) 24
Амфревилль (Франция) 127
Англия, языки населения 10
Англси (в прошлом Мона) 91, 92, 93, 96, 185
Анероест 45, 46, 48, 61, 138
Антигон Гонат, царь Македонии 53, 55
Антиох I, царь Сирии 53
Антиох II 53
Антиох III Селевкид 14, 54, 131
Антоний, Марк 169
Антремон (оппидум) 79, 104, 107, 121, 138, 157
Апеннины 25, 38, 42, 45
Аполлон 51, 86
 разграбление святилища (279 г. до н.э.) 14, 52, 61
 святилище (Аполлона) в Дельфах 51–52, 52, 88
Аравзион, битва при (105 г. до н.э.) 196
Арверны (племя) 15, 37, 78, 157, 159, 161, 164, 165, 167, 171, 196
Ареваки (племя) 152, 153
Ареццо (в прошлом Арретий) 44
Ариовист 160, 161, 198
Аристократическая элита 77
 искусство, кельтское 84, 88, 103, 212
 кираса, гальштатский период (бронза), VIII век до н.э. 19
 кольчуга 121–122
 оружие, сдача (оружия) 201
см. также знать; воинская аристократия/элитный доспех 115, 119, 121–122, 211

см. также оружие

см. также шлемы; умбоны щитов; щиты

Арретий (в наст. вр. Ареццо) 44
Артур (король) 66, 96
Асо, река 40
Атилий, Гай 45, 46
Атребаты (племя) 161, 174–175, 181
Аттал Пергамский 14
Археодром, Бон 67, 170
Археология 12, 35
 экспериментальная археология 62–63
Аулерки (племя) 37
Афины 51

Б

Бадб, богиня войны 125
Балеарские острова 24
Балканы 14
 кельтское вторжение («Большой поход») 48–53, 60, 110
Барды 69–70, 92, 126, 207, 212
Бат 88, 97
Батавские вспомогательные отряды 182
Баттерси (шит из-под) 96, 118, 119, 190
Белград (в прошлом Сингидун) 52
Белловес 37
Бельги (народ) 10, 56–57, 74, 105, 110, 161, 162, 174–175
Бенвенути Ситула (сосуд) 23
Беннахи, гора (Абердиншир) 192
Бибракте (Франция) 75–76, 160, 162, 164, 165, 167–168
 mirus gallicus (и реконструкция) 76, 77
Битва (атака) 127, 128, 147
Битва (вызов на) 125, 126
Битва (выход на) 122–123, 125–129
Битва (смерть в) 82, 136–137
Битуит 161
Битуринги (племя) 35, 37, 165
 монета, I век до н.э. 73
Блейк, Уильям 206
Бод-да-Ллоц 18
Богемия 20, 22, 32, 34, 37, 38, 48, 50, 74, 79, 105, 196, 198
Боги, дары им 93–97
Боги, ирландские 88
Боги, кельтские 85–87, 88–89
 см. также божества
Богини, кельтские 85–86, 86, 87–88, 97
Божества 85–86, 88, 88–89, 97
 в битве 123, 125
 женские, IV век до н.э. 86
 см. также боги; богини
Бой (один на один) 82, 125, 126, 128, 131, 135
Бой (смерть в нем) 82, 136–137
Бойи (племя) 37, 42, 55, 107, 196, 199
 в битве при Теламоне 46, 47
 миграции 14, 39–40
 поражение от даков 15, 199
 поражение от римлян 45, 48
 практика захоронения 38
 союз с инсубрами 45
 чеканка монеты 74, 131
Болгария 98
Болонья (в прошлом Фельсина) 40, 42

Бон, Археодром 67, 170
Босфор, царство/королевство 48–49
Боудика (Боудикка, Бодикка и Боадицея) 16, 73, 91, 93, 138, 141, 193
 восстание (60 г. н.э.) 15, 186–190
Бран Благословенный 107
Бренн (Ворон) 40, 44, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 61, 88, 95, 138
Бретань 161, 172, 204
 диалекты 9, 10
Бретонцы 206
Бриганты (племя) 73, 185, 190
 в Ирландии 175
Бригида 88
Британия (в прошлом Альбион) 7, 171, 172–175, 177–190, 192–193, 203
 Адриан (приезд) 15
 вторжение Клавдия (43 г. н.э.) 15, 73, 181–185, 203
 жители (*pretani*) 8, 174
 «кельтское возрождение» 204
 колесницы (применение) 132
 поставка зерна для гарнизонов на Рейне 181
 разные названия в ранний период 174
 «романизация» 203–204
 север 15, 80
 торквесы, золото 83, 114
 экспедиции Цезаря (55 и 54 гг. до н.э.) 15, 161, 163, 174, 177–180
 юг 15, 76
 юго-восток 20
 язык населения 10
Британские о-ва 33
 используемые диалекты 9, 10
 торговля металлами 174, 181
Бритты 128, 192–193, 204
 и восстание Боудики 186, 187–188, 189
 и вторжение Клавдия 182, 183, 184–185
 и экспедиции Цезаря 174, 177, 178, 179
Брно-Маломержице (Моравия) 47
Бронза 19, 26
Бронзовый век, европейский 18–19
Будапешт 75
Булонь (в прошлом Гесориак) 179, 182
Бургундия 72, 159
 захоронение женское «жрица» 29
 практика захоронений 19, 21, 26–27, 38, 56, 61, 95, 107, 108, 117
Бурж (в прошлом Аварик) 118, 165
Бьюкенен, Джордж 205

В

Вавилон 14, 50
Вайда 111, 174
Ваккеи (племя) 108, 153
Валлийские мифы и легенды 13, 84, 89, 100, 107, 129
Валлийский Национальный Айтстедфод (праздник) 207
Валлийцы 205–206
Вальдальгесхайм (Германия) 86
Ватерлоо, шлем из р-на моста Ватерлоо 96, 120, 144
Вашер (Франция) 162
Вентрия 48, 199

КЕЛТЫ

Венеты (племя) 41, 45, 161, 174
Венуций 185, 190
Верика 181, 182
Веркасивеллан 170, 171
Вермандуи (племя) 161
Верования (в жизнь после смерти) 61, 71, 82, 89, 91, 96, 107
см. также потусторонний мир; религиозные верования, кельтские

Верона 39
Верцеллы, битва при (101 г. до н.э.) 15, 159, 198
Верцингеториг 78, 111, 118, 148, 164, 168, 199, 208
его бунт 80, 164–171
капитуляция 15, 171
Веруламий (в наст. вр. Сент-Олбанс) 177, 187, 188
Веспасиан, Флавий 74, 183, 190
Ветилий, Гай 149
Виллакондиде (Испания) 146
Визеу (Португалия) 210
Викс, «жрица из Викаса», могила 29, 72, 107
кратер 27, 29
повозка (модель) 26
торквес 28, 29
Вино 28, 32, 68–69, 71, 141
Вириат 148, 149–151, 152, 208, 210
Внешний вид кельтов 111–112, 164
Водные источники как средство связи со сверхъестественным миром 88, 96
Военная аристократия 43–44, 60, 61, 64–65, 68, 73, 85, 108, 109
см. также аристократическая элита

Военное дело и общество 80–83
Военное снаряжение, 114–115
Военные братства 83
Военные отряды/группировки 81, 82
Вожди («тетражи») 80, 82
Воин, военизированное общество, распространение 81–82
Воин-герой, его господство в обществе 109–111
Воины
см. также статуэтки кельтиберские 82, 151
кельтская 211
гальская 131

Воинские могилы 82
Война, боевые кличи 125
Война, военная добыча 138
Война, ее концепция 82, 83
Вольки-тектосаги (племя) 55, 159
см. также тектосаги племя

Вольнки 207
Вордсворт, Уильям 206
Воспитание 66–67
Всадники 129, 129–130, 131, 134–135, 201
гальские 132

Выборные правители (*vergobretos*) 78
Вымоченные в извести волосы 111, 164
Вэзон-ля-Ромен 9
Вьенна (Франция) 165

Г

Гадир (в наст. вр. Кадис) 24
Галатия 15, 53, 54
«Галатой» 8, 49, 54, 93, 103, 110, 122, 131
Галаты 14, 50, 51, 54, 60, 61, 91, 122, 125
в войнах как союзники Рима 15

в Малой Азии 53
вожди кланов 89
диалекты 10
кланы 79–80
тактика конницы (*trimartisia*) 129–130, 135

Галис, река 53
Галл, умирающий 196
Галлия 60 *см. также* Франция
вторжение Цезаря 80
господство племенных конфедераций 61
диалекты 10
друиды в ней 90
оппидумы 80
племена 7–8
рост 35, 37
разделение 10
«романизация» 14, 200, 203, 204
Северная 57
центр 103
Южная 79

Галлия, Трансальпийская 15, 76, 157, 160, 164, 175, 196, 203
Галлия, Цизальпийская 14, 40, 45, 157
Гальские воины 131
Гальская война (58–51 гг. до н.э.) 157–171
Гальские всадники 132
Гальские наемники 14
Галлы 10, 38, 42, 69
и боги 87, 95
и осада Алесии 169, 170–171
претензии на происхождение от божества 84
цизальпийские 56

Гальба, Сульпиций 148, 149
Гальштат(т)/Гальштатские (Австрия) 20, 114, 208
захоронения 20, 21, 21–22, 78
кираса, бронзовая, VIII век до н.э. 19
культура 14, 20–22
ножы 22, 121, 129
повозка, миниатюрн., бронзов., культовая, VII век до н.э. 25
фигурка воина, V век до н.э. 20
фигурка воина, VI век до н.э. 12
сообщества 26

«Гальштатские князья» 27, 28–29, 31
«Гальштатские княжества» 14, 26–29, 34, 37, 61, 77, 107–108, 110

Ганнибал 55–56, 131
Гаронна, долина 55
Гартон, Восточный Йоркшир 108
Гарц, горы 37
Гвадиана, река 149
Гейнебург, форт/крепость на возвышенности 26, 30–31

Гекатей Милетский 6, 172
Геллеспонт 53
Гельветы (племя) 103, 161
миграции 39, 57, 159–160, 198, 199

Генетический подход 12, 35
Герговия, оппидум 118, 165, 167
Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив) 7, 18

Германия, Западная 32
Германия, Южная 8, 10, 18, 20, 22, 79
оппидумы в Германии 80
Германоговорящие народы 159, 196, 198
Германские миграции 57
Германские наемники 196
Германцы (племена) 200
конница 167–168
Геродот 7, 11, 18, 27

Герцинское нагорье 37
Гесориак (в наст. вр. Булонь) 179, 182
Гессе, Глаубергские захоронения 20, 115, 121
Гибралтарский пролив (Геркулесовы столбы) 7, 18

Гиперборейцы 42
Глауберг, захоронения (Гессе) 20, 115, 121
Голасекка (кельты) 32, 39
культура 25, 38, 39, 133–134
Голова (культ отсеченной головы) 105, 107, 146
Головы, каменные 138
из Богемии 105
с II по III век до н.э. 93, 137

Гомер, «Илиада» 82
Города, укрепленные селения (оппидумы) 75–76, 79, 80, 82, 177, 198

Гран (Лотарингия) 103
Граупийские горы, битва при (84 г. н.э.) 15, 128, 190–192

Греки 14, 24, 34, 39, 43
взгляд на кельтов 6, 8, 11–12, 13
и галаты 79–80
из Массалии 157
колонизация средиземноморского и черноморского побережья 57

Греция 8, 23 49, 50–52
Греческое войско 51, 52
Греческие города-государства, эгейские 35
Греческие писатели 11–12, 18
Гундеструп (Дания) 53, 98
Гундеструпский котел 7, 53, 60, 97, 98, 100, 107, 112, 114, 120, 129

Гурне-сюр-Аронд 57, 95, 104–105

Д

Дагда 87, 88
Даки 15, 198–199, 200
Данные и источники 11–13
Дарданеллы 54
Дарий 51
Дейотар, вождь толлистов 15, 54
Декеанглы (племя) 183, 185
Дексфорд (Шотландия) 125
Дельфы 57, 95
разграбление святилища (279 г. до н.э.) 14, 52, 61
святилище/храм Аполлона 51–52, 52, 88

Диалекты, кельтские 9–10
Диль 177, 179
Дион, Кассий 156, 157, 182, 189
Дионисий Галикарнасский 117
Дионисий Сиракузский 40, 43

Диски
кованая бронза, I век н.э. 8
украшенные, IV век до н.э. 13
чеканка по серебру (фалера), I век до н.э. 133

Дит (отец Дит/Дис Патер) 84, 88
Дувр, белые скалы 177, 178
Друиды 60, 64, 68, 84, 89–91, 93, 94, 103–104, 164, 185
возрождение религии 206, 206–207
концепция центра 91, 103

Друнеметон («дубовое святилище») 80, 91
Дублин, Главпочтамт 208
Дунай, долина 8, 10, 14, 18, 20, 30, 48, 50, 52, 55
Дунай, река 7, 196, 199
Дуротриги (племя) 74, 183
Дуэро, долина, 145

Е

- Европа, кельтская, образование 33–34
 Европа, Западная, миграции в 55–57
 Европейский бронзовый век 18–19
 Европейский железный век 20–22, 33–34, 60
 галльстатский период 20
 народы (Европы) 12, 13, 14
 Европейские общества античности,
 их эволюция 10–11
 Египетские правители 54
 Египетское войско 131
 Езус 86, 87, 93

Ж

- Железный век, европейский 20–22, 33–34, 60
 галльстатский период 20
 народы 12, 13, 14
 Железо 20, 26
 Женева 75, 96
 Женщины в кельтском обществе 72–73, 212
 Жертвоприношения, человеческие 86, 92,
 93–95
 Животные, как объект поклонения 88–89, 90,
 97, 98, 111, 123
 Жрицы 92

З

- Завист, оппидум (около Праги) 34, 198
 Зама, битва при (202 г. до н.э.) 150, 153
 Зерно 62–63, 181
 Знать 63, 68,
см. также аристократическая элита; военная
 аристократия, олигархия («сенат») 78

И

- Иберийский полуостров 8, 9–10, 14, 18, 20,
 80, 81, 117, 144–156
 северные р-ны 198
 южные р-ны 24, 25
 Иберийцы 8, 144
 Иберния *см. Ирландия*
 Иерне *см. Ирландия*
 Иллипа, битва при (206 г. до н.э.) 147
 Иллирия 199
 Имущество 63, 64
см. также престижные товары;
 предметы из захоронений
 Индоевропейская языковая семья 9
 Инсубры (племя) 39, 42, 45, 46, 47, 55
 Инчутул (Пертшир) 193
 Ирландия (в прошлом Иберния; Иерне) 7,
 60–61, 84, 175–176, 200, 203
 друиды в Ирландии 64, 92
 кельтизация 88
 кельтство как национальность, новое
 обретение 208
 племя (*tuath*) 62
 семейная ячейка (*fine*) 62
 четыре царства/королевства 103
 языки населения 10, 204
 Ирландцы 61, 206
 Ирландские короли/цари 67–68
 Ирландские мифы и легенды 13, 64, 72, 78,
 84, 87, 107, 125, 204, 208
 Ирландское общество 62, 64
 Ирландские традиции 65, 67
 Ирод Великий, царь 131

- Исландия (Ульtima-Туле) 172
 Испания 8, 33 *см. также* Иберийский
 полуостров
 Испания, Ближняя 147, 148, 150, 153
 Испания, Дальняя 147, 148, 149, 150, 152
 Испано-кельты 8, 203
 Италия
 западное побережье 23
 заселение кельтами 42–43
 кельтское вторжение 35–40
 неударное вторжение (225 г. до н.э.)
 45–48
 продвижение кимбров и тевтонов 198
 Северная 14, 18, 33, 49, 60, 74, 122
 Южная 23, 45
 «Итало-кельтская» культура 42
 Итало-кельтские предметы 43–44
 бронзовый шлем, середина IV века
 до н.э. 41
 Итальянские озера 10, 38–39
 Ицены (племя) 73, 93, 183, 186

Й

- Йорк 203

К

- Кавалерия/конница 83
 Кавалерийская тактика (*trimarcisia*) 129–130,
 135
 Кавалеристы/конники 129, 129–130, 131,
 134–135, 201
 галльские 132
 Квады (племя) 198
 Кадис (в прошлом Гадир) 24
 Каледония 15, 203 *см. также* Шотландия
 Каледоны (племя) 15, 190, 192
 Календарь из Колиньи 100, 100–101, 101, 102
 Калигула, Гай 181
 Камулудун (в наст. вр. Колчестер) 75, 88, 177,
 181, 182, 186, 187
 Канны, битва при (216 г. до н.э.) 56, 122
 Кантабрианские горы (племена) 156
 Каратак 15, 181, 182, 183, 184, 185
 Карнуты (племя) 37, 91, 103, 164
 Карпатские горы 33, 48
 Карры, битва при (53 г. до н.э.) 132
 Картиманда, королева/царица бригантов 15,
 73, 185, 190
 Карфаген 24, 25, 45, 146–147, 149, 150, 157
 Карфагеняне (победы над Римом) 14
 Кассивелаун 179–180
 Кастро-де-Коана (Виллакондиде) 146
 Кат, Дециан 186
 Катувелауны (племя) 179, 181, 182, 187–188
 Кельтиберские (племена) 14, 144–156, 151,
 157
 воины 82
 диалекты 9, 10
 наемники 14, 146
 Кельтизация Ирландии 88
 «Кельтизация» соседних племен 81
 Кельтилл 7, 78, 110–111, 164
 «Кельтой», термин 6, 7, 8, 14
 Кельтство как национальность 207–210
 Кельты, определение 6–8
 Кельты, появление 31–34
 Кельты, островные 84
 Кельты, новое открытие 205–207
 Кенаб (в наст. вр. Орлеан) 164
- Килты 207
 Кимвры (племя) 15, 52–53, 98, 145, 157, 175,
 196, 198
 Киммерийцы 22
 Кинеты (племя) 18
 Киркбернский меч 116, 117
 Клавдий, император 186, 200
 вторжение в Британию (43 г. н.э.) 181,
 182, 185
 Клань в битве 122–123
 Клеопатра, царица Египта 131
 Клиентура 65–66, 175, 200
 Клузий, осада (387 г. до н.э.) 40
 «Книга вторжений» 175
 Колесницы 133–136
 применение британцами 132, 134–135
 британские боевые
 (реконструкция) 188
 Колесницы (в захоронениях) 32, 33, 108,
 133–134, 175
см. также четырехколесные повозки как
 предметы из могил
 Колесницы (возницы) 136
 Колчестер (в прошлом Камулудун) 75, 88,
 177, 181, 182, 186, 187
 Коммий 169, 170, 171, 177, 181
 Кони/лошади 129, 132
 Конская упряжь
 как предметы в захоронениях 21–22
 мундштуки удила, бронзовые, II или
 III век н.э.
 пластинка для укр. упряжи, бронзовая,
 I или II век до н.э. 135
 пластинка для укр. упряжи, бронзовая,
 V век до н.э. 56
 седла 211
 с четырьмя выступами-луками 131–132
 украшение упряжи, I век до н.э. 130
 Конколитан 45, 46, 48, 61
 Коннаут (Коннахт) 63, 125
 Конфедерации, племенные (*civitates*) 61
 Корнуолльский язык 205
 Корнуольцы 206
 Короли/цари, кельтские 61, 67–68, 78
 «Короли-клиенты» 186
 Короли/цари, ирландские 67–68
 Конхобар, король/царь Ольстера 91
 Корнуолл (торговля оловом) 24
 Корсика 23, 45
 Котлы, священные 107
 Гундеструп 7, 53, 60, 97, 98, 100, 107, 112,
 114, 120, 129
 Хохдорф 30, 30
 Celtae (народ) 10
 Кранног (реконструкция), Краггноуэн
 (гр-во Клэр) 66
 Красс, Марк Лициний 132, 160
 Красс, Публий 132
 Ксенофонт 130–131
 Кузнецы 64–65
см. также ремесленники по металлу
 Кунобелин 177, 181
 Курган «Холм» (Бургундия) 72
 Кухулин 72, 92, 100, 110, 117, 125, 126, 208
 Кэтрэт, битва при 212

Л

- Лабизн, Тит 165, 166, 170
 Латенские артефакты 37–38, 48, 53
 дунайские 55

КЕЛЬТЫ

круглая бронзовая пластинка (деталь сбрауи), V век до н.э. 56
кубки 43
мечи 38, 41, 43
повозка 39
Латенский художественный стиль 33, 43, 43–44, 50, 65, 103, 176, 200
Латенские захоронения (обычай) 38, 56
Ла-Тэн (Невшательское озеро) 32–33, 96, 116, 118, 208
Латенские кельты 145
Латенская цивилизация/культура 14, 32, 33–34, 37, 42, 116, 133
Ленстерский цикл ирландских мифов и легенд 110
Леонорий 51, 53, 61
Лепонтийский диалект 10, 38–39
Ливий 11, 35, 37, 42, 107, 125
Лигурийские народы 41
Лизард-Пойнт, Корнуолл (мыс Белерий) 172, 174
Лингоны (племя) 14, 164
Лион 88
Литература, устные народные предания 12–13, 205
Ллойд, Эдвард 205
Лондини 186, 187, 188
Лондон, город 182
Лондонский Тауэр 107
Луара, река 37, 159, 161
Луверний 69, 70
Лукан 86, 93, 104
Лукулл, Лициний 148
Лугус (или Луг, «бог света») 87, 88
Ля-Рокпертюз 93, 104, 106, 107, 115, 123
Лузитанская война 148–152
Лузитанский диалект 9–10
Лузитаны (племя) 119, 147–152
Луторий 51, 53, 61
Луция (воины из нее) 154
Лютетия (в наст. вр. Париж) 75, 166

М

Мабиноги 89, 107
Магнезия, битва при (190 г. до н.э.) 54
Майн, река 198
Македония 14, 50, 51, 52, 53
Македонская империя 43
Макферсон, Джеймс 207
Манэпии (племя) 175
Манау Гододдин 212
Мандубии (племя) 168, 169
Мансеттер (Уорикшир) 189
Маркоманны, плем. конфедерация 198
Мармесс (Франция) 19
Марна-Шампань, регион 32, 33
Марна-Мозель, регион 37
Марна, регион 37, 115, 121
Марс (божество) 86–87, 138
Марсель (в прошлом Массалия) 6, 14, 24, 25, 26, 32, 35, 157
Марцеллин, Аммиан 72
Марций, Гай 15, 159, 197, 198
«Массалиотский перипл» 172
Массалия (в наст. вр. Марсель) 6, 14, 24, 25, 26, 32, 35, 157
Маха 129
Медиоланум (в наст. вр. Милан) 39, 75, 103
Медуэй, река 182
Мейдн-Касл, Дорсет 74, 117, 183

Менайский пролив 185
Меркурий (божество) 86
Месета 144, 146, 150
Металлы, изделия из них 18–19, 20, 26, 212
Металлы (ремесленники по металлам) 64–65, 74, 121
Металлы, торговля ими 24, 26, 174, 181
Мезек (Болгария) 53
Миграции 81, *по*, 138, 196
кельто-говорящих народов 14, 15, 35
на запад 55–57
на юго-востоке Европы *см. Балканы*, кельтские вторжения
природа кельтских мигр. 57
см. также Италия, кельтские вторжения
Милан (в прошлом Медиоланум) 39, 75, 103
Минерва 86
Митридат IV, царь Понтийский 15, 53, 54
Мозель, река 32
Молдова 48
Мона (в наст. вр. Англии) 91, 92, 93, 96, 185
Монахи, христианские 13
Мон-Бёвре 75–76
Монеты
в Британии 129, 177, 181
Верцингеторига 199
золотая (битуригов) I век до н.э. 73
римские 161, 164
серебряная из Галлии 75
серебряная тетрадрахма Филиппа II
Македонского 55
Мон-Лассуа (Бургундия) 26, 29, 31
Мон-Сен-Мишель (Икпис) 172, 174
Монте-Бибеле 42
Моравия 198
Морбиган, залив 161
Морриган, «Царица Тьмы» 87–88, 125
Мясо, потребление 61, 71

Н

Набеги 71, 80, 82
Нагота героев 122
Надписи, кельтские 9, 12
Наемники 83
в битве при Теламоне 45, 46–47
в греческих армиях 130–131
галатийские 53–54
галльские 14
германские 196
кельтиберы 14, 146
кельтские (*gaesatae*) 38, 43, 54, 55, 56, 74, 82–83, 110, 201
Наемники конные 131
Наполеон III 208
Нарбон (в наст. вр. Нарбонна) 6, 157, 161, 164
Национализм 207–208
Невшательское озеро 32–33
см. также Ла-Тэн, Невшательское озеро
Нерви (племя) 128, 129, 161
Нерон, император 186, 190
Нидерланды 20
Николаев на Украине (в прошлом Ольвия) 49
Никомед, царь Вифинии 53
Нил, река 54
Ниракс (в наст. вр. Норейя) 6–7, 196
Ножны, гальштатского меча 22, 43, 114, 121, 129
Норейя (в прошлом Ниракс) 6–7, 196

Норик, царство/королевство 196, 199
Нумантинцы 153, 154, 155
Нуманция, оппидум 146, 152–153
осада (137 г. до н.э.) 152
осада (134–133 гг. до н.э.) 14, 154–156, 157

О

Общество, кельтское
в переходный момент 60–61
военное дело 80–83
и войны, их распространение 81–82
см. также клиентура; празднества; воспитание; статус; женщины в кельтском обществе
структура раннего 62–65
трансформация после римского завоевания 200–201, 203
характерные особенности 37
Одежда, кельтская 114–115
см. также килты
Октавиан (позднее император Август) 92, 112, 131, 156, 199
Олово 24, 26, 172
Ольвия (в наст. вр. Николаев, Украина) 49
Оппидумы (отгороженные укрепления селения) 75–76, 79, 80, 82, 177, 198
Оранж (в прошлом Аравизион) 196
Ордовики (племя) 183, 185, 190
Орлеан (в прошлом Кенаб) 164
Оружие 82, 115–118, 201
более длинные мечи 131
железные I век до н.э. 116, 118
камни для пращи 117–118
кинжал, железный, гальштатский, середина V века до н.э. 32
кинжики мечей 116
копейные острия, бронзовые, IV век до н.э. 126
копья 116
луки и стрелы 117, 118
поздний III век до н.э. 95
мечи, *gladius hispaniensis* 117
мечи, кельтские 33, 48, 116–117, 162
киркбернский 116, 117
латенский 38, 41
латенский, I век до н.э. 43
р-н Марны, середина V века до н.э. 115
рубящий (*falcata*) 117, 119, 148
Оссиан, «Поэмы Оссиана» 207
Отён (в прошлом Августодун) 75
Охота 61

П

Павел, Эмилий 45, 46, 48
Павсаний 8, 50, 51, 122, 129, 131
Паннония 131, 199
Париж (в прошлом Лютетия) 75, 166
Парисии (племя) 165
в Йоркшире 174–175
Парфия, вторжение в (53 г. до н.э.) 132
Паулин, Светоний 185, 187, 188–189, 190
Пвилл, князь Дифеда 89
Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э. 130–131)
Пергам, Малая Азия 54, 141, 141, 196
Персидская империя 24
Персы 7

- Пиза 45
 Пикты 10, 174
 Пиренеи 198
 Пирр Эпирский 53
 Писатели, греческие и римские 11–12, 18
 Питей из Массалии 7, 8, 172
 Пифагор 91
 Плавций, Авл 182–183
 Плутарх 37, 132
 По, долина 10, 14, 25, 32, 37–38, 39, 40, 48
 По, река 39–40, 198
 Повозки
 Латенская 39
 миниатюрная бронзовая, культовая, VII век до н.э. 25
 модель по образцу, извлеч. из могилы «жрицы из Вика» 26
 четырёхколёсные как предметы для захоронения 22, 27, 29
 Подлий 11, 45, 55, 56, 75, 117, 122, 147
 «Всеобщая история» 64, 66, 138
 и битва при Теламоне 46–48
 Политика, средиземноморских держав 22–25
 Помпей Великий (Тней Помпей Магнус) 15, 54, 160, 164
 Понятия о законности, кельтские 65
 Португалия 8 см. также Иберийский полуостров
 Посейдоний 69, 70, 71, 93
 Потусторонний мир 82, 89, 94, 95, 96, 110, 137
 см. также верования в жизнь после смерти
 Празднования 69–71
 Праздники кельтского года 102–103
 Престижные товары 23, 24, 27, 28, 31, 32, 34, 61, 107–108, 212
 раздача (*potlach*) 68
 см. также имущество
 Предметы из захоронений 26–28, 32, 60, 82, 107
 I век до н.э. 61
 Гальштат 21, 21–22
 см. также колесницы в захоронениях; имущество
 четырёхколёсные повозки 22, 27, 29
 Предсказатели (судьбы) 92
 Птолемей 175
 Птолемей IV 131
 Птолемей Керавн, царь Македонии 50
 Птолемей Филадельф, правитель Египта 54
 Пуническая война, Первая (264–241 гг. до н.э.) 45
 Пуническая война, Вторая (218–202 гг. до н.э.) 14, 55–56, 131, 146
 Пшеница, древние разновидности 62–63
 Пьянство 69, 71
- Р**
- Работорговля 54, 69, 76–77, 141
 Рабство 141
 Рамзауэр, Иоганн Георг 21
 Рафия, битва при (217 г. до н.э.) 131
 Регий, осада (391 г. до н.э.) 40
 Рейн, река 161, 163, 196
 Рейнская область 32, 33
 Верхний 159
 диалекты населения 10
- Религиозные верования, кельтские 84–108, 211–212
 см. также верования в жизнь после смерти; потусторонний мир
 Ремесленники как класс специалистов 62, 64–65, 68
 Ремы (племя) 161, 164
 Ренессанс 205
 Рибмон-сюр-Анкр 57, 104–105
 Рим 14
 господство этрусков 23
 гражданская война 192
 Капитолий 40
 Марметинская тюрьма 171
 первый триумvirат 160
 политические беспорядки 164
 преторианская гвардия 181
 разграбление кельтами (387 г. до н.э.) 14, 40, 42
 рост мощи в Средиземноморье 45
 экспансия 76–77
 Римская армия 40
 в битве с бойями 107
 в битве при Теламоне 14, 45–48
 в Британии 134–135, 186–187, 188–189, 190, 192, 203–204
 в Галлии 14, 157–159, 160, 161, 162, 163, 164, 165–168, 169–171, 196, 198
 вторжение Клавдия 182–183, 184–185
 Красса 132
 на Иберийском полуострове 146, 147–148, 149–152, 153
 победа над сенонами 44–45
 2-й легион «Августа» 182–183, 187, 188, 190
 7-й легион 179
 9-й легион 186
 10-й легион, орлоносец 177
 14-й легион 187, 188
 20-й легион 187, 188, 190
 легионеры 160
 экспедиции Цезаря 177–179
 Римские авторы 11–12, 18
 Римское вторжение в Британию (43 г. н.э.) 15, 73, 181–185, 203
 Римское гражданство 200–201
 Римская империя, расширение 200–201, 203–204
 Римская республика, система управления 61
 Римская точка зрения в отношении кельтов 6, 8, 10, 11–12, 13
 Римско-британские народы 204
 «Роб Рой» 207
 Рог, Хохдорфский, для питья 62
 Рога, боевые (карниксы) 112, 114, 125
 Рога, кельтиберские керамические 152
 Рона, река 165
 Рона, долина 55, 74, 157
 Рона-Сона, долина 25, 26
 Роулинсон, Томас 207
 Романтический взгляд на кельтов 206, 207, 210–212
 Романтики 206
 Румыния 98, 199
 Рыцари 132
- С**
- Сабин 162–163
 Салювии (племя) 14, 15, 79, 93, 138, 157
 Самбр, битва на 128
 Самбр, река 161
- Самоубийство, ритуальное (*devotio*) 82, 83, 138, 141
 Сантоны (племя) 159
 Сардиния 23, 24, 45
 Свевы (племя) 159–160, 161
 Святылища 104–105
 дубовые роши (*drunemeton*) 80, 91
 Севенские горы 164
 Северн, река 183
 Севтополь 50
 Сеговес 37, 48
 Секвана, богиня 88, 96–97
 Секваны (племя) 66, 159, 161, 196, 198
 Селения, огороженные (оппидумы) 75–76, 79, 80, 82, 177, 198
 Селевкиды 53
 Селения на возвышенностях (*castros*) 145–146
 Сельское хозяйство, кельтское 62–63
 Сельскохозяйственные животные 63, 64, 109
 Сена, долина 165
 Сена, исток 88, 96, 96–97
 река 37, 159, 166
 Сенигаллия 45
 Сеноны (племя) 42–43, 50–51, 165
 женские захоронения 38
 миграции 14, 37, 40, 56
 разгром римлянами 44–45, 57
 Сентин, битва при (295 г. до н.э.) 44
 Сент-Олбанс (в прошлом Веруламей) 177, 187, 188
 Силуры (племя) 183, 185, 190
 Симпозион (церемония винопития) 28
 Сингидун (в наст. вр. Белград) 52
 Сицилийский, Диодор 40, 88, 89, 94, 105, 125, 141, 144
 и Британия 172, 174
 и внешний вид кельтов 111, 112
 и галлы 69, 72
 и колесницы 134, 136
 и кельтское оружие и доспехи 115, 117, 119
 Сицилия 23, 24, 43–45
 Скапула, Осторий 183, 184, 186
 Скартхах, женщина-друид 72, 92
 Скифы 7, 22, 27, 129
 Скордиски (народ) 15, 52, 98, 199
 Скот 63, 64, 109
 «Рейд за скотом в Кули». См. *Táin Bó Cúailnge*
 Скотт, сэр Вальтер 207
 Скульптуры
 Гай Марий 197
 каменная богиня коней 87
 кельтиберский воин 131
 Пергам III век до н.э. 141
 см. также головы, каменные; статуи; статуэтки
 Словакия 48, 199
 Смерть в бою 82, 136–137
 Снеттешем (Норфолк) 83, 114
 Сокровенные места, *drunemeton* («дубовое святилище») 80, 91
 Сомма — Брион 56
 Сона, река 75, 159, 160
 см. также Рона — Сона, долина
 Сосуды для питья
 Бенвенути Ситуала, бронза, VII век до н.э. 23
 бронза 27–28
 бронзовый кратер из Вика 27, 29

КЕЛЬТЫ

золотая чаша, Шварценбах, V век до н.э. 34
кубки, латенские 43
Средиземноморская торговля 23–24, 26, 27
см. также престижные товары
Средиземноморские державы, политика
22–25
Статуи (фигуры)
бронзовая, Боудики 193
бронзовая, Кухулина 208
воин 110
знатный галл, I н.э. 162
галыштатская, V век до н.э. 20
галыштатская VI век до н.э. 12
нобиль или божество, от III до II века
до н.э. 123
«Умирающий галл», конец III века
до н.э. 196
Статуэтки, бронзовые
V век до н.э. 24
I век до или н.э. 85
I век н.э. 111
вебрь 90
Статус (положение) 67–68, 77
поиск и борьба за него 37
Стоунхендж 92, 206
Страбон 6, 35, 50, 57, 92, 93, 116, 176
Стрелки из лука 118
Стур, река (Кент) 179
Стьюкли, Уильям 206
Стэнуик, Северный Йоркшир 182
Сулис 88, 97
Сципион, Фабий Максим 150
Сципион, Эмилиан Африканский 153, 154,
155, 156

Т

Табу, личные правила (*geissi*) 109
Тактика конницы *trimarcisia* 129–130, 135
Тактика «притворного бегства» 130–131, 147
Тара 62
Тара, королева/царица воинов на колесницах
135–136
Таранис 86, 87, 93
Тарент 74
Тартан 207
порты тартесцев 174
Тартесс («Таршиш») 24
Тауриски (племя) 46, 47, 196, 199
Тацит 18, 93, 128, 129, 176, 183–184, 185, 189,
192, 200
Тевтат 86–87, 93
Тевтонское племенное сообщество 13, 52–53,
145, 157, 175, 196, 198
Тектосаги (племя) 14, 53, 54, 55
см. также вольки-тектосаги (племя)
Теламон 46
Теламон, битва при (225 г. до н.э.) 14, 45–48,
56, 61, 110, 122, 138
Темза, река 96, 116, 118, 119, 120, 175,
179, 182
Темза, устье 181
Тибр, долина 40
Тиберий 92
Тилис, царство 53
Тилле, река 33
Тир 24
Tig na n'Óg 89
см. также потусторонний/загробный мир
Толлстобог (племя) 14, 53, 54
Толоса (в наст. вр. Тулуза) 51, 55, 95–96

Торквес (шейная гривна) 7, 83, 97, 112
I век н.э. 184
британский, золотой, I век до н.э. 83
золотой из Викса 28, 29, 211
латенский, золотой, III век до н.э. 187
посеребренный железный, II век до н.э. 64
снеттишемский, золотой 83, 114
Тулуза (в прошлом Толоса) 51, 55, 95–96
Торговля, средиземноморская 23–24, 26, 27
см. также пути поступл. престижных
товаров 19, 20, 25, 30, 37
Треббия, битва на 56
Тринованты (племя) 88, 179, 180, 181, 186
Трог, Помпей 37
Трокмни (племя) 14, 53, 54
Тунгры (племя) 209
Турция *см.* Азия, Малая

У

Уильям, Эдвард (Айло Морганнуг) 207
Уитем, река 119, 122
Украина 48
Укселлодун, осада (51 г. до н.э.) 171
Ульстер (также Ольстер) 63
Ульстерский (Ольстерский) цикл древних
ирландских сказаний 109–110
Умбрийская территория 40
Умбрийское нагорье, народ с него 41
Уния, акт о ней 205
Уондзуорт 96, 175
Уотлинг-Стрит 187
Урбанистическая цивилизация, кельтская, ес
эволюция 73–80
Урбанизированное общество, развитие
200–201
Урны погребальные, культура погр. урн 19,
20, 21
Уэльс 84, 183, 185, 203, 204, 207, 209
мифы *см.* валлийские мифы и легенды
языки населения 10

Ф

Фезула (около Флоренции) 45
Фельсина (в наст. вр. Болонья) 40, 42
Фенианское общество 208
Ферма, галльская (реконструкция),
Археодром 67
Фермопилы, битва у (281 г. до н.э.) 14, 51
Фермоильский проход 51
Фиванцы 43, 130–131
Фигурки (статуэтки)
бронзовая, война, I век до н.э. 124
графин (отделка), бронза, III век
до н.э. 47
графины из Бас-Юц ок. 400 г. до н.э.
69, 70
каменная, из Галлии 88
Филипп II Македонский 55, 74
Финикийцы 24
Фокида 24
Фортификации (укрепления), *murus gallicus*
76, 77
Форты/крепости на возвышенностях 21, 26,
74, 75, 76
в Южн. Британии 117–118
Фракийцы 50, 53, 98
Фракия 50, 51
Франция 6, 8, 18, 20
см. также Галлия

Атлантическое побережье/берег 33
диалекты населения 10
Северная 37, 57
Северо-восточная 32

Х

«Хохдорфский князь», могила в Баден-
Вюртемберге 29–30, 107
бронзовый одр 31
котел 30
рог для питья 62
украшение для обуви 29, 30
Хранение пищи 61
Хэллоуин (Самбайн) 94–95

Ц

Цезарь, Гай Юлий 10, 11, 64
бунт Верцингеторига 164–165, 166–169,
170–171
«Записки о Галльской войне» 7–8, 60, 66,
67, 73, 78, 90, 95, 138, 196
в Галлии 15, 75, 80, 84, 91, 157, 160, 161, 163
и бельги 56–57
и Бибракте 166–168
и битва с эбуронами 162–163
и божества 86, 87
и Британия 174
и гельветы 39, 103
и друиды 90, 91
и кельтские верования в жизнь после
смерти 107
и колесницы 134–135, 136
и нервии 128, 129
и сокровенные рощи 104
и человеческие жертвоприношения
93–94
Рейн (вылазки через него) 161, 163
экспедиции в Британию (55 и 54 гг.
до н.э.) 15, 161, 163, 174, 177–180
Ценоманы (племя) 14, 37, 39, 42, 45
Центр, символический 91, 103
Цепион 95–96
Цернунн («рогатый») 88, 97, 98, 100
Цизальпийская Галлия 48, 164
Цизальпийские галлы 56
Цицерон 82

Ч

«Человек из Линдоу» 94
Черное море, побережье/берег 33
греческие города 48
Четырехколесные повозки как предметы для
захоронения 22, 27, 29
Честер 203
Чиумешти (Румыния) 49, 120
Чичестер 182

Ш

Шампань (регион) 38, 56
Шварценбахская золотая чаша, V век до н.э.
34
Швейцария 18, 20, 39, 159
Шлемы 115, 119–120, 211
Амфревилльский бронзовый, IV век
до н.э. 127
бронзовый с золотым покрытием, III век
до н.э. 121

бронзовый итало-кельтский, серед.
IV века до н.э. 41
железный, IV век до н.э. 49, 120
железный из Алесии 166
из Агри 120–121
из Ажана, 121
из р-на моста Ватерлоо, с рогами, I век
до н.э. 96, 120, 144
из Темзы 120
поздн. IV век до н.э. 81
см. также доспехи
Шотландия 190, 192–193, 200, 203, 204
осознание причастности к кельтству
207
см. также Каледония
языки населения 10, 207
Шотландцы 206

Щ

Щиты, умбоны
бронзовый, I или II век до н.э. 96
бронзовый, кельтиберский *caetra* 194
кельтиберский, I век до н.э. 156
Щиты 115, 118–119, 122

Бронзовый из Чертси 131
из Баттерси 96, 118, 119, 190
из Уитема 119, 122
из Уондзурта 96, 175
малый (*caetra*) 118–119, 149

Э

Эбро, долина 145, 153
Эбуроны (племя) 162–163
Эгейские греческие города-государства 35
Эдуи (племя) 37, 66, 75, 118, 159, 160, 161,
163–164, 171, 200
Эйвбери 206
Эйлсбери (Бакингемшир) 94
Экс-ан-Прованс (в прошлом Аквы
Секстиевы) 15, 157, 159, 198
Эллинистические правители 53–54
Эмпорион (в наст. вр. Ампуриас) 24
Эпона 87, 88, 111
Эскалибур 96
Этрурия 38, 45
Этруски 23–25, 27, 32, 34, 38, 39, 40, 42, 43,
44
Этруская территория 40, 42

Ю

Ювелирные изделия 38, 56, 64, 65, 112, 212
браслеты, бронзовые, I или II век н.э. 72
брошь, золотая 147
серьги, золотые 72
см. также торквесы, браслеты, золотые
72
эмаль 65
Юпитер (божество) 86
Ютландия, полуостров 52–53, 196

Я

Языки, кельтские 8, 9–11, 12
бритские 10
гойдельские 10
континентальные 9
об уцелевших 204, 205–206, 209
островные 9, 10
«Р-кельтские» 10
«Q-кельтские» 10

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

- 387 г. до н.э. — разграбление Рима кельтами. Общепринятая дата 390 г. до н.э., хотя называется и эта.
- ...могильник «жрицы из Викса». Так принято у нас, хотя в оригинальном тексте *the Vix Princess* — «княгиня из Викса».
- Интересна ремарка Т. Ливия в V главе его «Истории Рима...»: «Когда же голод принудил римлян сойти к ним (к сенонам), чтобы выплатить тысячу фунтов золота... то Фурий Камилл... является с войском в самое время переговоров о мирных условиях, избивает и изгоняет галлов после шестимесячного их пребывания в Риме». Кстати, Ливий относит события к пятилетию 404–390 гг.
- ...он захватил Сицилию, Корсику и Сардинию, отвоевав их у Карфагена во время Первой Пунической войны 264–241 гг. до н.э. Корсику и Сардинию римляне захватили уже после этой войны, тогда как овладение Сицилией и вовсе относится к более позднему времени Второй Пунической.
- ...практика самоубийств, совершаемых в соответствии с «девоцион»... *Devotio* — слово, конечно же, не оригинальное кельтское, а латинское.
- ...Дит Цезаря. Так в русском переводе «Записок», вообще же Дис Патер, или Отец Дис.
- ...все люди с положением и званием в Галлии относились либо к нобилитету... В русском переводе «Записок» нобили именуется всадниками.
- ...римлянам не следовало бы указывать пальцем на других, коль скоро и они иногда без особых сомнений прибегали

- к подобной же практике. Проводить сравнения, разумеется, совершенно неуместно, поскольку римляне приносили людей в жертву только во времена глобальных бедствий, в случае крайности, для кельтов же это была обычная практика.
- ...не сумел воспользоваться плодами добычи, найденной в святилище. Цепиону пришлось иметь дело с обвинением в незаконном присвоении военной добычи, однако без каких-то серьезных последствий.
- ...Самбайн, Имбольк, Бельтан и Лугнасад. Пропущенные для нас как минимум через два языка названия могут несколько варьироваться в зависимости от традиции транслитерации и фонетических предпочтений переводчиков.
- ...копье, сделанное целиком из железа и называемое «солиферрум». *Soliferrum* — букв. «только железо», слово вновь латинское, а не кельтское.
- ... в чем-то сходными с римскими пилумами. *Pilum* (мн. ч. *pila*) — римское тяжелое метательное копье с длинным наконечником.
- ...лучники среди них отсутствовали, и их приходилось сзывать. Так или иначе сам Цезарь говорит об эпизоде под Алесией: «Во время их бегства стрелки были окружены и перебиты» [цит. раб. VII. 80].
- Бобыль и сам часто укрепляли бронзовой или железной пластиной. Очевидно, правильное все же говорить о некоем деревянном ребре жесткости с цельнометаллическим умбоном.

- 15 ...которую он называет тримаркисия. Это, вероятно, переводится как «троеконие», поскольку *marca* на языке галлов, похоже, обозначало лошадь, хотя автор, судя по всему, думает несколько иначе, или же это результат не зависящей от него ошибки при обработке рукописи (см. *гlossарий*).
- 16 ...Гальба приказал убить воинов, насчитывавших до 9000 чел., а прочих продать в рабство. Не стоит смотреть на данный факт под однозначным углом: лузитане вовсе не были такими невинными овечками, безжалостно зарезанными вероломными римлянами, причиной такого обращения с ними являлся бандитизм и набеги на чужие территории, которые предпочитали кельты мирному хозяйствованию на своей земле; им, как и многим до и после них в том или ином уголке мира, представлялось куда более удобным отобрать у чужаков плоды их труда, чем добывать свой хлеб потом и кровью.
- 17 ...они построили вокруг всего оппидума опоясывающую стену протяженностью 9 км. Вероятно, чуть больше 8 км, поскольку античные авторы имеют в виду римские мили, тогда как англоязычные авторы часто понимают под ними свои, британские, хотя у Аппиана («Римская история, Иберийско-римские войны», 90), откуда, похоже, черпал информацию автор, даны стадии, в результате при пересчете получается число, близкое к 9 км.
- 18 ...велел закрепить между берегами на якорях деревянные балки с вделанными в них лезвиями мечей и остриями копий. Строго говоря, речь идет о наличии такой преграды только через Дуэро.
- 19 ...«Галлиию по ту сторону Альп». *Gallia Transalpina*, иначе Галлия Нарбоннова (*Gallia Narbonensis*), Наша Провинция (*Provincia Nostra*) и просто Провинция (*Provincia*), отсюда современное французское Прованс.
- 20 ...вырезали пять когорт вновь созданного легиона на марше. В действительности пятнадцать когорт, которые эбуроны сами выманили из лагеря лживыми уверениями в дружбе; число потерь обозначено в VI, 1 цит. автором соч.; о самой битве там же — V, 25–37.
- 21 ...надо братья за оружие ради боя за независимость Галлии. Все это, конечно же, досужие домыслы, никто никаким уничтожением галлам не угрожал, тогда как в основе брожения, как у эдуев, так и у всех прочих, лежала не борьба за некую мифическую независимость, а желание, с одной стороны, большого количества черни пограбить и поживиться чужим добром, а с другой — некоторых вождей или жаждущих власти нобилей малой ценой нажить себе политический капитал; так или иначе эдуи частью сражались за римлян; да, Цезарь говорит в записках о недовольстве галлов утратой свободы, однако он имеет в виду, прежде всего, все-таки тот факт, что тем пришлось подчиниться Риму; между этим взглядом и нашей точкой зрения в отношении свободы и независимости той или иной нации, народа, страна которого захвачена иноземными войсками, борющегося за те же самые свободу и независимость, есть большие различия, ибо, прежде всего, галлы не являлись единым народом и ни в коем случае не осознавали себя как таковой.
- 22 ...противник отбросил римлян с чувствительными потерями. Не совсем верно, ибо Цезарь и не собирался штурмовать город и не штурмовал его, тем более с ходу, он стремился занять удобные позиции вокруг него, а виной больших потерь — почти 700 чел. за один день — стала излишняя горячность младших командиров, решивших развить легко достигнутый местный успех; VII, 26–52.
- 23 ...достигала в длину 21 км. Поскольку мили у Цезаря римские, а не британские, длина стен 16 и 20 км соответственно; римский фут тоже чуть меньше, что, однако, в данном случае несущественно.
- 24 ...орлоносец любимого Цезарем 10-го легиона швырнул штандарт в гущу вражеских воинов и прыгнул за борт, криком призывая прочих последовать за ним. В действительности, как написано у Цезаря в IV, 25 цит. соч., легион был 9-м, а знаменосец нес знамя впереди, а не бросал его, хотя знаменосцы разных уровней иногда подобным образом и поступали, стремясь вызвать боевой порыв оробевших товарищей.
- 25 ...и снова ушел на север навстречу легионам по Уотлинг-Стрит. Одна из основных римских дорог в Британии, соединявшая Дувр, Лондон и Роксетер.
- 26 ...показывает стремление римлян поставить барьер на пути противника, который так и остался до конца не разгромленным. Автор склонен переоценивать значение последующего противодействия племен Каледонии и недооценивать достижения Агриколы; полного замирения было бы возможно достигнуть лишь за счет полного же уничтожения и продажи в рабство враждебных племен, чего римляне никогда не делали и к чему не стремились, если их к этому не вынуждали особые злодеяния со стороны местных; ничего подобного в данном случае не наблюдалось, тогда как победитель ожидал, что подобно ему будут поступать в последующем другие губернаторы и командующие, то есть время от времени приводить в ум варваров, если те вздумают бунтовать и нарушать гармонию римского мира, демонстрациями непрекращаемой силы римского оружия.
- 27 ...изучение мегалитических памятников Эйвбери. Село в Уилтшире, где находится мегалитический комплекс; поблизости — курган Силбери-Хилл.
- 28 ...в среде Фенинских обществ. То есть формирований, боровшихся за освобождение Ирландии от английского владычества.
- 29 Как мы видим, традиция возводить в героев клятвопреступников, бандитов и обыкновенных уголовников присуща не только нашей российской, или, если угодно, советской, ментальности — взять хотя бы переименованную в ул. Разина древнюю Варварку; от подобного, судя по всему, не застрахован никто, хотя если у нас и произошло некоторое отрезвление, цивилизованная Европа уверенно шагает вперед и вперед торным путем истории, которая, как известно, никого и ничему не учит.

«Все, кто роду и племени их... грезят войной; они отважны и быстро решаются на битву... Исполнившись намерения сражаться, готовы рискнуть жизнями, не рассчитывая ни на что, кроме как на свою силу и удаль», – писал античный автор Страбон

Рассказ о свирепых, бесстрашных воинах, отвергавших доспехи из презрения к смерти и врагу и наводивших ужас на прекрасно вооруженные и закаленные в боях греческие фаланги и непобедимые римские легионы

Как и почему были побеждены и покорены кельтские племена, стойко сражавшиеся на протяжении нескольких веков, но не устоявшие перед мощью Великого Рима, и насколько велико оказалось влияние кельтской цивилизации на историю и культуру современной Европы

История сложного, полного преданий и тайн мира кельтов, оставивших после себя память не только как о неустрашимых в битвах и жестоких варварах, но и как о гениальных и самобытных художниках и мастерах, чьи великолепные произведения восхищают людей на протяжении двух тысяч лет

Редкие цветные и черно-белые фотографии предметов искусства и археологических находок, а также цветные карты и схемы

ISBN 978-5-699-38415-0

9 785699 384150 >

ЭКСМО